

**ЛОИС
МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД**

ГРАЖДАНСКАЯ
КАМПАНИЯ

Вселенная Майлза Форкосигана

Лоис Макмастер Буджолд

Гражданская кампания

«Издательство АСТ»

1999

Буджолд Л.

Гражданская кампания / Л. Буджолд — «Издательство АСТ»,
1999 — (Вселенная Майлза Форкосигана)

Майлзу Форкосигану не раз приходилось проворачивать сложные дипломатические операции, участвовать в опаснейших схватках, брать на бордаж вражеские корабли. Но покорить сердце прекрасной вдовы – задача куда серьезней. Кто мог знать, что обычный ужин в дружеском кругу обернется настоящей катастрофой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Лоис Макмастер Буджолд

Гражданская кампания.

Комедия биологии и нравов

Джейн, Шарлотте, Джорджет и Дороти – да правят они вечно.

Глава 1

Визг тормозов. Бронированный лимузин замер в сантиметре от бампера идущей впереди машины. Сидящий за рулем оруженосец Пим выругался сквозь зубы. Майлз снова плюхнулся на сиденье. Вот черт! Если б не отменные рефлексы Пима, не миновать Майлзу скандальной разборки. Интересно, удалось бы убедить лоха из передней машины, что вмятина от лимузина Имперского Аудитора – это привилегия, которую еще заслужить надо? Вряд ли. Виновник же непредвиденной остановки – студент университета Форбарр-Султана, внаглую переходивший бульвар, проскользнул между машинами, даже не оглянувшись. Поток транспорта двинулся дальше.

– Вы не слышали, муниципальная система контроля за транспортом скоро вступит в силу? – поинтересовался Пим в связи с этой – третьей по счету Майлза – аварийной ситуацией на неделе.

– Не-а. Форбон-младший говорил, что они снова перенесли все сроки. В связи с участвовавшими тяжелыми авариями флайеров в первую очередь решено запустить воздушную автоматическую систему.

Пим кивнул и сосредоточился на дороге. Оруженосец выглядел, как всегда, безупречно. Коричневый с серебром мундир, седина на висках. Пим начал службу вассального оруженосца семьи Форкосиганов еще когда Майлз учился в академии и, несомненно, будет служить и дальше – пока не умрет от старости или пока оба не гробанутся в автокатастрофе.

Пожалуй, с привычкой срезать путь пора завязывать. В следующий раз лучше объехать университетский городок. Майлз смотрел сквозь стекло на башни новых университетских зданий. Лимузин въехал через железные ворота на милые улочки старого городка, где предпочитала жить профессура и сотрудники. Здешние постройки относились к последнему десятилетию Периода Изоляции. Тогда здесь не было даже электричества. Лет сорок назад район восстановили, и теперь его украшали раскидистые зеленые деревья с Земли и яркие цветы в ящиках под высокими узкими окнами высоких узких домов. Майлз поправил стоявшую в ногах корзину с цветами. Не сочтет ли та, кому они предназначены, что цветы чересчур экзотичны?

Пим, уловив движение, проследил за взглядом Майлза.

– Похоже, леди, что вы повстречали на Комарре, произвела на вас большое впечатление, милорд... – И выжидательно замолчал.

– Да, – коротко ответил Майлз, не желая продолжать разговор.

– Леди, ваша матушка, возлагала большие надежды на ту очень симпатичную мисс капитан Куин, что вы привозили домой.

Уж не прозвучала ли в голосе Пима нотка тоски?

– Теперь – мисс адмирал Куин, – вздохнул Майлз. – Я тоже возлагал. Но она сделала для себя правильный выбор. – Он скривился, отвернувшись от Пима. – Я поклялся не влюбляться больше в женщин с других миров – ведь потом приходится убеждать их перебраться на Барраяр. Знаешь, Пим, я пришел к выводу, что единственное, на что остается надеяться, –

сначала найти женщину, способную хоть как-то терпеть нашу планету, а уж потом убедить ее полюбить и меня.

– Госпожа Форсуассон любит Барраяра?

– Почти так же сильно, как и я, – мрачно улыбнулся Майлз.

– А... э-э-э... вторая часть?

– Там увидим, Пим.

Или не увидим, что тоже не исключено. Что ж, по крайней мере наблюдения за мужчиной тридцати с небольшим лет, впервые в жизни вознамерившимся серьезно ухаживать за женщиной – во всяком случае, *впервые ухаживать в барраярском стиле*, – сулят немало веселых минут его слугам.

Майлз сделал глубокий вдох и попытался расслабиться. Пим тем временем отыскал место парковки возле дверей дома лорда Аудитора Фортица, ловко вогнал древний бронированный лимузин на микроскопическую площадку и распахнул дверцу. Майлз вылез, изучая взглядом фасад трехэтажного дома, где обитал его коллега.

Профессор Георг Фортиц, специалист по анализу инженерных неполадок, вот уже более тридцати лет преподавал сей предмет в Форбарр-Султанском университете. В этом доме он прожил большую часть жизни вместе с женой. Здесь они выпестовали троих детей и сделали две академические карьеры еще до того, как император Грегор назначил Фортица Имперским Аудитором. Однако ни сам профессор Фортиц, ни его супруга не посчитали нужным менять из-за этого привычный и милый сердцу образ жизни. Госпожа профессор Фортиц по-прежнему каждый божий день шла проводить занятия. «Господи, Майлз, нет! – возопила госпожа профессор, когда Майлз как-то раз высказал свое удивление тем, что они не воспользовались возможностью сменить жилье на более престижное. – Ты можешь себе представить, как мы будем перевозить все эти книги?! Не говоря уж о занимающих весь подвал лаборатории и мастерской».

И вот сейчас они пригласили пожить у себя овдовевшую племянницу с маленьким сыном. Комнат полно, радостно сообщила госпожа профессор. С тех пор как дети разлетелись кто куда, весь верхний этаж полностью свободен. И совсем близко от университета, подчеркнула профессор. Катрионе нетрудно будет завершить образование. *И меньше шести километров от резиденции Форкосиганов!* – мысленно возопил Майлз.

Катриона-Найла Форвейн Форсуассон прибыла в Форбарр-Султан. *Она здесь, она здесь!* Может быть, сейчас она смотрит на него из окна?

Майлз слегка приосанился. Ладно, если его карликовый рост и беспокоит Катриону, все же до сих пор она этого никак не проявляла. Вот и чудно. А что касается тех аспектов внешности, которые в его власти, то тут вроде бы все в порядке: на сером кителе никаких пятен, полуботинки начищены до блеска. Он внимательно оглядел свое отражение в стекле кабины. Выпуклая поверхность искажала пропорции, превращая худенького, слегка сторбленного Майлза в упитанного Марка, его клон-брата. Майлз гордо проигнорировал сходство: слава Богу, брата тут нет. Он улыбнулся. Улыбка вышла кривой и отталкивающей. Что ж, хоть волосы не торчат во все стороны, и то ладно.

– Отлично выглядите, милорд, – ободрил его с переднего сиденья Пим.

Майлз вспыхнул и отвернулся, попытавшись придать себе хоть сколько-нибудь невозмутимый вид. Потом взял корзину цветов и протянутые Пимом свернутые кальки и, слегка покачавшись под тяжестью корзины, повернулся к дому.

Из-за спины раздался голос Пима:

– Не желаете, чтобы я что-нибудь понес?

– Нет, благодарю. – Майлз доковылял до двери и прижал палец к панели замка. Пим устроился поудобнее на сиденье, достал считывающее устройство и приготовился ждать возвращения хозяина.

Внутри дома слышались шаги, дверь распахнулась, и перед Майлзом предстала улыбающаяся госпожа профессор. Седые волосы уложены, как всегда, аккуратно, темно-розовое платье со светло-розовым болеро расшито зеленой виноградной лозой – орнамент и цвета ее родного округа. Официальный форский наряд наводил на мысль, что госпожа Фортиц либо собиралась вот-вот уйти, либо только что вернулась откуда-то, однако мягкие уютные тапочки на ногах опровергали подобное предположение.

– Привет, Майлз. Ну ты и шустрый!

– Госпожа профессор, – улыбнулся Майлз с легким поклоном. – Она здесь? Дома? С ней все в порядке? Вы сказали, что сейчас самое подходящее время. Я ведь не слишком рано приехал? Я боялся опоздать. Движение просто жуткое. Вы ведь будете поблизости, да? Я принес вот это. Как по-вашему, ей понравится? – Высокие красные цветы щекотали нос, а кальки так и норовили выскользнуть.

– Проходи. Да, все в порядке. Она тут, с ней все хорошо, и цветы дивные... – Профессор спасла чуть было не упавший на пол букет и подтолкнула Майлза в холл, захлопнув ногой входную дверь. После яркого весеннего солнца холл показался Майлзу сумеречным и прохладным. В доме витал аромат воска, старых книг и академической пыли.

– На похоронах Тьена в окружении всех этих родственников она казалась очень бледной и усталой. Мы едва смогли перекинуться парой слов.

Двумя парами: «Примите мои соболезнования» и «Благодарю вас», если уж быть точным. Не сказать, чтобы Майлз очень-то рвался беседовать с ней в присутствии родственников покойного Тьена Форсуассона.

– Полагаю, для Катрионы это было огромное напряжение, – разумно заметила госпожа профессор. – Она пережила такой кошмар, а кроме нас с Георгом – и тебя, – ей просто не с кем об этом поговорить. Конечно, ее наипервейшим долгом было помочь Никки все это выдержать. Но она не дрогнув выстояла от начала и до конца. Я очень горжусь ею.

– Да, верно. А она?.. – Майлз вытянул шею, заглядывая в комнаты: кабинет с книжными полками и гостиная с книжными полками. И никаких молодых вдов.

– Сюда. – Профессор провела его по коридору через кухню прямо в маленький садик. Несколько высоких деревьев, крошечная лужайка, кирпичная стена – очень уютный укромный уголок. Поодаль, в тени, сидела за столом женщина. На столе лежали кальки и считывающее устройство. Женщина покусывала кончик ручки, сосредоточенно хмуря брови. Черное платье с высоким воротом, серое болеро с черной вышивкой по краю. Темные волосы заплетены в косу и сложены узлом на затылке. Заслышав скрип двери, женщина подняла голову и... брови мгновенно взлетели вверх, а на губах сверкнула такая сияющая улыбка, что Майлз от неожиданности моргнул.

– Майл... Милорд Аудитор! – Она поднялась, шелестя юбкой.

Майлз склонился к ее руке.

– Госпожа Форсуассон, вы прекрасно выглядите. – Она выглядела чудесно, хотя, возможно, и казалась чересчур бледной – впрочем, не исключено, что это впечатление создавалось из-за строгого черного наряда, но серо-голубые глаза Катрионы сияли словно бы еще ярче. – Добро пожаловать в Форбарр-Султан. Я принес вот это... – Он указал на букет, который госпожа профессор пристроила на столе. – Хотя, похоже, тут эти цветы не больно-то нужны.

– Они просто восхитительны! – заверила его Катриона, вдыхая пьянящий аромат. – Я унесу их потом к себе в комнату, там они будут смотреться еще лучше. С тех пор как установилась более или менее теплая погода, я стараюсь как можно больше времени проводить на воздухе, под открытым небом.

Неудивительно, если вспомнить, что почти год Катриона прожила на Комарре, в городе под стеклянным куполом.

– Вполне вас понимаю, – кивнул Майлз.

Они улыбнулись и замолчали.

Первой пришла в себя Катриона.

– Благодарю вас, что пришли на похороны Тьена. Для меня это очень много значит.

– При сложившихся обстоятельствах я не мог поступить иначе. Жаль только, что я не смог сделать ничего более существенного.

– Но вы уже и так очень много сделали для меня и Никки... – Майлз смущенно отмахнулся, и Катриона поспешила сменить тему. – Может, присядете? Тетя Фортиц?.. – Катриона выдвинула один из плетеных садовых стульев.

Профессор покачала головой:

– У меня дела в доме. Справляйся сама. – И, добавив с едва заметным ехидством: – У тебя получится, – госпожа Фортиц удалилась в дом.

Майлз устроился напротив Катрионы, положив на стол кальки в ожидании подходящего момента. Рулон наполовину развернулся.

– Вы уже закончили дело? – поинтересовалась Катриона.

– Это дело будет иметь еще долгий резонанс, но на данном этапе – да, закончил, – кивнул Майлз. – Вчера представил последний рапорт – иначе навесил бы вас раньше. – Ну, к тому же у него сохранились остатки здравого смысла – хотя бы дать бедной женщине распаковать багаж, прежде чем нагрязнуть к ней во всеоружии...

– И теперь вы получите другое задание и снова уедете?

– Вряд ли Грегор рискнет втравливать меня еще в какое-либо дело до своей свадьбы. Боюсь, в ближайшие несколько месяцев мои обязанности будут носить главным образом общественный характер.

– Уверена, что вы справитесь с ними в свойственном вам стиле.

О Боже, надеюсь, что нет!

– Сомневаюсь, что тетя Элис Форпатрил захочет от меня именно этого. Тетушка отвечает за организацию императорской свадьбы и скорее всего будет непрестанно повторять нечто типа: «Замолчи и делай, что тебе сказано, Майлз». Кстати, раз уж речь зашла о делах – как идут ваши? Вопрос с наследством Тьена решен? Удалось отвоевать опеку над Никки у этого его кузена?

– Бэзила Форсуассона? Да, слава Богу, с этой стороны проблем не возникло.

– Тогда... э-э... что это такое? – указал Майлз на разложенные на столе предметы.

– Обдумываю, какие предметы изучать в университете на следующий семестр. На летний семестр я уже опоздала, стало быть, приступлю к занятиям осенью. Выбор слишком велик, и я чувствую себя полной невеждой.

– Знания – то, что вы должны оттуда вынести, а не принести.

– Да, верно.

– И что же вы намерены выбрать?

– Ох, ну начну я с основных – биологии, химии... – Катриона просияла и добавила: – Курс практического садоводства, конечно. На остаток сезона я пытаюсь найти какую-нибудь оплачиваемую работу – не хотелось бы всецело зависеть от щедрости родственников. Хотя бы в плане карманных расходов...

Момент показался Майлзу вполне подходящим для запланированной атаки, но тут он краем глаза заметил на деревянном бортике садовой клумбы красный глиняный горшок. Из горшка торчала красно-коричневая шишка с похожими на петушиный гребень наростами. Если это то, что он думает...

– Это, часом, не ваш ли старый добрый бонсаи скеллитума? – поинтересовался Майлз. – Он выживет?

– Скорее росток нового скеллитума, – улыбнулась она. – Большая часть сохранившихся фрагментов погибла во время транспортировки с Комарры, а этот вот прижился.

– У вас просто... хотя вряд ли в отношении барраярских растений можно сказать «зеленые руки», а?

– Да уж вряд ли – разве что речь идет о цветах, пораженных каким-то серьезным заболеванием.

– Кстати! Раз уж мы заговорили о садах... – Так, теперь главное – перевернуть задуманное, не выявляя своих истинных намерений. – По-моему, за всей тогдашней суматохой я так и не успел сказать вам, насколько большое впечатление произвели на меня виртуальные сады, что я видел на вашем комме.

– А... – Катриона нахмурилась и пожала плечами. – Ничего особенного. Так, забава...

Ага! Не будем ворошить прошлое, слишком свежи еще воспоминания.

– Мое внимание привлек тогда барраярский сад, где растут лишь местные растения. Я никогда ничего такого не видел.

– Да их существует с десяток! Такие сады есть у нескольких окружных университетов – своего рода живая библиотека для студентов-биологов. Так что идея не слишком нова.

– Ну, – продолжил Майлз, чувствуя себя рыбой, плывущей в этом потоке самоуничтожения против течения. – Лично я считаю, что этот сад очень красив и заслуживает куда лучшей участи, чем виртуальная картинка на головиде. Видите ли, я довольно долго над этим думал...

Майлз расправил кальку с планом квартала, занимаемого особняком Форкосиганов, и постучал пальцем по пустому пространству в конце участка.

– Когда-то здесь, по соседству с нашим, стоял здоровенный дом. В период Регентства его снесли, и Имперская безопасность не позволила там ничего строить: СБ желала иметь безопасную зону. Так что тут ничего нет, так, несколько клочков травы да пара-тройка деревьев, чудом переживших рвение службистов очистить простреливаемое пространство. И еще дорожки – люди протоптали их, постоянно срезая путь, а эсбэшники в конечном счете на это дело плюнули и посыпали тропинки гравием. Жутко тоскливое место. – Настолько тоскливое, что до недавнего времени Майлз его попросту не замечал.

Слегка склонив голову, Катриона некоторое время смотрела на план. Потом быстрым движением пальцев очертила плавный изгиб и тут же застенчиво убрала руку. Интересно, что увидели там ее глаза?

– По-моему, – отважно продолжил Майлз, – это просто отличное место для разбивки барраярского сада – целиком из одних местных растений. Открытого для публики, разумеется. Своего рода подарок семейства Форкосиганов городу Форбарр-Султан. С бегущей водой, как в вашем виртуальном саду, дорожками, лавочками и прочими благами цивилизации. И маленькими табличками с названиями растений, чтобы люди могли побольше узнать о здешней исконной природе. – Вот так: искусство, общественное благо, образование. Какую еще приманку он упустил? Ах да! Деньги. – Так что это большая удача, что вы ищете работу на лето. – *Удача, как же! Ха! Чтобы я в таком деле действовал наудачу?!* – Потому что мне кажется, что вы – самая подходящая кандидатура для дизайнера и присмотра за работами. Я могу предоставить вам... хм... неограниченное финансирование и, разумеется, щедрую оплату. Вам придется нанимать рабочих, закупать все необходимое, ну и прочее в том же духе...

И приходиться в особняк Форкосиганов практически ежедневно, чтобы консультироваться с лордом Форкосиганом. А когда забудется потрясение от гибели мужа и Катриона снимет официальный траур и появится в свете, где все холостые форы падут к ее ногам, – так вот тогда Майлз уже завоюет ее привязанность настолько, что с легкостью обойдет всех соперников. Пока же еще слишком рано навязываться к ней с ухаживаниями. Это надо твердо усвоить! А если выдерживать чисто дружеские отношения, основанные на деловом контакте, Катриона наверняка расслабится, и тогда...

Катриона недоверчиво вскинула брови и прижала палец к губам.

– Это именно то, что я хочу научиться делать. Но я пока ничего не умею.

– Учеба на практике, – мгновенно нашелся Майлз. – Своего рода ученичество. Надо же вам когда-то начинать. Так почему не сейчас?

– А если я допущу какую-нибудь чудовищную ошибку?!

– Я намерен осуществить все в виде саморазвивающегося проекта. Согласно моим наблюдениям, заядлые садоводы непрерывно что-то меняют в своих садах. Полагаю, со временем им просто-напросто приедаются один и тот же пейзаж. Так что, если в процессе работы вам придет идея получше, вы спокойно сможете пересмотреть планировку в любой момент. Опять же разнообразие.

– Я не хочу попусту тратить ваши деньги.

Если Катриона когда-нибудь станет леди Форкосиган, придется ей преодолеть этот предрассудок, твердо решил Майлз.

– Нет никакой необходимости принимать решение прямо сейчас! – поспешно воскликнул он и замолчал. *Следи за интонацией, парень! Исключительно деловая.* – Почему бы вам завтра не зайти в особняк Форкосиганов, посмотреть все своими глазами и прикинуть, что и как. Вряд ли можно решить что-либо на основании одного только плана участка. А потом мы могли бы вместе пообедать и обсудить все трудности и имеющиеся возможности. Логично?

Катриона моргнула.

– Да, весьма. – Она с любопытством потянулась к кальке.

– Во сколько мне завтра за вами заехать?

– В любое удобное для вас время, лорд Форкосиган. Ой нет, беру свои слова обратно! Лучше после полудня, тогда тетя придет с занятий и сможет побыть с Никки.

– Отлично! – Сын Катрионы, конечно, славный мальчуган, но лучше бы обойтись в этом деле без его участия. – Значит, в полдень. Будем считать, что мы договорились. – Спohватившись, Майлз поинтересовался: – А как Никки нравится в Форбарр-Султане?

– Дом и его комната ему вроде как нравятся. Хотя мне кажется, что он скоро тут заскучает, если придется ждать начала занятий, чтобы познакомиться со сверстниками.

Так... Никки Форсуассона не учитывать в своих планах никак нельзя.

– Насколько я понимаю, ретроген сработал и дальнейшее развитие дистрофии Форзонна ему не грозит?

– Совершенно верно. – Довольная материнская улыбка осветила ее лицо. – Я так рада! Врачи в Форбарр-Султане четко сказали, что у него полное и чистое клеточное восстановление. В дальнейшем все будет идти так, будто он и не унаследовал этой мутации. – Катриона искоса глянула на Майлза. – Такое ощущение, будто с меня свалился груз килограммов на пятьсот. Мне кажется, что я могу летать.

И должна.

И тут – как по заказу – из дома появился Никки, торжественно держа поднос с пирожными. За ним следовала госпожа Фортиц с чайником и чашками. Майлз с Катрионкой поспешно сдвинули кальки на край стола.

– Привет, Никки, – кивнул Майлз.

– Привет, лорд Форкосиган. Это ваш лимузин у дверей?

– Да.

– Старье. – Никки произнес это без всякого пренебрежения, скорее даже заинтересованно.

– Знаю. Это реликвия, еще с тех времен, когда отец был регентом. Бронированная машина, очень тяжелая.

– Ну да? – Интерес Никки заметно возрос. – А в него когда-нибудь стреляли?

– Нет. В этот лимузин, по-моему, не стреляли ни разу.

– Хм.

Когда Майлз видел мальчишку в последний раз, лицо у него было неподвижное и бледное. Никки сосредоточенно нес факел, чтобы совершить возжигание на похоронах своего отца, и очень старался проделать все как следует. Теперь он выглядел гораздо лучше: карие глазенки блестели, мордашка снова стала живой.

Госпожа Фортиц разлила чай, и на некоторое время беседа сделалась общей.

Довольно скоро выяснилось, что Никки куда больше интересуют сладости: отказавшись от чая, он ухватил с бабушкиного разрешения несколько пирожных и умчался в дом, чтобы вернуться к своим занятиям. Майлз попытался вспомнить, в каком возрасте родительские друзья перестали казаться ему частью обстановки. Во всяком случае, те из них, кто не имел отношения к воинской службе, поскольку военные-то привлекали его всегда. Впрочем, Майлз был помешан на всем военном чуть ли не с пеленок. Никки же помешан на скачковых кораблях, а значит, наверняка бы вцепился в какого-нибудь пилота. Может, стоит как-нибудь притащить сюда одного, на радость Никки. Того, что удачно женат, само собой.

Ладно, наживку он выложил, Катриона ее заглотила. Пора сматываться, пока он выигрывает партию. Но... Катриона уже отвергла одно несвоевременное предложение руки и сердца. Не нашел ли ее еще какой-нибудь форбарр-султанский фор? В столице полно молодых офицеров, честолюбивых чиновников, агрессивных предпринимателей. Честолюбивые барраярцы всех чинов и званий всегда стекались в сердце Империи. Увы! Чаще всего – без своих сестер. А соотношение женщин и мужчин – и без того три к пяти: родители из предыдущего поколения увлеклись благами галактической медицины и зашли слишком далеко в своем идиотском желании иметь сыновей. А теперь эти самые вождельные сыновья – Майлзовы ровесники – вынуждены пожинать плоды такой вот демографической политики. На любом официальном приеме в Форбарр-Султане нынче можно буквально унюхать в воздухе пары тестостерона пополам с алкоголем.

– А... э-э... вам еще не поступало других предложений, Катриона?

– Я только неделю как приехала.

Не совсем тот ответ, что хотелось услышать.

– А я-то полагал, что холостяки мгновенно примутся штурмовать ваши двери!

Эй, погодите-ка, он вовсе не намеревался говорить ничего подобного...

– Вот это, – она жестом обвела свой вдовый наряд, – наверняка заставит их держаться в стороне. Разумеется, если они хоть как-то воспитаны.

– М м... Не слишком уверен. Демографическая ситуация в данный момент не особенно благоприятна.

Катриона едва заметно улыбнулась, покачав головой.

– Для меня это ровным счетом ничего не значит. Я прожила десять лет... семейной жизнью. И не имею ни малейшего желания повторять этот опыт. Так что предоставляю холостяков в полное распоряжение другим женщинам. Пусть забирают заодно и мою долю. – Решимость, читавшаяся на ее лице, подтверждалась стальными нотками в голосе. – Уж подобную-то ошибку я дважды повторять не намерена. Я больше никогда не выйду замуж.

Майлз умудрился подавить дрожь и даже выдавил подобие сочувственной улыбки. *Мы просто друзья. Я вовсе не ухлестываю за тобой, нет-нет. Не нужно воздвигать против меня оборонительных рубежей, миледи.*

М да. Здесь явно не удастся ускорить дело, подгоняя лошадей. Излишняя прыть может вообще все испортить. *Довольствуйся достижениями одного дня, мальчик мой.*

Майлз допил чай, обменялся с Катрионой и госпожой профессор несколькими ничего не значащими репликами и поспешил откланяться.

Завидев перепрыгивающего через три ступеньки Майлза, Пим мгновенно распахнул дверцу. Майлз плюхнулся на пассажирское кресло и барственно махнул оруженосцу:

– Домой, Пим.

Влившись в транспортный поток, Пим ненавязчиво поинтересовался:

– Все прошло хорошо, милорд?

– Все идет по плану. Завтра она приедет в особняк Форкосиганов на обед. Как только вернемся домой, свяжись с этой службой садоводства. Пусть нынче же ночью пришлют бригаду и еще разок взрыхлят почву. И скажи ма... Нет, с матушкой Кости я поговорю сам. Обед должен быть... изысканным! Вот! Айвен талдычит, что женщины любят поесть. Изысканным – но не тяжелым! И вино. Интересно, она вино днем пьет? Ладно, предложу в любом случае. Что-нибудь из наших погребов. И чай – на случай, если откажется от вина. Чай-то она точно пьет, я знаю. Значит, вино вычеркиваем. И уборщиц пригласи, пусть наведут порядок, снимут чехлы с мебели на первом этаже – нет, со всей мебели! Я хочу показать ей дом, пока она еще не догадывается... Нет, погоди! Может... Может, наоборот, если дом будет смахивать на запущенную холостяцкую берлогу, это у нее вызовет жалость. Тогда, значит, вместо уборки мне лучше устроить кавардак побольше – горы грязных стаканов, гнилая кожура под софой. Этаким молчаливым призывом: «Помоги! Вселяйся сюда и приведи этого бедного парня в божеский вид!» Или, наоборот, такой расклад напугает ее до умопомрачения? Как по-твоему, Пим?

Пим задумчиво закусил губу, прикидывая, его ли это дело – критиковать тягу лорда к дешевому балагану. Наконец он осторожно ответил:

– Если мне позволено говорить от имени служащих особняка, то *мне кажется*, мы предпочли бы, так сказать, распушить хвост. Учитывая обстоятельства.

– А? Ну ладно...

Майлз ненадолго замолк, уставясь в окно. Лимузин выехал из университетского городка и петлял по лабиринтам Старого Города, двигаясь к особняку Форкосиганов.

– Завтра мы за ней заедем в двенадцать, – нарушил наконец молчание Майлз. – Поведешь ты. Ты всегда будешь за рулем, когда в машине будут госпожа Форсуассон или ее сын. Отныне учитывай это в своем рабочем графике.

– Слушаюсь, милорд, – ответил Пим и осторожно добавил: – С удовольствием.

Десять лет службы оставили по себе память капитану СБ Майлзу: внезапные и тяжелые припадки. Слава Богу, ему еще посчастливилось выбраться из криокамеры живым и в здравом уме. Не многим удалось так легко отделаться. Майлзу еще повезло, что его – последнего представителя знатного рода – всего лишь комиссовали по здоровью с имперской службы. А мог бы ведь остаться безмозглым калекой! Микрочип, имплантированный военными медиками для контроля за припадками, вовсе не был панацеей. Имплантат всего лишь провоцировал приступы в нужное время, чтобы они не случались когда ни попадя. В нужное время, в удобном месте... Конечно, Майлз по-прежнему водил транспорт и пилотировал флайеры – но один, без пассажиров. А на оруженосца Пима свалились новые обязанности: ассистировать Майлзу во время искусственно вызванных приступов, и Пим повидал их уже достаточно.

Внезапно Майлз улыбнулся каким-то своим мыслям и покосился на оруженосца.

– Пим, – спросил он, – а как тебе удалось в свое время заловить матушку Пим? Хвост распушил?

– Ну, это почти восемнадцать лет назад было. Подробности я уже плохо помню, – улыбнулся в ответ Пим. – Я был страшим сержантом. Прошел подготовку на спецкурсах СБ и был назначен на службу в замок Форхартунг. А она работала там в архиве. Я, помнится, подумал тогда, что уже не мальчик, остепениться пора... Хотя, если честно, не уверен, что это не она вбила мне в голову подобные мысли, потому как она утверждает, что первой положила на меня глаз.

– А, понимаю! Симпатичный парень в мундире. Это всегда срабатывает. И почему же ты тогда решил расстаться с имперской службой и пойти служить к графу, моему отцу?

– Ну, мне это казалось разумным. У нас родилась дочурка, я к тому времени двадцать лет отслужил и как раз размышлял, надо ли продлевать контракт. Семья жены жила тут, здесь ее

корни, а перспектива шагать под барабанный бой с детьми на руках ее не больно-то прельщала. Капитан Иллиан знал, что я уроженец здешнего округа, он-то и намекнул мне, что у вашего отца вакансия оруженосца. И рекомендацию дал, когда я написал прошение. По-моему, служба оруженосца семейному человеку больше подходит.

Лимузин подъехал к особняку Форкосиганов. Капрал СБ распахнул ворота, и Пим, подрулив к самому входу, распахнул дверцу машины.

– Спасибо, Пим, – сказал Майлз и, слегка замявшись, добавил: – Хочу тебя кое о чем попросить.

Пим внимательно посмотрел на него.

– Когда будешь встречаться с оруженосцами других родов, то... я буду признателен, если ты не станешь упоминать о госпоже Форсуассон. Мне бы не хотелось, чтобы она стала объектом сплетен и... хм... она не предмет для обсуждения кем бы то ни было, я прав?

– Верный оруженосец никогда не сплетничает, милорд, – напыщенно ответил Пим.

– Да-да, конечно! Извини. Я вовсе не хотел... короче, виноват. Ладно, вот еще что. Возможно, я и сам слишком много болтаю. Видишь ли, на самом деле я вовсе не ухаживаю за госпожой Форсуассон.

Пим как мог старался сохранить внешнюю невозмутимость, но ему это явно не удалось.

– Я хотел сказать, – поспешно пояснил Майлз, – официально не ухаживаю. Пока. Видишь ли, ей недавно пришлось довольно туго, и она несколько... пуглива. Боюсь, что преждевременное объявление о моих намерениях будет иметь катастрофические последствия. Ну, это вопрос времени. Осторожное и бережное продвижение вперед, если ты понимаешь, о чем я.

Пим ободряюще улыбнулся.

– Так что мы просто хорошие друзья, – уточнил Майлз. – Во всяком случае, станем таковыми.

– Да, милорд, я все понимаю.

– Вот и отлично. Спасибо. – Майлз вылез из лимузина и, направившись к дому, бросил через плечо: – Когда отгонишь машину, найдешь меня на кухне.

Катриона стояла посреди пустого, поросшего травой квадрата земли, и в голове ее роились различные варианты будущего сада.

– Если вырыть вот здесь, – указала она, – и сложить вырытую почву с этой стороны, получится как раз нужный наклон для стока воды. А тут вот – возвести небольшую стенку, чтобы не доходили уличные шумы и получился склон. А дорожка пойдет по склону... – Она повернулась к лорду Форкосигану, с улыбкой наблюдавшему за ней, засунув руки в карманы брюк. – Или вы хотите что-то более геометрически правильное?

– Прошу прощения? – моргнул он.

– Это вопрос эстетического восприятия.

– Я... э-э... не слишком-то большой знаток эстетики, знаете ли. – Он сообщил это так откровенно печально, как будто Катриона ни о чем подобном прежде и не догадывалась.

Госпожа Форсуассон сделала изящный жест рукой, словно пытаясь очертить в воздухе контуры парка.

– Вы хотите, чтобы получилась иллюзия естественности, – уточнила она, – видимость Барраяра, на который еще не ступала нога человека? Ручейки текут по камешкам, сельская идиллия в черте города? Или что-то более метафорическое? Барраярские растения среди технических достижений? С помощью бетона и воды можно сотворить настоящие чудеса.

– А как лучше?

– Вопрос не в том, как лучше, а в том, чего, собственно, вы хотите этим выразить.

– Я об этом как-то не подумал... Просто хотел сделать подарок городу, и все. А зачем подводить политическую базу?

– Сад ваш – и всё равно все будут искать политическую подоплеку, хотите вы того или нет. Лорд Форкосиган едва заметно усмехнулся.

– Придется над этим подумать. Но у вас наверняка уже есть какие-то свои идеи?

– Пока ни одной! – Ну... Вот эти два земных деревца придется убрать. У серебристого клена гниет ствол, так что потеря невелика, а вот молодой дубок жаль. Возможно, его получится пересадить в другое место. Терраформированный верхний слой почвы тоже неплохо бы оставить. Катрионе явно не терпелось поскорее приступить к делу. – Просто удивительно, как такое место сохранилось в центре Форбарр-Султана!

На другой стороне улицы возвышалось двенадцатиэтажное офисное здание. К счастью, оно было ориентировано на север и практически не закрывало солнце. С дальнего края пустоши – оттуда, где Катриона мысленно возвела стенку, – доносился шум наземного транспорта. В другом конце площадки уже стояла каменная стена, украшенная железными пиками. Возвышающиеся над ней верхушки деревьев наполовину скрывали огромный дом, стоящий в центре квартала.

– Я бы предложил вам присесть, а сам бы пока предался размышлениям над вашими словами, – сказал лорд Форкосиган, – но СБ сроду не позволяла ставить тут скамьи – не хотели, чтобы посторонние задерживались возле особняка. Давайте так: вы делаете оба проекта на комме, а потом приносите мне для изучения. А пока суд да дело, не двинуться ли нам к дому? Полагаю, обед вот-вот будет готов.

– О... ладно...

В последний раз оглядевшись по сторонам и прикинув открывающиеся для творчества возможности, Катриона двинулась за лордом Форкосиганом к дому.

Они прошли через парк. У главного входа в особняк Форкосиганов на углу безликой серой стены забора стояла бетонная будка. Охранник из Имперской службы безопасности открыл железные ворота, обменявшись приветственным кивком с лордом Форкосиганом и любезно улыбнувшись Катрионе.

Перед ними предстало мрачное каменное строение. Два главных крыла были четырехэтажными. Тускло блестели десятки окон. Подъездная дорожка, полукругом огибавшая роскошную зеленую лужайку, упиралась в крыльцо с навесом, скрывавшим массивные двойные двери с высокими узкими окнами по бокам.

– Особняку Форкосиганов уже порядка двухсот лет. Его построил мой прапрапрадед, седьмой граф, в период несвойственного семейству процветания, которому и положило конец, помимо всего прочего, возведение вот этого особняка, – весело сообщил лорд Форкосиган. – Он заменил разваливавшуюся фамильную крепость, располагавшуюся где-то в районе старого Караван-Сарая, и очень вовремя, насколько мне известно.

Лорд Форкосиган потянулся к кодовому замку, но двери бесшумно распахнулись, упредив его движение. Слегка подняв брови, лорд Форкосиган с поклоном пропустил гостью вперед.

В выложенном черными и белыми плитками фойе по обеим сторонам от входа стояли оруженосцы, облаченные в коричневые с серебром ливреи – цвета рода Форкосиганов. Третий оруженосец, Пим – тот самый высокий водитель, с которым Катриона познакомилась чуть раньше, когда Форкосиган заехал за ней, – отошел от открывающей дверь панели и тоже вытянулся перед своим господином. Катриона была ошеломлена. Когда они познакомились на Комарре, ей не казалось, что Форкосиган настолько подвержен влиянию форских традиций. Впрочем, совсем уж полного официоза не было – вместо того чтобы сохранять каменную невозмутимость, оруженосцы с высоты своего роста дружелюбно улыбались вошедшим.

– Спасибо, Пим, – автоматически произнес Форкосиган и умолк. Некоторое время он озадаченно взирал на оруженосцев и наконец сказал: – Мне казалось, ты дежурил ночью, Роик. Разве тебе сейчас не положено отсыпаться?

Самый молодой и рослый из оруженосцев еще больше вытянулся по стойке «смирно», пробормотав:

– Милорд...

– «Милорд» это не ответ. «Милорд» – это попытка увернуться от оногo, – заявил Форкосиган, скорее констатируя факт. Оруженосец несмело улыбнулся. Форкосиган, вздохнув, повернулся к Катрионе: – Госпожа Форсуассон, позвольте представить вам остальных оруженосцев клана Форкосиганов, в настоящее время находящихся в моем распоряжении: оруженосец Янковский и оруженосец Роик. Госпожа Форсуассон.

Катриона наклонила голову, оруженосцы кивнули в ответ, бормоча «Госпожа Форсуассон» и «Приятно познакомиться, сударыня».

– Пим, можешь сказать матушке Кости, что мы пришли. Благодарю вас, господа, на этом все. – Форкосиган выделил голосом последнее слово.

Продолжая улыбаться, хотя и чуть более напряженно, оруженосцы растворились в боковом проходе. До Катрионы донесся голос Пима:

– Вот видите! Что я вам говорил...

Дальнейшее быстро перешло в неразборчивое бормотание – оруженосцы удалились от дверей.

Форкосиган потер подбородок и обратился к Катрионе с прежним радушием:

– Не хотите ли перед обедом осмотреть особняк? Многие считают его исторической ценностью.

Если честно, Катриону дом попросту ошеломил, однако меньше всего на свете она хотела выглядеть наивной провинциалкой.

– Я не желала бы затруднять вас, лорд Форкосиган.

Форкосиган недоуменно улыбнулся и поспешил возразить:

– Никаких затруднений! Напротив, это доставит мне удовольствие. – Его взгляд сделался вдруг каким-то странно пристальным. Может, ему очень хочется, чтобы она согласилась? Может, он очень гордится своими владениями?

– Ну, тогда – благодарю вас. С удовольствием.

Ответ оказался правильным. Лорд Форкосиган мгновенно просветлел и повел ее налево. Официальная приемная предваряла роскошную библиотеку, протянувшуюся по всей длине левого крыла. Катрионе пришлось поглубже засунуть руки в карманы, чтобы побороть соблазн и не броситься перебирать дивные книги в кожаных переплетах, которыми от пола до потолка были уставлены полки. Миновав библиотеку, они вышли сквозь стеклянные двери во внутренний садик, доведенный до совершенства многими поколениями слуг. Затем лорд Форкосиган провел ее по коридору в огромные винные погреба, битком набитые самой разнообразной продукцией с многочисленных ферм округа. Из погребов они прошли в подземный гараж. Здесь стоял сверкающий бронированный лимузин и задвинутый в угол красный флайер.

– Это ваш? – радостно спросила Катриона, кивнув на флайер.

Ответ Форкосигана оказался непривычно кратким:

– Да. Но я теперь не очень много летаю.

Ах да! Припадки. Ей захотелось пнуть себя. Опасаясь, что попытка извиниться еще больше ухудшит положение, Катриона молча проследовала за Форкосиганом в большой, хорошо оборудованный кухонный комплекс. Там лорд Форкосиган официально представил ей свою знаменитую кухарку – матушку Кости, полную пожилую женщину, одарившую Катриону широкой улыбкой и мгновенно пресекающую попытку своего господина попробовать готовящийся обед. Матушка Кости безапелляционно сообщила, что, по ее мнению, вверенную ей кухню используют недостаточно – но, в конце концов, сколько может съесть один невысокий мужчина? «Его нужно поощрять, чтобы он приводил побольше гостей, и надеюсь, вы скоро опять придете, госпожа Форсуассон, и станете частой гостьей».

Когда матушка Кости добродушно выставила их с кухни, Форкосиган провел Катриону по потрясающей анфиладе официальных приемных обратно в фойе.

– Это все – общие помещения, – сообщил он. – А вот второй этаж – полностью моя территория.

С заразительным энтузиазмом лорд Форкосиган поволок Катриону по лестнице и провел через анфиладу комнат, которые – как он заверил – когда-то занимал сам знаменитый генерал граф Петер и которые теперь принадлежат ему, Майлзу. Он специально позаботился показать гостю прекрасный вид на внутренний сад, открывающийся из окон гостиной.

– Есть еще два этажа плюс чердаки. Чердаки особняка Форкосиганов – это что-то. Хотите посмотреть? Может, вас интересует что-то конкретное?

– Не знаю, – ответила Катриона, несколько оглушенная обилием информации. – Вы здесь выросли?

Она обвела взглядом великолепно обставленную гостиную, пытаясь представить себе Майлза в детстве и решить, рада она или нет, что он не повел ее в свою спальню, видневшуюся через приоткрытую дверь в конце гостиной.

– Вообще-то где-то до шести лет я жил с родителями в императорском дворце, вместе с Грегором, – ответил Форкосиган. – Тогда, в ранний период Регентства, между моими родителями и дедом возникли некоторые... хм... разногласия, но потом они помирились, да и Грегор отправился учиться на подготовительные курсы в академию. Тогда родители переехали сюда. И оккупировали третий этаж – примерно так же, как я сейчас занял второй. Привилегия наследника, знаете ли. Разные поколения куда лучше уживаются в одном доме, если этот дом – ну очень большой. Мой дед занимал эти покои до самой смерти. Когда он умер, мне было семнадцать. А у меня тогда была комната на том же этаже, что занимали родители, хотя и в другом крыле. Они выбрали ее для меня, потому что Иллиан сказал, что туда трудней всего попасть снайперу... м-м-м... и потом, оттуда хороший вид на сад. Не хотите взглянуть? – Он повернулся и, улыбнувшись Катрионе, провел ее на лестницу, поднялся еще на этаж, затем – за угол и по длинному коридору немного вперед.

Из комнаты, в которой они оказались, действительно открывался прекрасный вид на сад, но никаких следов пребывания здесь юного Майлза не наблюдалось – самая обыкновенная чисто прибранная безликая комната для гостей.

– Сколько лет вы здесь прожили? – поинтересовалась Катриона, оглядываясь по сторонам.

– Вообще-то до прошлой зимы. Я перебрался вниз после увольнения по здоровью. – Он нервно дернул подбородком. – За десять лет, что я прослужил в Имперской безопасности, я редко бывал дома, мне в голову не приходило перебираться отсюда куда-то еще.

– По крайней мере у вас тут была своя ванная. Дома Периода Изоляции иногда... – Катриона осеклась, обнаружив, что дверь, которую она машинально открыла, оказалась дверцей шкафа. Должно быть, в ванную ведет соседняя дверь.

Автоматически зажегся мягкий свет. Шкаф был битком набит самыми разнообразными мундирами – старая военная форма лорда Форкосигана, сообразила Катриона, исходя из размеров одежды. Черный комбинезон, имперские зеленые мундиры, красно-синий парадный мундир. От стенки до стенки выстроились в ряд сапоги. Все вещи и сапоги были тщательно вычищены, но в шкафу все равно витал всегда сопровождавший Майлза запах дорогого мужского одеколona... Лорд Форкосиган стоял совсем рядом. Приятный пряно-цитрусовый сугубо мужской аромат вдруг показался слишком насыщенным из-за его близости.

Это было первое чувственное ощущение, возникшее у Катрионы со дня смерти Тьена. *Да нет, подобные ощущения исчезли еще задолго до его гибели.* Это вызывало неловкость, но в то же время и успокаивало. *Неужто я все же живая ниже шеи?* До Катрионы вдруг дошло, что они находятся в спальне.

– А это что? – Ей удалось совладать с голосом, и она потянулась к незнакомому серому обмундированию – толстый китель с эполетами, множеством карманов на кнопках и белой оторочкой и такие же брюки. Нашивки на рукавах и эмблемы на воротнике не говорили ни о чем. Необычная ткань явно отличалась огнеупорными свойствами, какие бывают только у очень дорогой полевой формы.

Улыбка Форкосигана смягчилась.

– Ну, – протянул он, снимая китель с вешалки, – вы ведь никогда не были знакомы с адмиралом Нейсмитом? Он был моим любимым персонажем. Он... Я много лет командовал флотом дендарийских наемников.

– Вы играли роль космического адмирала...

– ...будучи лейтенантом? – с иронией закончил он. – Началось-то все с игры. Но потом я превратил игру в реальность. – Криво ухмыльнувшись и тихонько пробормотав: «А почему бы и нет?», он повесил китель на ручку двери, скинул серый пиджак и остался в кипенно-белой рубашке. Из наплечной кобуры, о наличии которой Катриона и не подозревала, выглядывало какое-то оружие. *Он даже здесь ходит вооруженным?* Это был всего-навсего мощный парализатор, но Форкосиган, казалось, носил его так же машинально, как накрахмаленную рубашку. *Раз ты Форкосиган, значит, должен всегда быть при оружии.*

Майлз надел на себя необычный китель. Брюки можно было и не менять: те, что были на Форкосигане, вполне подходили по цвету. Форкосиган мгновенно подтянулся, выпрямился – и перед Катрионой возник совершенно другой человек: спокойный, степенный и даже... высокий. Он небрежно облокотился о дверной косяк, и его кривая улыбка вдруг сделалась воистину ослепительной. С великолепным бетанским акцентом, будто и не слышал отродясь о барраярских форах, он произнес:

– Эй, не позволяйте этому скучному барраярскому грязееду морочить вам голову! Держитесь меня, сударыня, и я подарю вам галактику.

Катриона от неожиданности отступила на шаг.

Вскинув голову и продолжая нахально ухмыляться, лорд Форкосиган принялся застегиваться. Добравшись до талии, он замер: застегжки не сходились на пару сантиметров и упорно не желали застегиваться. Он с таким искренним недоумением уставился на это безобразие, что Катриона не удержалась от смешка.

Майлз поднял на нее глаза – во взгляде светилась улыбка. Он снова заговорил, как барраярец:

– Я не надевал этот китель уже больше года. Похоже, мы во всех отношениях перерастаем свое прошлое. – Он скинул мундир. – Хм. Что ж, кухарку мою вы видели. Для нее приготовление еды не работа, а священнодействие.

– Может, китель просто сел во время стирки, – попыталась утешить его Катриона.

– Вы очень любезны. Но нет. – Лорд Форкосиган вздохнул. – Адмиральская легенда трещала по всем швам еще до гибели Нейсмита. Дни его были все равно сочтены.

Форкосиган довольно легко говорил об этой потере, но Катриона видела шрамы от иглогранаты у него на груди. Она помнила припадок, при котором присутствовала тогда в гостиной – в их с Тьеном квартире на Комарре. Помнила выражение глаз Майлза, когда припадок закончился: смятение, стыд, бессильная ярость. Этот человек выжал из своего тела куда больше, чем то, на что оно способно, пребывая в уверенности, что одной лишь силой воли сможет преодолеть все что угодно.

Так оно и было. Некоторое время. А потом время вышло. Нет, время потекло дальше. Время бесконечно. Но ты иссякаешь, а время бежит дальше и покидает тебя. Годы жизни с Тьеном научили ее хотя бы этому.

– Думаю, надо отдать это Никки для игр. – Лорд Форкосиган небрежно указал на висящие в шкафу мундиры, аккуратно стряхнул с серого кителя невидимые пылинки и повесил его на

место. – Мальчик пока еще в них влезает и достаточно мал, чтобы захотеть их заполучить. Через годик-другой он из них вырастет.

У Катрионы перехватило дыхание. *А я думаю, что это будет чудовищно.* Эти реликвии явно дороги лорду Форкосигану. Какая муха его укусила, что он вдруг решил преподнести дело так, будто все эти вещи – всего лишь игрушки? Катриона попыталась – и не могла придумать, как отговорить Форкосигана от этой затеи и при этом не обидеть его. Так ничего и не придумав, она спросила:

– А вы бы вернулись назад? Если бы могли?

Взгляд Форкосигана стал отстраненным.

– Ну, видите ли, теперь... Теперь получается странная штука. Наверное, я чувствовал бы себя как змея, которая пытается вползти в сброшенную кожу. Я скучаю без этого каждое мгновение, но совсем не желаю возвращаться туда. – Он поглядел на Катриону и подмигнул. – С этой точки зрения иглограната – весьма поучительная штука.

Похоже, он так шутил. Катриона не знала, чего ей хочется больше: поцеловать его, чтобы утешить, или с воплем умчаться прочь. Она сумела выдавить подобие улыбки.

Форкосиган надел пиджак, и устрашающая кобура снова исчезла с глаз. Плотно закрыв шкаф, он быстро провел Катриону по остальным комнатам этажа. Показал, где расположены апартаменты его родителей, но – к тайному облегчению Катрионы – не предложил ей туда зайти. Право же, было бы несколько странно бродить вот так по личным покоям знаменитых графа и графини Форкосиган.

Наконец они снова спустились на второй этаж в конце основного крыла и оказались в светлой комнате, которую Форкосиган назвал Желтой гостиной. Здесь был изящно сервирован на две персоны небольшой столик. Отлично. Значит, им не придется обедать внизу, в той украшенной резными панелями пещере, где стоит стол, за которым свободно разместятся не меньше сорока восьми человек, а то и все девяносто шесть – если потесниться. Повинуясь незаметному сигналу, появилась матушка Кости с тележкой, на которой дымился суп, стоял в чайнике чай, красовался на блюде великолепный салат из креветок, фруктов и орехов. Подав кушанья, матушка Кости удалилась, оставив своего господина наедине с гостьей. Большой накрытый крышкой серебряный поднос, стоявший на тележке у левого локтя лорда Форкосигана, обещал появление новых деликатесов.

– Это большой дом, – сообщил лорд Форкосиган Катрионе, – но ночью здесь царит полная тишина. И запустение. Он не предназначен пустовать. Его надо снова наполнить жизнью, как было в дни молодости моего отца.

Произнес он это почти обиженно.

– Вице-король с вице-королевой приедут на свадьбу, верно? Значит, к Празднику Середины Лета особняк снова заполнится, – попыталась утешить его Катриона.

– О да! Прибудут со всей свитой. К свадьбе на планету вернутся абсолютно все. – Форкосиган слегка замялся. – Включая моего брата Марка, если подумать. Полагаю, мне следует предупредить вас насчет Марка.

– Мой дядя как-то раз упомянул, что у вас есть клон. Это он... м-м-м... оно?

– Оно – это бетанское местоимение для гермафродитов. Определенно он. Да.

– Дядя Фортиц не сказал, почему вы – или это ваши родители? – заказали клона, сказал только, что все это довольно сложно и что лучше спросить у вас.

Первая мысль, которая приходила в голову, – это что граф Форкосиган решил найти достойную замену пострадавшему от солтоксина наследнику, но все явно обстояло не так.

– В том-то и вся сложность – почему. Заказывали не мы. Клона заказали комаррские эмигранты на Земле, он был частью очень уж барочного заговора против моего отца. Думаю, когда они поняли, что не смогут организовать вооруженное восстание, то решили повернуть биологическую авантюру. Их агент выкрал образец моих тканей – что было несложно, учиты-

вая количество операций, исследований и биопсий, что я перенес в детстве, – и заказали моего клона одному барону на Архипелаге Джексона.

– Господи! Но дядя Фортиц сказал, что ваш клон не такой, как вы, – он что, вырос нормальным, без ваших... э-э-э... внутриутробных повреждений? – Катриона кивком указала на его тело, не сводя при этом глаз с его лица. Она уже сталкивалась с несколько странной реакцией лорда Форкосигана, когда речь заходила о его физических дефектах. *Тератогенных, а не генетических*, как он ей в свое время доходчиво объяснил.

– Если бы все было так просто... Он действительно начал расти согласно заложенному генотипу, поэтому террористам пришлось искусственно перекроить его под мой рост. И параметры. Жуткое дело! Он должен был сойти за меня при любой самой дотошной проверке, поэтому, когда со мной проделывали всякие процедуры вроде замены хрупких костей на искусственные, ему делали то же самое. Я достоверно знаю, насколько это болезненно. И они заставляли его учиться, чтобы сойти за меня. Все годы, что я считал себя единственным ребенком, в нем развивалась самая худшая из разновидностей зависти. Вы вдумайтесь: никогда не иметь возможности быть самим собой, постоянно – под угрозой истязаний, если быть точным, – сопоставлять себя со своим старшим братом... К тому времени, когда заговор провалился окончательно, он уже был на полпути к сумасшествию.

– Можно себе представить! Но... как вам удалось спасти его от комарцев?

Форкосиган ответил не сразу.

– В конечном итоге он некоторым образом стал самим собой. Как только до него добралась моя бетанка-мать... можете себе представить дальнейшее. У бетанцев очень четкие и регламентированные убеждения по поводу родительской ответственности в отношении клонов. Думаю, его это удивило до безобразия. Он знал, что у него есть брат, – Бог мой, да его всю жизнь тыкали в это носом, но вот родителей он не ожидал получить. И уж наверняка – такую матушку, как Корделия Форкосиган. Ну, короче, проще сформулировать так: семья его приняла. Некоторое время он прожил здесь, на Барраяре, а потом – в прошлом году – мама отправила его на Колонию Бета учиться в университете и пройти курс лечения под присмотром моей бетанской бабушки.

– Звучит неплохо, – сказала Катриона, довольная концовкой этой странной истории. Похоже, Форкосиганы держались друг друга.

– М м-м, возможно. Исходя из сообщений бабушки, его путь там довольно тернист. Понимаете, он просто одержим идеей – вполне понятной – как можно меньше походить на меня, чтобы никогда впредь никто не смог нас с ним спутать. Что меня вполне устраивает, не поймите превратно. Я вообще считаю эту идею гениальной. Но... он мог бы сделать пластическую операцию, принимать гормоны роста, изменить цвет глаз и волос... А он вместо этого решил набрать как можно больше веса. При таком росте, как и у меня, эффект получается сногшибательный. По-моему, ему так нравится. И он сознательно разъедается. – Лорд Форкосиган мрачно уставился в тарелку. – Я думал, бетанская терапия с этим справится, но похоже, что нет.

Угол скатерти неожиданно дернулся, и Катриона вздрогнула. Очень решительный черно-белый котенок взобрался на стол и направился к тарелке лорда Форкосигана. Лорд рассеянно улыбнулся, выудил из салата пару креветок и предложил животному. Котенок принялся с энтузиазмом жевать, урча от удовольствия.

– Кошка охранников постоянно приносит котят, – объяснил Форкосиган. – Мне нравится их подход к жизни, но иногда... – Он снял крышку с серебряного подноса и накрыл ею котенка. Неукротимый котенок продолжал урчать и под крышкой, как моторчик. – Не желаете ли десерт?

На серебряном подносе красовалось восемь разновидностей выпечки, таких чудесных на вид, что Катриона подумала, что это преступление – съесть их, не записав предварительно на головид.

– Ой, какое чудо!

После довольно долгих размышлений она указала на пирожное с толстым слоем крема, украшенное похожими на драгоценные камни глазированными фруктами. Форкосиган положил пирожное на блюдце и протянул ей. Затем с тоской посмотрел на оставшиеся вкусности, но ничего не взял, как заметила Катриона. Но он же совсем не толстый, возмущенно подумала она. Должно быть, когда он изображал адмирала Нейсмита, то был вообще кожа да кости! На вкус пирожное оказалось столь же изумительным, как и на вид, и участие Катрионы в разговоре на некоторое время прекратилось. Форкосиган с улыбкой наблюдал за ней, явно чертовски довольный.

Когда она подбирала вилкой последние капельки крема, в коридоре послышались шаги и мужские голоса. Катриона узнала бас Пима.

– Нет, у милорда переговоры с новым дизайнером по ландшафту. Я не думаю, что он желает, чтобы его беспокоили.

Протяжный баритон отвечал:

– Ладно-ладно, Пим! Я бы и не стал, но я пришел по поручению моей матери.

На лице лорда Форкосигана мелькнуло ужасное раздражение, и он с трудом подавил готовящееся сорваться с языка проклятие, однако, когда неожиданный посетитель появился в дверях Желтой гостиной, он снова стал совершенно невозмутим.

Мужчина, которого Пим пытался удержать, оказался молодым офицером – высоким и на редкость красивым капитаном, темноволосым, со смеющимися карими глазами и ленивой улыбкой на губах. Он отвесил лорду Форкосигану ироничный поклон:

– Хайль, о братец – лорд Аудитор! Боже, уж не приготовленный ли матушкой Кости обед я зрю? Только не говори мне, что я опоздал! Что-нибудь осталось? Могу я доглотать твои объедки? – Он шагнул в зал и тут увидел Катриону. – Ого! Представь меня своему *дизайнеру по ландшафту*, Майлз!

– Госпожа Форсуассон, – чуть ли не сквозь зубы выговорил лорд Форкосиган, – позвольте мне представить вам моего нерадивого кузена, капитана Айвена Форпатрила. Айвен, познакомься с госпожой Форсуассон.

Ничуть не смущенный откровенно холодным приемом, Форпатрил, ухмыляясь, низко склонился к руке Катрионы и поцеловал. Губы задержались на коже чуть дольше положенного, но они хотя бы были теплыми и сухими, и у нее, слава Богу, не возникло желания невежливо вытереть руку о подол, когда он наконец отпустил ее ладонь.

– Вы принимаете заказы, госпожа Форсуассон?

Катриона не знала, следует ли ей развеселиться или оскорбиться в ответ на его откровенный взгляд, а потому решила, что самое лучшее – воспринимать все с юмором.

– Только начинаю, – слегка улыбнулась она.

– Айвен живет в квартире, – отрезал лорд Форкосиган. – По-моему, у него на балконе есть цветочный горшок, но когда я заглядывал туда в последний раз, обитатель этого горшка уже благополучно скончался.

– Была же зима, Майлз. – Донесшееся из-под серебряной крышки тихое мяуканье привлекло внимание Айвена. Он уставился на крышку, затем чуть приподнял: – А, еще один котенок, – и опустил обратно.

Двинувшись вокруг стола, Айвен углядел практически нетронутый поднос с пирожными, хищно улыбнулся, взял две штуки и утянул вилку с тарелки кузена. Потом положил все это на пустое место на столе, притащил стул и уселся между Майлзом и Катрионной. Прислушался к нарастающим воплям протеста из-под крышки, вздохнул, выпустил черно-белого пленника, устроил у себя на коленях поверх салфетки и придумал ему занятие, слегка измазав кремом мордочку и лапки.

– Не обращайтесь на меня внимания, – заявил он, прежде чем откусить первый кусок пирожного.

– Мы только что закончили, – произнес Форкосиган. – Зачем ты пришел, Айвен? – И тихо добавил: – И почему трое телохранителей не смогли помешать тебе войти? Или мне надо дать приказ стрелять на поражение?

– Сила моя велика, потому что дело мое правое, – проинформировал Форпатрил. – Матушка прислала меня со списком поручений длиной с мою руку. С примечаниями. – Айвен достал из-за отворота кителя свернутые в трубочку бумаги и помахал перед носом кузена. Котенок немедленно перевернулся на спину и попытался лапками поиграть с ними. Айвен несколько секунд поиграл со зверушкой. – Кис-кис-кис!

– Ты так решительно настроен, потому что боишься своей мамочки куда больше, чем моих оруженосцев!

– Как и ты. И твои оруженосцы, – заметил лорд Форпатрил, откусывая очередной кусок пирожного.

Форкосиган невольно прыснул, затем снова напустил на себя суровый вид.

– Э-э-э... Госпожа Форсуассон, как я вижу, мне придется заняться этим делом. Возможно, нам лучше закончить на сегодня. – Виновато улыбнувшись, он поднялся.

Вне всяких сомнений, лорду Форкосигану надо было обсудить какие-то важные секретные дела с этим молодым офицером.

– Конечно. Э-э... Приятно было познакомиться, лорд Форпатрил.

Капитан с котенком на коленях подниматься не стал, но сердечно кивнул.

– Мне тоже, госпожа Форсуассон. Надеюсь, мы с вами скоро увидимся еще.

Улыбка Форкосигана стала несколько напряженной. Катриона встала и проследовала за ним в коридор.

– Пим, подгони лимузин к дверям, – скомандовал он в наручный комм. – Извините за Айвена, – сказал он Катрионе, ведя ее вниз по лестнице.

Она не очень понимала, за что он извиняется, поэтому лишь пожала плечами.

– Так мы договорились? – продолжил он. – Вы займетесь садом?

– Может, вы сначала посмотрите проекты?

– Да, конечно. Завтра... или можете позвонить в любой момент, когда будете готовы. У вас есть мой номер?

– Да, вы дали мне несколько ваших номеров еще на Комарре. Я их не потеряла.

– Вот и отлично. – Они дошли до главной лестницы, и Форкосиган вдруг о чем-то задумался. Когда они сошли вниз, он посмотрел на Катриону и спросил: – А тот маленький сувенир тоже все еще у вас?

Он имел в виду крошечную модель Барраяра, кулон на цепочке. Память о мрачных событиях, о которых нельзя упоминать на публике.

– О да!

Он с надеждой замер, и Катриона пожалела, что не может достать из-под блузки кулон и тут же показать ему. Но она считала украшение слишком дорогим, чтобы носить ежедневно, а потому бережно хранила в доме у тети Фортиц в одном из ящиков, аккуратно завернутое в вату. Тут снаружи донесся шум подъезжающего лимузина, и лорд Форкосиган повел ее к выходу.

– Что ж, тогда всего доброго, госпожа Форсуассон. – Он решительно пожал ей руку и усадил в лимузин. – Думаю, мне следует немедленно вернуться к Айвену.

Как только купол кабины закрылся, лорд Форкосиган повернулся и зашел в дом.

Айвен взял тарелку из-под салата, поставил на пол и посадил рядом с ней котенка. Следует признать, что детеныши практически любой зверушки и впрямь отличное подспорье. Айвен заметил, как мгновенно потеплел взгляд госпожи Форсуассон, едва он начал тетеш-

каться с этой маленькой пушистой заразой. Интересно, где это Майлз откопал такую потрясную вдовушку? Усевшись снова на стул, Айвен, глядя, как котенок лакает розовым язычком соус, мрачно размышлял о вчерашнем свидании.

Он встречался с такой *подходящей* молодой женщиной: студентка университета, впервые уехавшая далеко от дома. Молодой имперский офицер-фор должен был произвести на нее неизгладимое впечатление. У нее смелый взгляд, и она совсем не застенчивая. Повезла *его* на *своем* флайере! Айвен был крупным специалистом по использованию флайера для разрушения психологического барьера и создания подходящего настроения. Несколько крутых выражений – и ты всегда можешь спровоцировать милое взвизгивание, когда юная леди вцепляется в тебя, ее грудь вздымается все чаще и выше, а губки становятся все более доступными. Однако *эта* девица... В последний раз он был так близок к тому, чтобы расстаться со своим обедом, в тот памятный полет с Майлзом по Дендарийскому ущелью. А барышня только ехидно смеялась, когда Айвен, стиснув зубы, беспомощно улыбался, вцепившись побелевшими пальцами в ремни безопасности.

А потом, в выбранном ею ресторане, они «совершенно случайно» встретились с этим самоуверенным студентом-старшекурсником, и тут-то все встало на свои места. Она использовала *его*, Айвена, черт бы ее побрал, чтобы убедиться в привязанности этого щенка. И придурок попался в ловушку. «Здравствуйте, сэр. О, это, наверное, твой дядя, о котором ты говорила, что он на военной службе? Прошу прощения...» То, как юнец умудрился превратить вежливое предложение присесть в скрытое оскорбление, было почти в лучшем стиле низкорослого родственничка Майлза. Айвен довольно быстро сбежал, про себя пожелав влюбленной парочке наслаждаться друг другом – наказание, достойное преступления. Он не понимал, что нынче творится с барраярскими девицами. Они стали почти... почти инопланетницами, будто брали уроки у Куин, прекрасной подружки Майлза. Ядовитые замечания матери, что ему следует держаться женщин своего возраста и круга, начали обретать смысл.

В коридоре послышались легкие шаги, и в дверях нарисовался кузен. Айвен прикинул, не рассказать ли Майлзу в лицах о вчерашнем провале, но передумал. Какие бы чувства ни обуревали кузена, поджатые губы и наклон головы, как у готового вцепиться в задницу бульдога, предвещали что угодно, кроме сочувствия.

– Ты, как всегда, удивительно вовремя, Айвен! – рявкнул Майлз.

– Что, нарушил ваш тет-а-тет? *Дизайнер по ландшафту*, значит? К такому ландшафту у меня бы тоже запросто возник внезапный интерес. Какие изгибы!

– Потрясающие! – выдохнул Майлз, на мгновение увлекшись какими-то внутренними видениями.

– И мордашка недурна, – добавил Айвен, наблюдая за кузеном.

Майлз почти купился на приманку, но скривился, проглотив готовый сорваться ответ.

– Не жадничай. Не ты ли мне говорил, что у тебя романчик с госпожой Фор-как-там-ее? – Отодвинув стул, он плюхнулся на сиденье, скрестив руки и забросив ногу на ногу. И, сощурившись, уставился на Айвена.

– Ах да! – кивнул Форпатрил. – Ну, похоже, с этим покончено.

– Ты меня удивляешь. Что, покладистый муженек при ближайшем рассмотрении оказался не столь уж покладист?

– Все это оказалось таким глупым... Я хочу сказать, у них зреет наследник в маточном репликаторе. Похоже, не так просто в наши дни украсить чье-то родовое дерево бастардом. В любом случае он заполучил какой-то пост в колониальной администрации и уволок ее на Зергияр. Едва дал нам время цивилизованно попрощаться.

На самом деле это была довольно неприятная сцена со взаимными угрозами. Было бы гораздо лучше, если бы дама проявила хоть какие-то признаки сожаления или хотя бы заботы о здоровье и безопасности Айвена, вместо того чтобы висеть на руке супруга и радоваться его

собственническим замашкам. А уж что касается этой юной террористки, чуть не угробившей его на флайере, за которой он собрался ухлестнуть, чтобы залечить разбитое сердце... Айвен подавил дрожь.

Страхнув неприятные воспоминания, Айвен продолжил:

– Но вдова! Настоящая живая молодая вдовушка! Да знаешь ли ты, как редко в наши дни попадают молодые вдовы? Я знаю кучу парней в штаб-квартире, готовых правую руку отдать за дружелюбную вдовицу! Как это ты ухитрился отыскать такое чудо?

Однако кузен не снизошел до ответа, а вместо этого указал на принесенные Айвеном бумаги:

– Что там?

– А! – Айвен развернул бумаги и протянул Майлзу. – Повестка дня твоих встреч с императором, будущей императрицей и моей матерью. Она приперла Грегора к стенке с последними деталями брачной церемонии. Поскольку ты – официальный шафер Грегора, то твоего присутствия просят и требуют.

– Ох! – Майлз глянул на записи. На его лице появилось озадаченное выражение, и он снова посмотрел на Айвена. – Не то чтобы это меня особо интересовало, но разве ты не должен сейчас быть на службе?

– Ха! – мрачно ухмыльнулся Айвен. – Разве ты не знаешь, что эти ублюдки мне устроили?

Майлз покачал головой, вопросительно подняв брови.

– Меня официально откомандировали в распоряжение моей матери – *моей матери!* – в качестве адъютанта вплоть до окончания свадебных торжеств. Я поступил на военную службу, чтобы убраться от моей матери подальше, черт подери! И вот теперь она – мой непосредственный начальник!

Быстрая ухмылка кузена была лишена малейших признаков сочувствия.

– До тех пор, пока Лаиса не будет намертво пришвартована к Грегору и не приступит к своим обязанностям в качестве официальной хозяйки, твоя мать – самая важная персона в Форбарр-Султане. Не стоит недооценивать ее. Мне доводилось видеть планы космических кампаний куда менее сложные, чем то, что затевают для этой императорской свадьбы. От тети Элис потребуются все ее таланты полководца, чтобы довести дело до конца.

Айвен покачал головой:

– Знал ведь, что надо было отправиться служить подальше от Барраяра, пока имелась такая возможность. На Комарру, Зергияр, в какое-нибудь посольство – куда угодно, лишь бы подальше от Форбарр-Султана.

Майлз стал серьезным.

– Не знаю, Айвен. Если не случится какого-нибудь внезапного нападения, то эта свадьба – важнейшее политическое событие года. Да что там года, всей нашей жизни. Чем больше маленьких наследников Грегор с Лаисой поставят между нами с тобой и Империей, тем для нас безопасней. Для нас и наших семей.

– У нас с тобой пока нет семей, – уточнил Айвен. *Так вот что у него на уме насчет этой красивой вдовишки! Ого!*

– Разве мы могли осмелиться? Я то уж точно думал об этом всякий раз, как сближался с женщиной настолько, чтобы... ладно, не важно. Но эта свадьба должна состояться во что бы то ни стало.

– Да я не и не спору, – искренне согласился Айвен. Он наклонился, чтобы помешать котенку, начисто вылизавшему тарелку, поточить коготки о начищенные сапоги. Пара минут почесывания пузичка лишили звереныша энтузиазма, и он уютно устроился у Айвена на коленях, свернулся калачиком и довольно заурчал, переваривая сытный обед и украшая очередной порцией шерстинок имперский военный мундир.

– Так как там зовут твою вдовушку, повтори-ка еще раз?

Вообще-то Майлз пока вовсе не называл ее имени.

– Катриона, – вздохнул Майлз. Казалось, он голосом ласкал все четыре слога имени.

Ага! Айвен припомнил, сколько раз дражайший кузен наезжал на него из-за его многочисленных любовных связей. *Ты считал, что я подходящий камешек, на котором можно оттачивать свое остроумие?* Открывшаяся возможность сровнять счет согрела душу.

– Она в тоске и печали, ты сказал? Мне кажется, она вполне могла прибегнуть к услугам кого-нибудь, кто обладает хорошим чувством юмора, чтобы поднять ей настроение. Ты не годишься – у тебя явно очередной приступ меланхолии. Может, мне стоит предложить себя в качестве провожатого, чтобы показать ей город?

Майлз налил себе еще чаю и как раз вознамерился взгромоздить ноги на соседний стул. Услышав последнюю реплику Айвена, он с грохотом опустил их на пол.

– Даже и не думай! Она *моя!*

– Правда? Вы уже тайно обручены? Быстро сработано, братец!

– Нет, – нехотя признал Майлз.

– Значит, пришли к определенному рода соглашению?

– Пока нет.

– Следовательно, она не принадлежит никому, кроме самой себя. В данный момент.

Майлз, прежде чем ответить, что было ему совсем не свойственно, предпочел отхлебнуть чая.

– Я намерен эту ситуацию изменить. Когда настанет подходящее время, которое пока что, совершенно очевидно, еще не пришло.

– Эй, в любви и на войне все средства хороши! Почему мне нельзя попытаться за ней приударить?

– Попробуй только – и получишь эту самую войну! – рявкнул Майлз.

– Не позволяй своему новому высокому статусу ударить тебе в голову, братец! Даже Имперский Аудитор не может приказать женщине спать с ним!

– Выйти за него замуж, – ледяным тоном поправил Майлз.

Айвен склонил голову набок, ухмылка стала еще шире.

– Бог мой, да ты совсем голову потерял! Кто бы мог подумать?!

– В отличие от тебя, Айвен, я никогда не притворялся, что совершенно не стремлюсь к женитьбе, – оскалился Майлз. – И мне не придется брать обратно многочисленные речи убежденного холостяка или поддерживать репутацию юного шалопаю. Возможно, до конца дней своих – как вполне может оказаться в твоем случае.

– Ой-ой, какие мы сегодня ядовитые!

Майлз набрал в грудь побольше воздуха, но прежде, чем успел хоть слово сказать, Айвен добавил:

– Знаешь, когда ты вот так набычиваешься, то кажешься еще более горбатым, чем обычно. Следи за собой.

После долгого ледяного молчания Майлз ласково поинтересовался:

– Уж не бросаешь ли ты вызов моему остроумию, Айвен?

– Э э-э... – Правильный ответ долго искать не пришлось: – Нет!

– Вот и хорошо, – выдохнул Майлз, откидываясь на стуле. Последовало долгое напряженное молчание, и все это время Майлз, сощурившись, пристально смотрел на Айвена. Наконец он вроде бы пришел к какому-то решению. – Айвен, дай мне слово Форпатрила – только между нами, – что ты оставишь Катриону в покое.

Айвен изумленно вскинул брови.

– Тебе не кажется, что это несколько слишком? То есть я хочу сказать, разве у нее нет права голоса?

У Майлза расширились ноздри.

– На самом деле она тебе не нужна.

– Откуда ты знаешь? Откуда я знаю? Я едва успел с ней поздороваться, как ты по-быстренькому ее выставил!

– Я знаю тебя. Для тебя что она, что десяток других женщин, которые подвернутся. А для меня она – единственная. Предлагаю сделку: ты можешь забрать себе всех остальных женщин в мире, я же хочу лишь эту. Думаю, это честно.

Это был очередной типично Майлзовский аргумент – кузен вообще всегда казался очень логичен в своих рассуждениях, когда стремился получить то, что хотел. Айвен узнал знакомый мотив: Майлз нисколько не изменился с тех пор, как им обоим было от роду по пять лет. Изменился лишь повод.

– Штука в том, что все остальные женщины в мире не находятся в твоём распоряжении, – торжествующе заявил Айвен. После пары десятков лет практики он начал реагировать на подобные фокусы быстрее. – Ты пытаешься предложить то, что тебе не принадлежит и чего у тебя нет.

Захваченный врасплох, Майлз откинулся на спинку стула и сердито сверкнул глазами.

– Нет, серьезно, – продолжил Айвен, – тебе не кажется, что твоя страсть разгорелась слишком стремительно для человека, который не разлучался во время Зимнепраздника с глубокоуважаемой Куин? Где ты до сих пор прятал эту самую Кэт?

– Катриону. Мы познакомились на Комарре, – коротко ответил Майлз.

– Когда ты вел следствие? Значит, совсем недавно. Кстати, ты мне ничего не рассказал о своем первом деле, братец-лорд Аудитор. Должен сказать, что все их вопли по поводу солнечного отражателя вроде как закончились пшиком.

Он выжидательно замолчал, но Майлз игнорировал явное приглашение. Должно быть, он сейчас не в настроении разливаться соловьем. *Как всегда – либо не разговоришь, либо не заткнешь.* Что ж, если есть выбор, то сдержанность Майлза куда безопасней для окружающих, чем всплеск активности. Не дождавшись ответа, Айвен светски поинтересовался:

– А сестры у нее нет?

– Нет.

– Как всегда, – вздохнул Айвен. – Так кто же она на самом деле? Где живет?

– Она племянница лорда Аудитора Фортица, а ее муж очень скверно погиб пару месяцев назад. Сомневаюсь, что у нее подходящее настроение для выслушивания твоих шуточек.

Похоже, не у нее одной. Дьявол! Майлз сегодня тоже в весьма гнусном настроении.

– Э, да он небось влез в одно из твоих дел, так? Что ж, впредь наука. – Наклонившись вперед, Айвен ехидно улыбнулся: – Тоже способ решения проблемы недостатка юных вдов – создавать их самому.

Все признаки снисходительного веселья, с каким Майлз до сего момента выслушивал ерничество Айвена, мгновенно испарились. Он резко выпрямился и подался вперед, вцепившись в подлокотники. В голосе звучал арктический холод:

– Я буду вам чрезвычайно признателен, лорд Форпатрил, если вы впредь не станете повторять эти инсинуации. Никогда.

У Айвена от изумления желудок сжался в комок. Он уже пару раз наблюдал Майлза в роли Имперского Аудитора, но со стороны. Ледяные серые глаза кузена вдруг сделались похожими на два оружейных дула. Айвен открыл рот – и медленно закрыл. Да что тут, к черту, творится?! И как от такого коротышки может исходить столь чудовищная угроза? Годы практики, надо полагать. *И подходящих условий.*

– Это всего лишь шутка, Майлз!

– И очень не смешная! – Майлз потер запястья и нахмурился, глядя куда-то вдаль. На скуле заиграл желвак. Он поднял голову. Через некоторое время Майлз добавил уже более спокойно: – Я не стану тебе рассказывать об этом комарском расследовании, Айвен: оно под

грифом «перед прочтением сжечь», и я не шучу. Скажу лишь одно, но не для дальнейшего распространения. Смерть Этьена Форсуассона была чудовищной, это было убийство, и я не смог ничего предотвратить. Но не я приложил руку к его гибели.

– Господи ты боже мой, Майлз, я ведь не имел в виду, что ты на самом деле...

– Тем не менее, – резко перебил Майлз, – все доказательства этому теперь засекречены настолько глубоко, насколько вообще возможно. Из чего следует, что, если против меня выдвинут обвинение, я не смогу публично предоставить доказательства моей невиновности. Подумай о вытекающих из этого последствиях, будь любезен. Особенно если... мое ухаживание увенчается успехом.

Айвен озадаченно пожевал губу, переваривая сказанное. Затем просиял:

– Но... у Грегора ведь есть доступ! А кто осмелится с ним спорить? Грегор может объявить тебя невиновным.

– Император, мой названный брат, назначивший меня Аудитором в качестве любезности моему отцу? Как, во всяком случае, утверждают некоторые?

Айвен неловко поерзал. Значит, до Майлза эти слухи уже дошли...

– Те, чье мнение достойно внимания, знают правду. Где ты услышал эту пакость, Майлз?

Ответом послужило лишь короткое пожатие плечами и неопределенный жест. Похоже, Майлз становится просто удручающе дипломатичен. Айвен скорее согласился бы застрелиться из плазмотрона, чем оказаться замешанным в политические игры Империи. Не то чтобы он с воплями бежал от этого прочь – подобное поведение привлекло бы слишком много внимания. Медленное отползание в сторону – вот лучшая тактика. Майлз же... Маньяку Майлзу вполне может хватить смелости сделать политическую карьеру. Этот гном всегда был несколько склонен к суициду. *Уж лучше ты, чем я, парень.*

Майлз, оторвавшись от созерцания своих полуботинок, поднял голову.

– Я знаю, что у меня нет права просить тебя об этом, Айвен. Я по-прежнему у тебя в долгу... после того, что случилось минувшей осенью. И за десятки прочих случаев, когда ты спасал мою шею. Или пытался спасти. Все, что я могу, – это попросить. Пожалуйста. У меня было не так много шансов, а эта женщина для меня все. – И криво улыбнулся.

Черт бы побрал эту его улыбку! Разве Айвен виноват, что он родился здоровым, а кузен – калеккой? Нет, черт подери! Майлз такой из-за политических распрей, и можно было бы посчитать, что это послужит ему уроком, так ведь нет же! Как выяснилось, даже иглограната снайпера не способна остановить этого гиперактивного маленького паршивца. И всякий раз тырываешься между желанием придушить его голыми руками или плакать от гордости за него. Во всяком случае, Айвен позаботился, чтобы никто не видел его лица, когда во время прошлого Зимнепраздника в замке Форхартунг Майлз приносил присягу Имперского Аудитора чуть ли не перед всем Барраяром. Он произносил слова присяги с таким жаром! Такой маленький, такой искалеченный, такой нестигаемый. *Покажите людям свет, и они последуют за ним куда угодно.*

Понимает ли сам Майлз, насколько он опасен?

И этот маленький параноик действительно считает, что у Айвена хватит магии увести у него женщину, в которой Майлз заинтересован. Это опасение льстило Айвену куда больше, чем он рисковал показать. Но у Майлза так мало уязвимых мест, что грех лишать его этой иллюзии. Может оказаться бесполезным для его души, хе!

– Ладно, – вздохнул Айвен. – Но помни, что я лишь даю тебе право первого выстрела. Если она даст тебе от ворот поворот, то, мне кажется, у меня есть право быть следующим на очереди, как и у любого другого.

Майлз слегка расслабился.

– Это все, о чем я прошу. – И тут же напрягся снова. – Слово Форпатрила?

– Слово Форпатрила, – снизошел Айвен, выдержав хорошую паузу.

Майлз расслабился полностью и даже почти развеселился. В последующие несколько минут обсуждение списка дел, присланного леди Элис, перемежалось с дифирамбами в адрес госпожи Форсуассон. Лишь одно хуже вспышек ревности кузена, решил Айвен, – это выслушивание его влюбленного лепета. Совершенно очевидно, что сегодня особняк Форкосиганов – не самое подходящее укрытие от леди Элис. И не только сегодня, но и в последующие дни. Майлз даже не пожелал прерваться, чтобы что-нибудь выпить. Когда же он принялся излагать свои планы относительно сада, Айвен сослался на дела и удрал.

И только спускаясь по лестнице, вдруг понял, что снова остался в дураках. Майлз добился чего хотел, а Айвен так толком и не понял, как это произошло. Он ведь вовсе не намеревался давать слово фора. Айвен раздраженно нахмурился.

Все не так. Если эта самая Катриона действительно настолько хороша, она заслуживает мужчины, который станет бороться за нее. А если ее любовь к Майлзу подлежит испытанию, то чем раньше это произойдет, тем лучше. У Майлза нет чувства меры, чувства... самосохранения. Какой же будет сокрушительный удар, если она надумает его отшить. Тогда наверняка снова придется прибегать в качестве терапии к ледяной ванне. *Мне следовало поддержать его голову под водой несколько дольше. Я слишком рано его выпустил, и в этом моя ошибка...*

Да это будет просто огромная услуга – дать вдовушке возможность выбора, пока Майлз не задурил ей голову, как дурит всем остальным. Но... Майлз вытянул у Айвена слово Форпатрила, выдавил с упрямой прямолинейной решимостью. Принудил фактически, а обеты, данные по принуждению, и не обеты вовсе.

Решение пришло к Айвену, когда он перешагивал со ступеньки на ступеньку. Он аж присвистнул. Схема получалась почти... Майлзовской. Да это же высшая справедливость – накормить этого гнома блюдом, приготовленным по его же собственному рецепту!

К тому времени, когда Пим распахнул перед ним входную дверь, Айвен уже снова улыбался.

Глава 2

Карин Куделка тихонько переползла на сиденье у иллюминатора орбитального челнока и прижалась носом к стеклу. Все, что можно было увидеть, – это пересадочную станцию и звезды. После тянущихся бесконечно минут привычный скрип и скрежет известили, что расстыковка прошла удачно и челнок отошел от станции. Мерцающая арка барраярского терминала промелькнула перед ее глазами – челнок начал спуск. Три четверти Северного континента освещало послеполуденное солнце. Виднелись моря. Наконец-то снова дома, после почти годичного отсутствия. Карин уселась поудобнее, оценивая свои противоречивые чувства.

Жаль, что нет рядом Марка, а то бы они сравнили ощущения. И как это люди вроде Майлза, который покидал родную планету раз пятьдесят, не меньше, справляются с огромными различиями? Майлз тоже год проучился на Колонии Бета, будучи еще моложе, чем она. Карин поняла, что у нее есть к Майлзу куча вопросов, если она, конечно, наберется смелости его спросить.

Значит, Майлз Форкосиган теперь Имперский Аудитор. Трудно вообразить его в обществе этих напыщенных старых калов. Получив известие о новой должности брата, Марк изрядно подергался, прежде чем сподобился отправить поздравление по лучу. Но у Марка вообще пунктик в отношении Майлза. «Пунктик» не есть общепринятое научное определение, как сообщил Карин психотерапевт Марка, но вряд ли можно подобрать иной термин для обозначения того смешанного и изменчивого комплекса, представляющего собой... пунктик.

Карин проверила, в порядке ли одежда, оправила рубашку, приладила брюки. Весьма экстравагантное смешение стилей – комаррские брюки, барраярское болеро, эскобарская рубашка из искусственного шелка – вряд ли шокирует ее семейство. Натянув на палец локон пепельно-русых волос, оценила длину. Волосы уже почти отросли, теперь у нее та же прическа, что была перед отъездом с Барраяра. Да, все главные изменения произошли внутри и незаметны глазу. Она может рассказать о них, а может – и нет. Она сама решит, когда об этом можно будет рассказать без опаски. *Без опаски?* – изумленно переспросила себя Карин. Похоже, она заразилась от Марка паранойей. И все же...

Нахмурившись, Карин нехотя вынула из мочек свои бетанские сережки и сунула в карман болеро. Мама довольно много общалась с графиней Корделией и, вполне вероятно, сможет расшифровать, что означают на Колонии Бета эти серьги, а означали они вот что: «Да, я согласная на встречи взрослая женщина с противозачаточным имплантатом, но сейчас у меня есть постоянный партнер, поэтому не ставьте в неловкое положение и себя, и меня, подходя с предложением». Довольно длинное сообщение, записанное двумя кусочками металла, а у бетанцев есть еще с десятков других способов передать прочие нюансы. Пару этих самых нюансов Карин уже переросла. Противозачаточный имплантат, о котором сообщали серьги, мог теперь оставаться ее маленьким секретом, о котором остальным знать не обязательно.

Она немного поразмышляла, сравнивая бетанские серьги с подобной системой социальных сигналов в других культурах: с обручальными кольцами, определенным стилем одежды или прически, шляпками, вуалями и татуировками. Конечно, такие сигналы не всегда соответствуют содержанию: например, у неверных супругов поведение не соответствует внешним признакам моногамного состояния. Впрочем, бетанцы вроде бы довольно строго соблюдают правила. Ношение ложных символов осуждается обществом. «Такие фортели все портят для других, – объяснил Карин как-то раз один бетанец. – Ведь главная цель тут – чтобы не приходилось играть в угадайку». Надо отдать должное их честности. Неудивительно, что бетанцы – отличные ученые. В целом же, решила Карин, теперь она, кажется, гораздо больше понимает некоторые особенности характера графини Корделии Форкосиган, бетанки по рождению. Но

тетя Корделия приедет лишь к самой свадьбе, на Праздник Середины Лета – увы и ах! – так что разговор с ней откладывается.

Карин мгновенно отбросила мысли о желаниях плоти, как только внизу показался Форбарр-Султан. Близился вечер, и великолепный закат освещал облака, сквозь которые опускался челнок. Сверкающие в сумерках огни города являли собой фантастическое зрелище. Карин наблюдала любимый и такой знакомый пейзаж – текущую реку, настоящую реку после целого года лицезрения до смерти надоевших фонтанов, понастроенных бетанцами в их подземном мире. Знаменитые мосты, воспетые в народных песнях на всех четырех языках, монорельсовая дорога... Последовал последний рывок, и челнок сел в космопорте Форбарр-Султана. *Дома, дома, я дома!* Карин с трудом удержалась, чтобы не побежать по головам медлительных стариков, шедших к выходу впереди нее. Наконец она промчалась по гибкой трубе перехода и коридору. *Они меня встречают? Все ли пришли?*

Они не разочаровали ее. Тут были все, все до единого, стояли отдельной группкой, занимая самое выгодное место поближе к выходу из коридора. Мама держала огромный букет цветов, а Оливия – большой плакат с надписью «Добро пожаловать домой, Карин!». Марсия нетерпеливо приплясывала на месте в отличие от Делии, очень повзрослевшей и как всегда сдержанной. И стоял, опираясь на трость, улыбающийся папа, не успевший после работы переодеть мундир. Затем последовали горячие объятия, согревшие душу соскучившейся Карин. Оливия хихикала, Марсия верещала, и даже па смахнул слезу. Проходившие мимо пассажиры и встречающие не сводили с них глаз. Мужчины засматривались настолько, что едва не вмазывались лбом в стенки. Блондинистая группа командос коммодора Куделки, как шутили младшие офицеры Генштаба. Интересно, подумала Карин, Оливия с Марсией по-прежнему их изводят? Бедные мальчики все норовили сдать на милость победительниц, но до сих пор ни одна из сестриц пленных не брала. Кроме Делии, судя по всему, завоевавшей на Зимнепразднике комаррца, друга Майлза. Коммодора СБ, ни больше ни меньше. Карин не терпелось добраться побыстрее до дома и узнать все в подробностях о помолвке.

Говоря все одновременно (кроме па, который сдался уже много лет назад и сейчас лишь добродушно слушал), они дружно отправились за багажом Карин, а потом к машине. По такому случаю мама с па явно позаимствовали этот здоровенный лимузин у лорда Форкосигана вкупе с оруженосцем Пимом в качестве водителя, чтобы всей семьей разместиться на заднем сиденье. Пим поприветствовал Карин от имени своего сюзерена и от себя лично, положил ее скромный багаж на сиденье, и они отправились домой.

– Я думала, ты приедешь в одном из этих открытых бетанских саронгов, – поддела ее Марсия, когда лимузин отъехал от космопорта и двинулся к городу.

– Была у меня такая мысль. – Карин спрятала улыбку за охапкой цветов. – Просто здесь для этого несколько прохладно.

– Но ведь ты не носила их там?

К счастью, прежде чем Марсия успела выжать из Карин ответ (или Карин придумала, как от него увернуться), вмешалась Оливия:

– Когда я увидела лимузин лорда Форкосигана, то подумала, что лорд Марк все-таки возвращается домой вместе с тобой, но мама сказала, что нет. Разве он не вернется на Барраяр к свадьбе?

– О да! Вообще-то он улетел с Колонии Бета еще раньше меня, но по дороге задержался на Эскобаре... – Карин чуть поколебалась. – По делам.

На самом деле Марк отправился на Эскобар за препаратами для потери веса, более сильными, чем те, что прописал бетанский терапевт. Он намеревался раздобыть их в клинике, которая принадлежала врачам, бежавшим с Архипелага Джексона, и в которую он сделал финансовые вложения. Он наверняка заодно проверит, как ведутся дела, так что Карин если и лгала, то не совсем.

Как раз из-за этого его сомнительного решения Карин с Марком оказались на грани своей первой серьезной ссоры, однако в конце концов Карин вынуждена была признать, что Марк имеет право решать сам. Проблемы веса и вообще всего, что связано с физическим состоянием, были одними из самых сложных психологических заморочек Марка. Карин начала инстинктивно понимать – если, конечно, она себе не льстит, – до какого момента она может давить на него, а когда достаточно просто подождать и позволить Марку бороться с Марком. Для нее было в некотором роде пугающей привилегией смотреть и слушать весь этот год, как врач Марка проводит тренинги. Но как же радостно чувствовать себя причастной к улучшению его состояния и узнавать, что существуют гораздо более важные аспекты любви, чем сумасшедшее торопливое спаривание. Взаимное доверие, например. И терпение. И, как это ни странно (кстати, едва ли не самое важное в случае с Марком), некоторая хладнокровная и отстраненная автономия. Карин потребовалось несколько месяцев, чтобы это понять, но у нее даже и в мыслях нет объяснять все это своей шумной, ехидной и любящей семейке.

– Вы с ним стали добрыми друзьями?.. – осторожно спросила мама.

– Ему нужен друг. – *Отчаянно нужен.*

– Он твой молодой человек? – Марсия всегда не выносила подтекстов, предпочитая говорить все прямо.

– Ты ему вроде как понравилась, когда он был тут в прошлом году, – заметила Делия. – А ты весь год повсюду с ним ходила на Колонии Бета. Он что, заторможенный?

– Полагаю, он достаточно сообразителен, чтобы быть интересным. Я хочу сказать, раз он близнец Майлза, то наверняка такой, но лично мне он кажется жутковатым, – добавила Оливия.

Карин напряглась.

«Если бы ты была клоном-рабом, выращенным террористами, готовящими из тебя убийцу, обучающими тебя исключительно методом физических и психологических пыток, и тебе пришлось бы убить людей, чтобы сбежать, ты бы тоже скорее всего была бы жутковатой. Если ты не половая тряпка».

Марк далеко не был тряпкой. Он обладал колоссальной силой воли. Марк создавал себя заново, прилагая к этому титанические усилия, просто героические, хоть и не видимые чужому глазу. Карин представила себе, как пытается объяснить все это Оливии или Марсии, и тут же отбросила эту мысль. Делии... Нет, даже Делии нельзя ничего рассказывать. Достаточно лишь упомянуть о четырех полусамостоятельных скрытых личностях Марка, каждая из которых обладает своим прозвищем, чтобы разговор принял просто удручающий характер. А описание того, как потрясающе слаженно они действуют, чтобы поддерживать хрупкое равновесие, вряд ли соответствует представлению добропорядочного баррарярского семейства о возможном зяте.

– Уймитесь, девочки, – добродушно сказал, улыбаясь, па, чем завоевал огромную благодарность Карин. Впрочем, он тут же добавил: – И все же, если нам предстоит ожидать сваху от Форкосиганов, мне бы хотелось знать об этом заранее, чтобы пережить шок. Майлза я знаю всю его жизнь. А вот Марк... Марк – совсем другое дело.

Они что, не могут представить мужчину в ее жизни в ином амплуа, кроме как в роли потенциального мужа? Карин вовсе не была уверена, что Марк – потенциальный муж. Он все еще усиленно трудился над собой, чтобы стать полноценным человеческим существом. На Колонии Бета все казалось таким ясным, а теперь Карин просто кожей ощущала сомнения, обуревавшие ее семейку. Нет, она очень правильно сделала, спрятав свои бетанские сережки.

– Не думаю, что дело дойдет до свахи, – честно ответила она.

– А! – Па с явным облегчением откинулся на сиденье.

– А он действительно так разжирел на Колонии Бета? – жизнерадостно поинтересовалась Оливия. – Мне почему-то казалось, что бетанский врач не должен был ему это позволять. Я думала, они должны излечить его от этого. Ну, то есть ведь он *уже* был жирным здесь.

Карин подавила желание дернуть себя за волосы, а еще лучше – Оливию.

– Где ты это услышала?

– Мама сказала, что ей сказала тетя Корделия, а той – ее мама, – четко изложила Оливия цепочку слухов. – Когда тетя Корделия приезжала сюда в Зимнепраздник на помолвку Грегора.

Весь этот год бабушка Марка была доброй бетанской крестной для обоих ошарашенных барраярских студентов. Карин знала, что бабушка Нейсмит все время поддерживает контакт со своей дочерью, которая тревожится за странного клон-сына, и снабжает ее информацией такой степени откровенности, какая возможна лишь между бетанцами. Бабушка Нейсмит часто пересказывала сообщения, которые отправляла или получала, а также передавала новости и поздравления. Карин сообразила, что как-то не предусмотрела возможность беседы между тетей Корделией и мамой. В конце концов, тетя Корделия ведь на Зергияре, а мама тут... Она вдруг поймала себя на том, что отчаянно подсчитывает, сравнивая два планетных календаря, стали ли они уже с Марком любовниками к прошлому Зимнепразднику, когда Форкосиганы в последний раз были дома. Уф, нет! Что бы ни было известно тете Корделии сейчас, тогда она этого еще не знала.

– Я думала, бетанцы просто перетряхивают тебе мозги так, как им нужно, – сказала Марсия. – Разве не могли они просто привести его в норму? Раз – и все! Почему на это уходит так много времени?

– В том-то и дело, – пояснила Карин. – Большую часть жизни Марку насильственно перекраивали тело и душу. Ему требуется время, чтобы разобраться, кто он есть, без вмешательства извне. Время, чтобы установить базисную черту, как говорит его врач. Видишь ли, у него сдвиг на тему лекарств. – Что явно не относится к тем, которые он добыл у беглецов с Архипелага Джексона. – Когда он будет готов... ладно, не важно.

– Но его лечение дает какой-то прогресс? – с сомнением поинтересовалась мама.

– О да, и огромный! – Карин обрадовалась, что наконец-то может сказать о Марке хоть что-то положительное.

– И какого рода? – спросила озадаченная мама.

Карин представила, как лепечет: «О, он полностью излечился от спровоцированной пытками импотенции, и его научили быть ласковым и внимательным любовником. Его врач говорит, что она ужасно гордится им, а Пыхтун так просто в восторге. Обжора вел бы себя вполне умеренно, если бы Рева не привлекал его к своим нуждам, и это именно я сообразила, чем вызваны приступы обжорства. Врач Марка похвалила меня за догадку и наблюдательность и дала каталоги пяти различных бетанских курсов по подготовке психотерапевтов. И сказала, что поможет мне подобрать лучшие, если меня это заинтересует. Она еще пока не знает, что делать с Убийцей, но Убийца-то как раз меня беспокоит меньше всего. Я никак не могу совладать с Ревой. Вот, собственно, то, чего удалось достичь за год. И ах да! Невзирая на все эти внутренние стрессы и напряжения, Марк – лучший студент самого сильного на Колонии Бета финансового института, если это, конечно, кого-нибудь интересует».

– Это довольно трудно объяснить, – только и смогла она выдать наконец.

Пора менять тему. Наверняка можно спокойно обсудить дела на любовном фронте кое-кого другого.

– Делия! А твой комаррский жених знаком с комаррской невестой Грегора? Ты уже встречалась с ней?

Делия мгновенно проглотила наживку.

– Да. Дув знал Лаису еще на Комарре. У них были общие... э-э-э... научные интересы.

– Она умненькая, низенькая и пухленькая! – встряла Марсия. – У нее совершенно поразительные сине-зеленые глаза, и она введет моду на лифчики с прокладками. А ты и так впишешься. Ты что, набрала вес за этот год?

– Мы все познакомились с Лайсой, – вмешалась мама, прежде чем разговор перерос в свару. – Она очень милая. И очень умная.

– Да, – сказала Делия, метнув на Марсию испепеляющий взгляд. – И мы с Дувом очень надеемся, что Грегор не станет впустую растрчивать ее таланты на всякие светские мероприятия, хотя, конечно, кое в чем ей придется участвовать. У нее комаррская подготовка в экономике. Дув говорит, она могла бы возглавить министерские комитеты, если бы ей позволили. Во всяком случае, старым форум не удастся свести ее до уровня кобылы-производительницы. Грегор с Лайсой уже ясно всем дали понять, что намерены воспользоваться маточными репликаторами.

– А приверженцы традиций им ничего на это не возразили? – поинтересовалась Карин.

– Грегор сказал, что, если они начнут выступать, он отправит их дискутировать с леди Корделией, – хихикнула Марсия. – Если они осмелятся!

– Пусть только попытаются! Леди Корделия вручит им их же собственные головы на подносе, – весело заметил па. – А им отлично известно, что она на это способна. К тому же мы всегда можем предоставить в лице Оливии с Карин доказательства, что маточные репликаторы дают отличный результат.

Карин ухмыльнулась. Улыбка Оливии была более сдержанной. Демография их собственной семьи отражала появление на Барраяре галактической медицины, поскольку Куделки первыми из простых барраярцев воспользовались новым методом для двух младших дочерей. Через какое-то время девочкам до смерти надоело, что их демонстрируют всем и вся, как призовые овощи на окружной ярмарке, но Карин полагала, что это шло на пользу делу. В последнее время нужда в подобных демонстрациях практически отпала, поскольку новый метод стал принят повсеместно. По крайней мере в городах – и теми, кто мог себе это позволить. И тут она впервые задумалась, как себя чувствовали при этом «контрольные сестры» – Делия с Марсией.

– А твой Дув не говорит, как относятся комаррцы к этой свадьбе? – спросила Карин Делию.

– Отношение всякое, но что еще можно ожидать от завоеванного мира? Императорский Дом, разумеется, намерен использовать все возможные пропагандистские методы. Вплоть до проведения еще одной церемонии бракосочетания на Комарре в комаррских традициях. Бедные Грегор с Лайсой! В СБ все отпуска отменены до окончания этой самой второй церемонии, а значит, наша с Дувом свадьба откладывается до лучших времен. – Делия горестно вздохнула. – Что ж, зато, когда я наконец заполучу Дува, его ничто не будет отвлекать от меня. А сейчас он по уши занят своей новой работой. Он ведь первый комаррец, возглавивший Департамент по делам Комарры, и отлично знает, что сейчас он у всех на виду. Особенно если что-то пойдет не так, – скривилась Делия. – К вопросу о головах на подносе.

За этот год Делия изменилась довольно сильно. Раньше, когда она говорила о происшедших в Империи событиях, весь разговор крутился лишь вокруг того, что надеть (впрочем, эта тема в семействе Куделка всегда была животрепещущей). Карин уже начала думать, что этот малый, Дув Галени, вполне может ей понравиться. Зять, хм. К этой мысли еще надо привыкнуть.

Лимузин обогнул последний угол, и показался их дом. Куделки жили в последнем доме по улице, занимая симпатичное трехэтажное строение с окнами, выходящими в парк, – зеленый квадратик в центре столицы и буквально в десятке кварталов от резиденции Форкосиганов. Молодая пара купила особняк двадцать пять лет назад, когда па был личным военным помощником регента, а мама уволилась с должности телохранителя Грегора и его приемной матери, леди Корделии, чтобы родить Делию. Карин не могла сообразить, насколько за эти

годы возросла цена дома, хотя могла дать голову на отсечение, что Марк с легкостью бы это подсчитал. Несколько академический интерес: у кого рука поднимется продать любимый старый дом, каким бы развалившимся он ни был? Карин радостно выпрыгнула из машины.

Лишь поздним вечером Карин подвернулась возможность поговорить с родителями наедине. Сперва нужно было распаковать вещи, затем раздать подарки, потом востребовать обратно свою комнату, которую сестрицы в отсутствие Карин нахально превратили в гардеробную. Потом последовал длинный семейный ужин, на который пригласили всех трех ее лучших подружек. И все говорили и говорили, кроме па, естественно, который молча потягивал вино и казался несколько удрученным тем фактом, что вынужден сидеть за ужином в окружении сразу восьми женщин. И за всей этой словесной шелухой Карин не сразу заметила, что никто ни слова не говорит о самых важных для нее вещах. И это показалось ей очень странным.

Теперь она сидела на спинке родительской кровати, пока мама с па готовились отойти ко сну. Мама делала свой обычный комплекс спортивных упражнений. Даже после двух родов и всех прожитых лет у нее по-прежнему оставались литые мышцы тренированной спортсменки. Па прохромал по комнате, поставил трость со своей стороны кровати, неловко сел и принялся с улыбкой наблюдать за женой. Карин заметила, что он стал совсем седым. Роскошные золотистые волосы мамы, заплетенные в косу, в краске не нуждалась, хотя в них и появился серебристый оттенок. Неловкие руки па приступили к снятию полусапог. Глаза Карин никак не могли перестроиться. Барраярцы на шестом десятке выглядели как бетанцы в семьдесят пять или даже в восемьдесят пять. А у ее родителей была трудная молодость, на которую пришлось война и нелегкая служба. Карин откашлялась.

– Я насчет учебы на следующий год, – начала она, нацепив свою самую сияющую улыбку.

– Ты ведь имеешь в виду университет округа, да? – уточнила мама, держа уголок у «шведской» стенки и считая про себя до двадцати. – Не для того мы вкладывали марки в твое галактическое обучение, чтобы останавливаться на полпути. Это было бы ужасно.

– О да, я намерена продолжать учебу. Я хочу обратно на Колонию Бета.

Вот все и сказано.

Повисло короткое молчание. Затем па жалобно произнес:

– Ты ведь только что приехала, лапушка!

– Я и хотела приехать домой, – заверила она его. – Хотела вас всех увидеть. Я просто думала... что уже пора строить дальнейшие планы. Зная, что дело того стоит.

– Это что, начало кампании? – поднял бровь па.

Карин подавила раздражение. Можно подумать, она все еще маленькая девочка, выпрашивающая пони. Речь идет о ее дальнейшей жизни.

– Планы. Я серьезно.

– На сей раз ты знаешь, чему хочешь учиться? – Мама говорила медленно, может, потому что думала, а может, из-за того, что качала пресс. – То, что ты выбрала в прошлом году, по моему, несколько... эклектично.

– Я отлично справлялась со всеми предметами, – принялась защищаться Карин.

– По всем четырнадцати абсолютно не взаимосвязанным курсам, – пробормотал па. – Это верно.

– Но выбор был такой большой!

– В округе Форбарр-Султан тоже есть много из чего выбирать, – указала мама. – Гораздо больше, чем ты сможешь выучить за две жизни, даже бетанских. И дорога куда дешевле.

Но в Форбарр-Султане не будет Марка. Он уедет обратно на Бету.

– Психотерапевт Марка предлагала мне поучиться своей профессии.

– Это твое последнее увлечение? – поинтересовался па. – Психоинженерия?

– Не уверена, – честно ответила Карин. – Это интересно... То, как они это делают на Бете.

Только вот прельщает ее психотерапия как таковая или лишь психология Марка? Карин и сама не знала в точности. А может, и знала. Просто ей не слишком нравилось, как прозвучал ответ.

– Безусловно, человек с любой галактической медицинской или технической подготовкой будет приветствоваться на Барраяре. Если ты сможешь сосредоточиться на чем-то одном на достаточно долгий срок... Проблема в деньгах, дорогая. Без стипендии леди Корделии мы не могли даже мечтать отправить тебя учиться на другую планету. А насколько мне известно, ее стипендия на следующий год уже отдана другой девочке.

– Я и не собиралась ее снова о чем-то просить. Она и так уже очень много для меня сделала. Но есть возможность получить бетанскую стипендию. А летом я могу поработать. Это – и то, что вы в любом случае потратили бы на мою учебу в университете округа... Вы ведь не думаете, что такая мелочь, как деньги, остановила бы, скажем, лорда Майлза?

– Сомневаюсь, что Майлза остановит и плазмотрон, – ухмыльнулся па. – Но он, скажем так, особый случай.

Карин на мгновение задумалась. Интересно, а что на самом деле двигало Майлзом? Ярость разочарования, примерно такая же, что подогревала ее решимость? И какой силы ярость? Может, Марк с его преувеличенной воинственностью в отношении своего породителя и близнеца видел в Майлзе что-то такое, что ускользало от нее?

– Наверняка мы можем найти выход. Если все вместе попытаемся.

Мама с па переглянулись.

– Боюсь, дело обстоит не так просто, – сказал па. – Чтобы оплатить учебу всех вас и лечение твоей бабушки – пока она была жива, – мы два года назад заложили дом на побережье.

– Мы сдаем его внаем на все лето, кроме одной недели, – вставила мама. – Мы подумали, что со всеми предстоящими в Праздник Середины Лета событиями у нас все равно практически не будет времени выезжать из столицы.

– А твоя мама теперь ведет курсы по самообороне и безопасности для сотрудников министерств, – добавил па. – Так что она делает все, что может. Боюсь, у нас практически не осталось свободных денег.

– Мне нравится преподавать, – улыбнулась мама. (Успокаивая папу?) И добавила для Карин: – И это куда лучше, чем продать дом на море, чтобы расплатиться с долгами, а мы одно время опасались, что так и придется поступить.

Потерять домик на море, где прошло ее детство? Карин пришла в ужас. Сама леди Элис Форпатрил подарила этот домик на восточном побережье супругам Куделкам на свадьбу много лет назад. Вроде бы за спасение жизни ей и лорду Айвену во время дворцового переворота Фордариана. Карин и не подозревала, что они так ограничены в средствах. Пока не подсчитала, сколько у нее старших сестер и не прикинула их потребности... хм.

– Могло быть и хуже, – добродушно заметил па. – Прикинь, во сколько обошлось бы содержание этого гарема в прежние времена, когда за каждой нужно было давать приданое!

Карин послушно улыбнулась – он повторял эту шутку уже пятнадцать лет – и испарилась. Придется ей искать другой выход. И искать самостоятельно.

Зеленая зала императорского дворца по пышности превосходила все конференц-залы, в которых Майлзу приходилось когда-либо протирать штаны. Обитые шелком стены, тяжелые драпировки и толстые ковры приглушали звуки и создавали какое-то подводное ощущение, а элегантно поданный чай в изящном сервизе побивал по всем параметрам паек в пластиковой упаковке – неперенный атрибут любых военных совещаний. Лучи весеннего солнца били в окна, рисовали золотистые полосы на полу. Майлз словно загипнотизированный следил, как удлиняются эти полосы, символизируя течение времени.

Неизбежный военный оттенок встрече придавало присутствие троих людей в форме: полковника лорда Форталы-младшего – главы подразделения СБ, обеспечивающего безопасность на императорской свадьбе; капитана лорда Айвена Форпатрила, послушно ведущего записи для леди Элис (в точности как он бы делал это в качестве адъютанта командира на любом совещании Генштаба), и командора Дува Галени, главы Департамента СБ по делам Комарры. Галени уже сейчас готовился к тому знаменательному дню, когда все это шоу проиграют на Комарре «на бис». Интересно, подумал Майлз, не черпает ли из всего этого суровый сорокалетний Дув идеи для собственной свадьбы с Делией Куделкой, или у него хватит здравого смысла залечь на дно, предоставив свободу действий куда более компетентным дамам Куделкам, всем пятерым. Майлз предложил бы Дуву в качестве убежища особняк Форкосиганов, только вот барышни наверняка его там выловят.

Грегор с Лаисой пока довольно неплохо выдерживали все это безумие. Тридцатипятилетний император был высоким, худощавым, темноволосым и суховатым. Доктор Лаиса Тоскане – маленькая, с пепельными кудрями и сине-зелеными глазами (частенько весело шутившимися), обладала такой фигурой, что Майлзу, к примеру, хотелось зарыться в нее на зиму. Конечно, чисто теоретически – на практике он ни за что бы не стал отнимать у Грегора счастливый билет. По правде говоря, Майлз считал все эти затянувшиеся публичные церемонии, которые не позволяли Грегору насладиться добычей, жестокостью на грани садизма. Если, конечно, предположить, что Грегор с Лаисой *воздерживаются*...

Голоса продолжали звучать, и мысли Майлза текли дальше. Он мечтательно прикинул, где лучше устроить свою свадьбу с Катрионной. В бальном зале особняка Форкосиганов, в самом сердце Империи? Много народу там не уместится. А Майлзу хотелось, чтобы свидетелей его торжества было много. Или он как наследник графства обязан из политических соображений устроить это шоу в столице округа Форкосиганов Хассадаре? Современная графская резиденция в Хассадаре всегда больше смахивала на гостиницу, чем на дом, окруженная бесчисленными бюрократическими конторами. Пожалуй, самое романтическое место – усадьба в Форкосиган-Сюрло, сады над длинным озером. Да, свадьба на открытом воздухе. Катрионе это понравится. И – в некотором смысле – позволит присутствовать на бракосочетании сержанту Ботари, да и генералу Петеру тоже. *Верил ли ты, дедушка, что для меня когда-нибудь наступит такой день?* Само собой, притягательность мероприятия зависит от времени года. В середине лета все будет чудесно, но вот в середине зимы, когда с озера задувает пронизывающий ветер и метет метель? Да, пожалуй, зимой в усадьбе будет не слишком романтично. Да и потом, не факт, что ему удастся привести Катриону к венцу раньше осени, а откладывать торжества до следующей весны будет столь же болезненным, как то, что сейчас творят с Грегором...

Напротив Майлза за столом Лаиса взяла следующую страничку из бумаг, быстро проглядела и воскликнула:

– Да это же несерьезно!

Сидящий рядом с невестой Грегор всполошился и попробовал заглянуть ей через плечо.

Ого! Мы должны были уже добраться до двенадцатой страницы! Майлз мгновенно подобрался и изобразил полное внимание.

Леди Элис одарила его ледяным взглядом и сурово посмотрела на Лаису. Эта затянувшаяся на полгода богадельня, которая началась с помолвки в Зимнепраздник и должна была завершиться свадьбой в Праздник Середины Лета, была венцом карьеры леди Элис – официальной хозяйки двора Грегора. И она весьма недвусмысленно дала понять, что Все Пройдет Как Надо.

Проблема, собственно, состояла в том, что каждый понимал это самое Как Надо по-своему. Последний раз свадьба правящего императора прилась на разгар войны – это было бракосочетание деда Грегора императора Эзара с сестрой Ури Безумного. Однако то ли из исторических, то ли из эстетических соображений леди Элис решительно не желала брать ее за

образец, что существенно осложняло дело, поскольку остальные императоры – практически все – к моменту вступления на престол были уже женаты, и давно. Правда, имелся еще один прецедент – брак императора Влада Форбарра Разумного с леди Форлайтли. Но увы! Сие досто-славное событие пришлось как раз на самое темное время Периода Изоляции.

– Неужели они действительно заставили несчастную невесту раздеваться донага на глазах у всех присутствующих?! – спросила Лаиса, указывая на соответствующую цитату из исто-рических летописей.

– О, Владу тоже пришлось раздеться, – добродушно успокоил ее Грегор. – Родственники невесты наверняка настояли. Своего рода обязательный медицинский осмотр. На случай, если у будущих отпрысков обнаружатся какие-нибудь мутации, каждая из сторон желала иметь воз-можность доказать, что это не по их линии.

– В наши дни этот обычай практически сошел на нет, – заметила тетя Элис. – Если он где и сохранился, так в самых глухих местах у некоторых этнических групп.

– Леди Элис имеет в виду греческое меньшинство, – перевел для Лаисы Айвен. Услышав столь прямолинейное объяснение сына, леди Форпатрил поморщилась.

Майлз негромко откашлялся:

– Вообще-то императорскую свадьбу могут рассматривать в плане возрождения некото-рых забытых древних традиций. Лично я предпочел бы, чтобы данная традиция не попала в их число.

– Вредитель! – заявил Айвен. – А я вот считаю, что такой обряд добавит перчинки в нынешние брачные церемонии. Уж куда лучше, чем состязание в тостах.

– За которым следует состязание в блевании, – пробормотал Майлз. – Не говоря уж о весьма захватывающих форских гонках ползком. Кажется, одну из них ты как-то раз выиграл, Айвен? Верно?

– Я просто поражен, что ты это помнишь. Разве обычно не ты первым выпадаешь в оса-док?

– Господа, – ледяным тоном произнесла леди Элис, – на сегодняшнем совещании нам предстоит решить еще множество вопросов, и ни один из вас не уйдет отсюда, пока мы не закончим. – Она выдержала многозначительную паузу, подчеркивающую серьезность заявле-ния, и продолжила: – Я вовсе не собиралась в точности воспроизводить этот древний обычай, Лаиса, но поставила его в список потому, что для некоторых наиболее консервативных барра-ярцев он представляет собой неотъемлемую часть нашей культуры. Я надеялась, что мы смо-жем изобрести более современную версию, которая послужит той же психологической цели.

Дув Галени задумчиво нахмурился.

– Опубликовать результаты их генсканирования? – предложил он.

Грегор поморщился, взял невесту за руку, посмотрел на нее и улыбнулся:

– Уверен, что у Лаисы все в порядке.

– Ну разумеется! – начала она. – Мои родители проверили все еще до того, как поместить меня в маточный репликатор...

– Не сомневаюсь, что ты была очень миленьким зародышем, – поцеловал ей ладошку Грегор.

Лаиса кокетливо хихикнула. Элис улыбнулась, Айвен выглядел так, будто его вот-вот вывернет наизнанку. Полковник Фортала, привыкший за многие годы в Форбарр-Султане ко всяким сценам, ухитрился сохранить почти полную невозмутимость. Галени, практически не уступая полковнику в выдержке, лишь чуть напрягся.

Майлз воспользовался моментом и, наклонившись к Дуву, тихонько спросил:

– Тебе Делия сказала, что Карин вернулась?

– Да, – тут же просветлел Дув. – Надеюсь, я вечером ее увижу.

– Я хочу кое-что предпринять в виде поздравления с прибытием. И подумывал в этой связи вскорости пригласить все семейство Куделка на ужин. Ты как?

– Разумеется!

Грегор оторвал наконец влюбленный взгляд от Лаисы и размягченным тоном произнес:

– Спасибо, Дув. Какие еще будут предложения?

Грегор явно не жаждал доводить до сведения широкой общественности результаты своего генсканирования. Майлз быстренько прикинул существующие в разных регионах варианты.

– Вы могли бы устроить своего рода обмен. Делегаты от каждой группы родственников или еще кто-нибудь, по вашему выбору, из тех, кто имеет на это право и обладает достаточным авторитетом, в свадебное утро в обществе врача придут к каждому из вас и произведут быстрый медицинский осмотр. Затем в подходящий момент свадебной церемонии каждая делегация публично заявляет о том, что все в порядке. Скрытый осмотр – публичное заявление. Скромность и честь сохранены, паранойя удовлетворена, все довольны.

– А вы в это же время спокойно принимаете транквилизаторы, – сообщил Айвен с хищной улыбкой. – Готов поспорить, к тому моменту они вам обоим уже понадобятся.

– Премного благодарен, Айвен, – пробормотал Грегор. – Какой ты заботливый!

Лаиса лишь вежливо кивнула.

Леди Элис расчетливо сощурилась:

– Грегор? Лаиса? Такой вариант для вас приемлем?

– По мне, так сойдет, – заявил Грегор.

– Не думаю, что мои родители станут возражать против участия в этом, – сказала Лаиса. – Хм... Грегор, а кто выступит в роли твоих родителей?

– В свадебном кругу их место займут граф и графиня Форкосиган, естественно, – ответил Грегор. – Так что, видимо, они и будут... Майлз?

– Мать и глазом не моргнет, – кивнул Майлз. – Хотя не могу гарантировать, что удержится от резких высказываний в адрес баррарцев. Отец...

За столом повисло вызванное политическими проблемами молчание. Глаза присутствующих обратились на Дува Галени, который едва заметно сжал челюсти.

– Дув, Лаиса, – постучала наманикюренным ногтем по столу леди Элис. – Будьте любезны дать социально-политический ответ с точки зрения комаррцев на этот вопрос. И откровенно.

– Лично у меня нет возражений против графа Форкосигана, – сказала Лаиса.

Дув вздохнул:

– Мне кажется, что любой напряженности, какой можно избежать, нам следует избегать.

Отлично сказано, Дув. Ты у нас еще станешь политиком.

– Иными словами, идея отправить Мясника Комарры оценивать их обожаемую жертвенную невесту будет принята на Комарре примерно столь же радостно, как чума, – подвел итог Майлз, поскольку больше никто не мог взять на себя эту обязанность. Ну, разве что Айвен. Леди Элис же потребовалось бы некоторое время, чтобы выдать политически корректную формулировку. Галени благодарно глянул на Майлза.

– И это вполне понятно, – продолжил Майлз. – Если нарушение симметрии не покажется слишком заметным, в качестве делегации со стороны Грегора можно послать маму с леди Элис. Возможно, в обществе какой-нибудь родственницы из семьи матери Грегора принцессы Карин. Баррарские консерваторы это слопают за милую душу, поскольку забота о сохранении генофонда спокон веку была женским делом.

Сидящие за столом баррарцы согласно закивали. Одарив Майлза быстрой улыбкой, леди Элис вычеркнула данный пункт.

Длинный и сложный диспут возник при обсуждении вопроса, следует ли брачующимся повторять клятвы на всех четырех языках Барраря. Затем последовали полчасовые дебаты на

тему, как освещать свадьбу в планетарных и галактических СМИ, в процессе которых Майлз, при поддержке со стороны Галени, ухитрился ловко отвертеться от всех прочих задач, требующих его непосредственного участия. Добравшись до следующей страницы, леди Элис нахмурилась:

– Кстати, Грегор, ты уже принял решение по делу Форбреттена?

Грегор покачал головой:

– Пока что я всячески пытаюсь избегать публичных заявлений. Во всяком случае, до тех пор, пока Совет Графов не закончит мусолить это дело. Какое бы решение ни принял Совет, апелляция проигравшей стороны неизбежно свалится на меня.

Майлз растерянно заглянул в свои записи. Следующим пунктом у него шло: «Расписание званных обедов».

– Дело Форбреттена?

– Ну ты же наверняка слышал о скандале... – начала леди Элис. – Ах, ну да! Ты как раз в то время был на Комарре. Разве Айвен тебе не рассказал? Бедный Рене! Вся семья бурлит, как растревоженный улей.

– Что-то произошло с Рене Форбреттеном? – встревожился Майлз. Рене учился на два курса старше Майлза в академии и вроде бы шел по стопам своего блестящего отца. Коммодор лорд Форбреттен был блистательным протеже Майлзова отца в Генштабе вплоть до своей безвременной, хоть и героической гибели под цетагандийским огнем во время войны у Ступицы Хеджена десять лет назад. Меньше чем через год после этого скончался старый граф Форбреттен – как утверждали некоторые, с горя от утраты любимого сына. Рене пришлось оставить многообещающую военную карьеру и приступить к обязанностям графа в родовом округе. Три года назад, после стремительного романа, за которым с наслаждением следил весь Форбарр-Султан, он женился на прекрасной восемнадцатилетней дочери богатенького лорда Форкереса.

– Ну... – протянул Грегор, – можно сказать и так... Хм...

– Хм – что?

Леди Элис вздохнула.

– Граф и графиня Форбреттен, решив, что пришло время выполнить свой долг перед семьей, надумали воспользоваться для своего первенца маточным репликатором, а заодно исправить все генетические дефекты зародыша, ежели таковые обнаружатся. Для чего, естественно, оба прошли генсканирование.

– Рене выяснил, что он мутант? – изумился Майлз. Высокий, красивый, атлетически сложенный Рене? Рене, свободно говорящий на четырех языках бархатным баритоном, от которого женщины просто млели? Рене, играющий на трех музыкальных инструментах, да к тому же еще и умеющий замечательно петь? Рене, который мог заставить даже Айвена скрежетать зубами от зависти к его физическому совершенству?

– Не совсем, – вымолвила леди Элис, – если, конечно, не считать генетическим дефектом, что он на одну восьмую цетагандийский гем-лорд.

– Ого! – Майлз обомлел. – И когда же это произошло?

– Уж подсчитать-то ты можешь и сам, – буркнул Айвен.

– Смотря по какой линии это идет.

– По мужской, – уточнила леди Элис. – К сожалению.

Так, все верно. Дед Рене, будущий седьмой граф Форбреттен, действительно родился в разгар цетагандийской оккупации. Форбреттены, как и многие барраряры, делали все возможное, чтобы выжить...

– Значит, прабабка Рене...

– Исходя из малого количества сохранившихся в СБ документов, – ответил Грегор, – можно предположить, что, по всей вероятности, это было добровольное и довольно-таки про-

должительное сожительство с одним – или несколькими высокопоставленными гем-офицерами из дислоцировавшегося в округе оккупационного корпуса. В любом случае теперь уже некому сказать, было ли это по любви, из чувства самосохранения, или же леди Форбреттен пыталась обезопасить семью, расплатившись единственной имевшейся у нее монетой.

– А возможно, и по всем трем перечисленным причинам, – сказала леди Элис. – Жизнь в оккупированной зоне – штука непростая.

– Как бы то ни было, – продолжил Грегор, – изнасилованием это, судя по всему, не было.

– Бог ты мой! Ну и... э-э-э... известно, кто из гем-лордов был предком Рене?

– Теоретически Совет Графов мог бы отправить результаты генсканирования на Цетаганду и легко это выяснить, но, насколько мне известно, пока что решил этого не делать. Впрочем, данный вопрос представляет всего лишь академический интерес. А вот что гораздо существеннее, так это тот факт, что седьмой граф Форбреттен не был сыном шестого графа.

– Я слышал, как на прошлой неделе Рене в Генштабе называли Гембреттенем, – сообщил Айвен.

Грегор поморщился.

– Меня больше всего удивляет, что Форбреттены допустили утечку информации, – заметил Майлз. – Или их продал врач или медтехник?

– М м-м... Не совсем так. К тому же у истории есть продолжение, – сказал Грегор. – Они и не собирались этого афишировать. Но Рене сказал своим сестрам и брату, посчитав, что у них есть право знать, а юная графиня сообщила своим родителям. А дальше – кто знает. Так или иначе слухи дошли до Сигура Форбреттена, прямого потомка младшего брата шестого графа Форбреттена и к тому же зятя графа Бориса Формонкрифа. Каким-то образом Сигур – у нас есть встречный иск по поводу его методов – заполучил копию результатов генсканирования Рене. И граф Формонкриф подал иск в Совет Графов от имени своего зятя, требуя титул и округ Форбреттенов для Сигура. И там этот иск и застрял.

– Ого! Ну и... Рене еще граф – или уже нет? Он был по всей форме представлен Совету Графов. Черт, да я сам при этом присутствовал, если вспомнить. А граф не обязан быть сыном предыдущего графа – были и племянники, кузены, представители боковых ветвей, полный обрыв рода вследствие войн или измены. Никто еще не упоминал лорда Полуночника, жеребца пятого графа Форталы? Если уж лошадь может унаследовать графство, то я не вижу, по какой причине его не может унаследовать цетагандиец. Частичный цетагандиец.

– К тому же я сильно сомневаюсь, что отец лорда Полуночника был женат на его матери, – весело заметил Айвен.

– Как я слышал, обе стороны ссылаются на этот случай как на прецедент, – заговорил лорд Фортала, прямой потомок пресловутого пятого графа. – Одни – потому что лошадь была утверждена в качестве наследника, вторые – потому что утверждение было впоследствии отменено.

Галени изумленно покачал головой. Лаиса, закусив костяшки пальцев, молчала как рыба. В ее глазах плясали смешинки.

– И как Рене все это воспринял? – поинтересовался Майлз.

– В последнее время он мало показывается на публике, – озабоченно ответила леди Элис.

– Я... Возможно, я к нему заскочу.

– Это было бы неплохо, – серьезно заметил Грегор. – Сигур пытается наложить лапу на все, что принадлежит Рене, но при этом дал понять, что готов удовлетвориться лишь титулом и всем, что к нему прилагается. Я предполагаю, что есть еще собственность, унаследованная по женской линии.

– А пока суд да дело, – добавила леди Элис, – Сигур прислал мне в офис письмо с требованием предоставить положенное ему по праву как графу Форбреттену место на свадебной церемонии. А Рене прислал письмо, где требует, чтобы Сигура вычеркнули из списка пригла-

шенных, поскольку дело еще не решено в пользу Сигура. Так как, Грегор? Который из них вложит руки в ладони Лаисы, когда ее провозгласят императрицей, если к тому моменту Совет Графов не приведет к общему знаменателю то, что у них считается коллективным мнением?

Грегор потер переносицу, на мгновение прикрыв глаза.

– Не знаю. Может, пусть будут оба? Временно.

– Вместе? – Леди Элис состроила изумленную гримасу. – Страсти кипят вовсю, как я слышала. – Она сурово глянула на Айвена. – Подстегиваемые некоторыми недоумками, которые находят эту весьма болезненную ситуацию смешной.

Айвен расплылся было в улыбке, но быстренько передумал.

– Некоторые считают, что они не станут устраивать скандал, чтобы не портить столь знаменательное событие, – ответил Грегор. – Особенно если принять во внимание, что их петиции ко мне все еще находятся в подвешенном состоянии. Думаю, мне следует найти способ дать им это ненавязчиво понять. На данный момент я вынужден избегать обоих... – Его взгляд упал на Майлза. – А, лорд Аудитор Форкосиган! По-моему, эта задача вполне вписывается в круг ваших обязанностей. Не будете ли вы столь любезны напомнить обоим о деликатности их положения, если вдруг покажется, что ситуация начинает выходить за рамки?

Поскольку официальное описание работы Имперского Аудитора по сути формулировалось как «все, что тебе угодно, Грегор», Майлз никак не мог оспорить просьбу. Что ж, могло быть и хуже. Он содрогнулся при одной только мысли, сколько хлопот могли бы уже сегодня на него навесить, не приди он на совещание.

– Да, сир, – вздохнул Майлз. – Сделаю что смогу.

– Скоро уже пора приступать к рассылке официальных приглашений, – сообщила леди Элис. – Так что дайте мне знать, если возникнут изменения.

Она взяла последнюю страницу.

– Да, Майлз, твои родители еще не сообщили, когда в точности они прибудут?

– Я полагал, вы узнаете об этом раньше, чем я. Грегор?

– В полное распоряжение вице-короля предоставлены два имперских корабля, – сказал Грегор. – Граф Форкосиган заверил меня, что, если на Зергияре не случится ничего непредвиденного, он хотел бы на сей раз прибыть в несколько более удачный срок, чем в прошлый Зимнепраздник.

– Они прилетят вместе? Я думал, мама приедет раньше, чтобы помочь леди Элис, – удивился Майлз.

– Я очень люблю твою маму, Майлз, – вздохнула тетя Элис, – но после помолвки, когда я предложила ей приехать и помочь мне с приготовлениями к свадьбе, она сказала, что Грегору с Лаисой лучше всего просто-напросто ударить.

Услышав это заявление, Грегор с Лаисой заметно оживились и сжали под столом друг другу руки. Леди Элис, заметив опасный намек на бунт, встревоженно нахмурилась.

– Ну конечно! – ухмыльнулся Майлз. – Именно это она и проделала в свое время! В конце концов, у нее же все получилось.

– Не думаю, что она говорила серьезно, но с Корделией ничего никогда не знаешь точно. Просто удивляюсь, насколько вся эта ситуация будит в ней бетанку. Так что я очень рада, что она в данный момент на Зергияре. – Леди Элис заглянула в записи: – Фейерверк.

Майлз моргнул, затем сообразил, что это не предсказание возможного результата столкновения мировоззрений его бетанки-матери и барраярки-тетки, а просто последний – слава тебе, Господи! – вопрос сегодняшней повестки дня.

– Да! – радостно заулыбался Грегор. Все сидящие за столом барраярцы, включая леди Элис, несколько оживились. Может, просто национальная страсть ко всему, что делает «бум»?

– По какому графику? – спросила леди Элис. – Конечно, будет традиционный для Праздника Середины Лета салют, вечером после парада. Хотите, чтобы фейерверк был каждый вечер все три дня до свадьбы и вечером после свадебной церемонии?

– Дай-ка мне поглядеть на затраты, – обратился Грегор к Айвену. Тот послушно протянул ему расчеты. – Хм. Мы же не хотим, чтобы люди пресытились зрелищем, верно? Пусть другие организации, такие как городские власти Форбарр-Султана и Совет Графов, обеспечат развлечения на три промежуточных вечера. И увеличьте ассигнования на послесвадебные народные гулянья на пятьдесят процентов из моей личной казны как графа Форбарра.

– О о! – восторженно протянул Айвен и немедленно ввел изменения. – Здорово!

Майлз потянулся. Наконец-то все.

– Ах да, чуть не забыла! – спохватилась леди Элис. – Вот твое расписание приемов, Майлз.

– Мое – что? – Он машинально взял у тетки листок.

– Грегор с Лаисой получили на неделю между парадом и свадьбой десятки приглашений от различных организаций – от Союза Ветеранов до гильдии городских пекарей. А также адвокатов, банкиров, пивоваров. Не говоря уже обо всех остальных по алфавиту. Естественно, это гораздо больше, чем Грегор с Лаисой в состоянии посетить. Разумеется, они посетят самые значительные, но следующую треть тебе придется взять на себя как шаферу Грегора.

– А кто-нибудь из них пригласил меня как такового? – поинтересовался Майлз, изучая список. Как минимум тринадцать званых обедов и церемоний за три дня. – Или их ожидает ужасный сюрприз? Я не в состоянии все это съесть!

– Побольше налегай на десерт, малыш! – расплылся в улыбке Айвен. – Спасти императора от несварения желудка – твой долг!

– Конечно, их известят. Возможно, на некоторых встречах тебе придется произнести речи. А вот твой график, Айвен, – добавила леди Форпатрил.

Айвен пробежал взглядом листок, и его ухмылка увяла.

– Кто бы мог подумать, что в этом чертовом городе столько разных гильдий...

Майлза посетила чудесная мысль – на некоторые из этих посиделок он может взять с собой Катриону! Да, пусть полюбуется на лорда Аудитора Форкосигана в действии! А ее строгая и спокойная элегантность немало поспособствует его имиджу. Он приосанился, сложил листок и сунул в карман.

– А нельзя на некоторые отправить Марка? – заныл Айвен. – К этому времени он уже будет здесь. А он тоже Форкосиган. И, безусловно, знатнее Форпатрила. А уж что этот парень точно умеет, так это поглощать пищу!

При последнем замечании брови Галени невольно поползли вверх, хотя он и постарался сохранить невозмутимость. Не думает ли Дув, что другим великим талантом Марка является умение убивать? *По крайней мере он не ест тех, кого убивает.*

Майлз собрался было отбрить Айвена, но тетя Элис его опередила:

– Будь любезен хоть изредка шевелить мозгами, Айвен! Лорд Марк не императорский шафер и не Имперский Аудитор, он не обладает опытом в светских делах. И несмотря на все что сделали для него в прошлом году Эйрел с Корделией, большинство по-прежнему считает его положение в семье скорее вызовом обществу. К тому же, как мне дали понять, он еще недостаточно здоров, чтобы выдержать стресс многолюдных сборищ. Несмотря на лечение.

– Я пошутил, – пробормотал Айвен. – А как еще можно пережить всю эту бодягу, если не спастись чувством юмора?

– Приложив усилия! – отрубила его мать.

На этой угнетающей фразе совещание закончилось.

Глава 3

Весенний прохладный ветерок ерошил волосы Майлза, когда он вступил под навес у дверей дома Фортицев. Этим серым днем темно-серый фасад здания казался несколько расплывчатым. Катриона невольно отодвинула эту встречу, переслав проекты сада по комму. К счастью, не пришлось изображать, что ему трудно сделать выбор: оба проекта были по-своему великолепны. Майлз очень надеялся, что они с Катрионой проведут несколько часов голова к голове у дисплея, сравнивая и обсуждая проекты.

Воспоминания об эротическом сне, приснившемся под утро, согревали душу. Во сне он снова видел их первую встречу в саду Фортицев, но в ночной версии Катриона оказала ему куда более теплый прием, принявший неожиданный и весьма приятный оборот. Только вот за каким чертом дурацкое подсознание так сильно беспокоилось о травяных пятнах на коленях брюк, вместо того чтобы рисовать побольше приятных моментов? Да и закончился сон слишком быстро...

Госпожа профессор открыла дверь, приветливо улыбаясь.

– Заходи, Майлз. – И добавила, когда он прошел в коридор: – Я никогда не говорила, насколько я тебе признательна, что ты предварительно звонишь?

Царившая в доме Фортицев библиотечная тишина была нарушена. Походило на то, что тут идет вечеринка. Майлз изумленно повернулся налево, к дверям в гостиную. Оттуда доносилось звяканье чашек и стаканов и лился аромат чая и абрикосовых пирожных.

Катриона с вежливой улыбкой – и напряженной складочкой между бровей – сидела в углу в мягком фундаментальном кресле своего дяди с чашкой в руках. А на стульях подле нее расположились трое мужчин: двое в мундирах и один в штатском.

Кряжистого офицера с майорскими петлицами и эмблемами Генштаба на высоком воротнике Майлз не признал. Другим офицером был лейтенант Алекс Формонкриф, с которым Майлз был немного знаком. У Формонкрифа тоже светились на воротнике эмблемы Генштаба. Третий мужчина, в великолепно сшитом костюме, прославился главным образом тем, что всячески избегал любой работы. Байерли Форратьер никогда не поступал на военную службу. Сколько Майлз его знал, он был городским шутком. Байерли обладал великолепным вкусом во всем, кроме своих пороков. Майлз не стал бы знакомить с ним Катриону даже после свадьбы.

– Откуда они взялись? – вполголоса поинтересовался Майлз у мадам профессор.

– Майор Замори учился у меня на предпоследнем курсе пятнадцать лет назад, – тихонько ответила госпожа Фортиц. – Он принес мне книгу, которая, как он сказал, должна мне понравиться. И он совершенно прав. У меня уже есть экземпляр. Молодой Формонкриф явился, чтобы обсудить с Катрионой родословную. Он считает, что они могут оказаться родственниками, поскольку его бабушка была Форвайн, тетка министра тяжелой промышленности.

– Да, знаю.

– Они провели за этим занятием час и выяснили, что, хотя Форвейны и Форвайны действительно исходят из одного корня, но семьи разделились как минимум пять поколений назад. А почему здесь Бай Форратьер, понятия не имею. Он не снизошел до объяснений.

– Бай в объяснениях не нуждается.

И вообще истинная причина появления здесь этой троицы вполне очевидна. И вот пожалуйста: Катриона сидит в углу, сжимая в руках чашку, и вид у нее как у загнанного зверька. Они что, не могли придумать чего-нибудь поумнее, чем эти насквозь прозрачные предлоги?

– А мой кузен Айвен тоже здесь? – с опасной ноткой в голосе спросил Майлз. Ежели подумать, что Айвен служит в Генштабе... Один раз – случайность, дважды – совпадение...

– Айвен Форпатрил? Нет. О Господи, он что, тоже может прийти? У меня закончились пирожные. Я принесла их профессору на десерт к сегодняшнему ужину...

– Думаю, что нет, – пробормотал Майлз.

Нацепив вежливую улыбку, он шагнул в гостиную. Госпожа Фортиц проследовала за ним. Катриона просветлела и с улыбкой поставила чашку на поднос.

– О, лорд Форкосиган! Я так рада, что вы пришли! Хм... Вы знакомы с этими господами?

– С двумя из них, сударыня. Доброе утро, Формонкриф. Привет, Байерли.

Трое знакомцев обменялись осторожными кивками.

– Доброе утро, милорд Аудитор, – вежливо проговорил Формонкриф.

– Майор Замори, лорд Аудитор Майлз Форкосиган, – представила госпожа профессор.

– Добрый день, сэр, – поздоровался Замори. – Я о вас наслышан. – Взгляд майора был прямым и бесстрашным, несмотря на явное численное преимущество форов. Впрочем, Формонкриф был всего лишь лейтенантом, а Байерли Форратьер вообще никакого звания не имел. – Вы пришли повидаться с лордом Аудитором Фортицем? Он только что ушел.

– Он пошел прогуляться, – кивнула Катриона.

– Под дождем?

Профессор слегка закатила глаза, из чего Майлз сделал вывод, что ее муж попросту сбежал, предоставив ей самой справляться с ролью дуэньи при племяннице.

– Не имеет значения, – бросил Майлз. – Я вообще-то пришел обсудить кое-какие дела с госпожой Форсуассон.

И если они подумают, что это важные государственные дела лорда Аудитора, а не личное дело лорда Форкосигана, то кто он такой, чтобы их разубеждать?

– Да, – кивком подтвердила Катриона.

– Прошу прощения, что помешал вам, – добавил Майлз в виде намека. Он не стал садиться, а просто прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди. Никто не двинулся.

– Мы обсуждали родословные, – объяснил Формонкриф.

– Некоторое время, – пробормотала Катриона.

– Кстати, о странных родственных связях, Алекс, то мы с лордом Форкосиганом чуть было не породнились куда ближе, – заметил Байерли. – Так что я испытываю к нему глубокие родственные чувства.

– Правда? – несколько озадаченно спросил Формонкриф.

– О да. Одна из моих тетушек со стороны Форратьеров была когда-то замужем за его отцом. Так что Эйрел Форкосиган в некотором роде мой виртуальный, хоть и не добродетельный дядюшка. Но она умерла молодой, увы – была безжалостно вырвана из генеалогического древа, – не обеспечив меня кузеном, который отсек бы будущего Майлза от наследства. – Байерли, выгнув бровь, глянул на Майлза. – Ее часто с любовью вспоминают за семейным ужином?

– Мы редко вспоминаем Форратьеров, – ответил Майлз.

– Как странно! Мы тоже редко упоминаем Форкосиганов. Вообще-то если подумать, то и вовсе никогда. Эдакое многозначительное громкое молчание.

Майлз улыбнулся и позволил повиснуть именно такому молчанию, желая поглядеть, кто сдастся первым. В глазах Байерли начало появляться уважение, но первыми, у кого сдали нервы, оказались невинные свидетели.

Майор Замори откашлялся:

– Скажите, лорд Аудитор Форкосиган, так какое же последнее слово в происшедшем на Комарре? Это был саботаж?

Майлз пожал плечами и решил временно оставить Байерли в покое.

– После шестинедельной обработки имеющихся данных мы с лордом Аудитором Фортицем вернулись к версии, что это скорее всего произошло из-за ошибки пилота. Мы еще подискутировали о возможности самоубийства пилота, но потом отринули эту мысль.

– А каково ваше мнение? – спросил Замори, явно заинтересованный. – Несчастный случай или самоубийство?

– М м-м... Мне казалось, что версия самоубийства больше соответствует некоторым физическим аспектам столкновения, – ответил Майлз, мысленно прося прощения у души убитой женщины-пилота. – Но поскольку погибший пилот не озаботился оставить нам подтверждающие это улики, вроде записки или записей психиатра, мы не могли выдвинуть это в качестве официальной версии. Только не надо на меня ссылаться, – добавил он для большего правдоподобия.

Катриона, укрывшаяся в дядюшкином кресле, понимающе кивнула, слушая эту официальную ложь, возможно, добавляя новую версию к своему репертуару.

– А что вы думаете о женитьбе императора на комаррианке? – встрял Формонкриф. – Полагаю, одобряете – учитывая ваше участие в мероприятии?

Майлз взял на заметку неодобрительный тон лейтенанта. Ах да! Дядя Формонкрифа, граф Борис Формонкриф, унаследовал место лидера идущей ко дну консервативной партии после падения графа Фортрифрани. Отношение консервативной партии к будущей императрице Лаисе было в лучшем случае прохладным, хотя из предосторожности никаких резких публичных заявлений, когда кто-нибудь (читай – служба безопасности) мог бы взять это на заметку, сделано не было. Впрочем, то, что Алекс с Борисом родственники, вовсе не означает, что они разделяют политические взгляды.

– По-моему, это здорово, – сказал Майлз. – Доктор Тоскане – умница и красавица, а Грегору давно пора обзавестись наследником. И, как вы сами догадываетесь, таким образом в нашем с вами распоряжении остается еще одна барраярская женщина.

– Ну, вообще-то это оставляет еще одну барраярскую женщину для одного из нас, – любезно внес коррективы Байерли Форратьер. – Разве что ты предлагаешь нечто прелестно скабрзное.

Улыбка Майлза сделалась напряженной. Он пристально посмотрел на Байерли. Высказывания Айвена если кого-то и задевали, то неумышленно. Байерли же, в отличие от Айвена, никогда никого не оскорблял случайно.

– Вам, господа, следует посетить Комарру, – добродушно посоветовал Майлз. – Их куполы просто битком набиты красивыми женщинами, и все с отличными генами и галактическим образованием. Тоскане – не единственный клан, имеющий наследниц. Многие комаррианки богаты... Байерли.

Он удержался от желания разъяснить всем, что никчемный покойный муж госпожи Форсуассон оставил ее без гроша, во первых – потому, что Катриона не сводила с него глаз, а во вторых, потому что сильно сомневался, что Бай этого еще не знает.

– Говорят, не в деньгах счастье, – слегка улыбнулся Байерли.

Шах.

– И все же уверен, что даже ты, если очень постараться, сможешь понравиться.

– Твоя вера в меня очень трогательна, Форкосиган, – ухмыльнулся Бай.

– Меня вполне устроит дочка фора, премного благодарен, – сварливо бросил Алекс Формонкриф. – Мне вовсе не нужна инопланетная экзотика. Как-то не прельщает.

Пока Майлз пытался сообразить, намеренное ли это оскорбление в адрес его бетанки-матери (если бы это сказал Бай, сомнений не было бы, но Формонкриф никогда не отличался склонностью к намекам), Катриона весело заявила:

– Я схожу в свою комнату и принесу диски, хорошо?

– Если вас не затруднит, сударыня.

Майлз полагал, что Бай не сделал ее объектом своей партизанской методики ведения беседы. Потому что иначе Майлзу придется без свидетелей перекинуться парой слов со своим

эрзац-кузеном. А может, даже послать к нему одного из оруженосцев, как в старые добрые времена...

Катриона встала и поднялась наверх. И не вернулась. Формонкриф с Замори обменялись разочарованными взглядами, бормоча что-то на тему «пора и честь знать», и собрались уходить. Майлз с неудовольствием отметил, что за то время, что провел тут Формонкриф, его военный плащ успел уже высохнуть. Перед отбытием господина вежливо раскланялись с хозяйкой дома.

– Передайте госпоже Форсуассон, что я принесу Никки диск с чертежами скачковых кораблей, как только смогу, – заверил майор Замори госпожу Фортиц, глядя при этом на ведущие вверх ступеньки.

Замори уже успел побывать здесь не один раз, если познакомился с Никки?! Майлз с тревогой посмотрел на точеный профиль майора. Замори был высок, и могучее телосложение добавляло ему стати. Байерли же – слишком изящен, чтобы его рост бросался в глаза.

Троица на пару минут неловко выстроилась в коридоре, но Катриона так и не спустилась, и гости наконец сдались, позволив проводить их до входной двери. Майлз с немалым удовольствием отметил, что дождь льет еще сильнее. Замори нырнул под стену дождя, пригнув голову. Профессор с гримасой облегчения закрыла за ними дверь.

– Вы с Катрионой можете воспользоваться коммом в моем кабинете, – сказала она Майлзу и отправилась в гостиную убирать посуду.

Майлз вошел в кабинет-библиотеку и огляделся. Да, очень подходящее место для работы. Вполне уютное. Окно выходило на улицу. Оттуда доносились голоса – вполне четкие во влажном воздухе.

– Как по-твоему, Бай, Форкосиган, часом, не ухлестывает за госпожой Форсуассон? – Это был Формонкриф.

– А почему бы и нет? – равнодушно произнес Байерли Форратьер.

– Да ты что, она бы в ужас пришла! Нет, должно быть, это связано с его комаррским расследованием.

– Не стал бы биться об заклад. Я знаю довольно много женщин, которые охотно заткнут себе нос и вцепятся в наследника графства, будь он даже весь покрыт зеленой шерстью.

Кулаки Майлза сжались – и медленно разжались. *Да ну? Тогда почему ты мне никогда не показывал список этих многих, Бай? Не то чтобы теперь мне это нужно...*

– Не утверждаю, что я знаток женщин, но если бы они увивались за Айвенком, это бы я понял, – заявил Формонкриф. – Окажись тогда убийцы более умелыми, он мог бы унаследовать графство Форкосиганов. Обидно. Мой дядя говорит, что Айвен стал бы украшением нашей партии, не будь он связан семейными узами с чертовыми прогрессистами Эйрела Форкосигана.

– Айвен Форпатрил? – фыркнул Байерли. – Эта партия ему не подходит, Алекс. Он идет только туда, где вино льется рекой.

Тут в дверях появилась Катриона. Майлз прикинул, не закрыть ли окно поплотней, но возникала техническая сложность – окно было на шпингалете. Катриона тоже слышала разговор. Интересно, с какого момента? Войдя в комнату, она склонила голову набок, вопросительно выгнув бровь, как бы говоря «опять за свое?». Майлз неловко улыбнулся.

– А, вот и твой шофер. Наконец-то! – произнес Байерли. – Дай-ка мне твой плащ, Алекс. Неохота мне мочить новый костюм. Как он тебе? Цвет подчеркивает мой оттенок кожи, верно?

– Убивает его, Бай.

– О? Но мой портной говорит, что этот цвет мне весьма к лицу. Спасибо. Отлично, он открывает кабину. Ну, теперь бегом сквозь дождь. Впрочем, ты можешь бежать. Я же с достоинством зашагаю в этом страхолюдном, но, безусловно, непромокаемом имперском облачении. Ну, двинулись...

Звук двух пар шлепающих по лужам ног растворился в сырой мгле.

– А он вообще-то нечто, верно? – рассмеялась Катриона.

– Кто? Байерли?

– Да. Он *чересчур* ехидный. Я едва могла поверить своим ушам, слушая его. И с трудом сохраняла невозмутимость.

– Я тоже с трудом верю тому, что говорит Байерли, – коротко ответил Майлз. Он придвинул второй стул настолько близко, насколько посмел, и усадил Катриону. – Откуда они все взялись? – Судя по всему, из окрестностей оперативного управления Генштаба. *Ну Айвен, ну крыса! Я еще с тобой поговорю о том, что за сплетни ты распространяешь на работе...*

– Майор Замори позвонил тете на прошлой неделе, – сообщила Катриона. – Он, кажется, довольно приятный мальчик. Он довольно долго беседовал с Никки. Я оценила его терпение.

Майлз же оценил его мозги. Черт бы побрал этого парня! Мгновенно разгадал, что Никки – одно из немногих уязвимых мест в броне Катрионы.

– Формонкриф возник буквально несколько дней назад. Боюсь, что он несколько зануден, бедняга. Форратьер же просто сегодня заявился с ним. Не уверена, что его приглашали.

– Полагаю, он нашел новую дойную корову, – заметил Майлз. Форратьеры, как правило, бывали двух видов: блестящие и затворники. Отец Бая, младший сын в своем поколении, был занудой-мизантропом, относящимся ко второй категории, и никогда, если на то была его воля, не появлялся в окрестностях столицы. – Бай, насколько мне известно, весьма стеснен в средствах.

– Если и так, то внешне этого не скажешь, – справедливо заметила Катриона.

Аристократическая бедность ей хорошо знакома, сообразил Майлз. Он вовсе не хотел, чтобы его замечание вызвало симпатию к Байерли Форратьеру. Блин!

– По-моему, майор Замори несколько растерялся, когда они явились во время его визита, – продолжила Катриона и недоуменно добавила: – Понятия не имею, зачем они здесь.

Спроси у зеркала, мысленно порекомендовал Майлз, но вслух лишь произнес, подняв брови:

– Правда?

Пожав плечами, она чуть иронически улыбнулась.

– Полагаю, ничего плохого они не хотят. Возможно, я была несколько наивной, посчитав, что вот этого, – Катриона указала на свое черное платье, – хватит, чтобы избавить меня от этих глупостей. Спасибо, что попытались ради меня отправить их на Комарру, хотя я не уверена, что они согласятся. Мои намеки тоже не срабатывают, а быть грубой я не хочу.

– А почему, собственно? – поинтересовался Майлз в надежде поощрить развитие мысли в этом направлении. Хотя на Бая даже грубость вряд ли подействует. Скорее наоборот, он воспримет это как вызов. Майлз с трудом подавил желание поинтересоваться, появлялись у ее дверей за последнюю неделю и другие мужчины, или он только что видел весь списочный состав. Но ему как-то не хотелось услышать ответ. – Впрочем, достаточно об этих, как вы сказали, глупостях. Давайте лучше поговорим о моем саде.

– Давайте, – с благодарностью согласилась Катриона и вывела на дисплей обе модели: и городской сад, и сельский, как они их назвали. Их с Катрионкой головы, как и планировал Майлз, склонились друг к другу. Он остро ощутил мускусный аромат ее волос.

Сельский сад выглядел очень естественно: тропинки, извивающиеся меж густо насаженных барраярских растений, бегущий ручей, резные деревянные скамейки. Городской сквер строился в форме прямоугольных террас, на которых умещались одновременно дорожки, скамьи и каналы для воды. При помощи ряда умелых вопросов Катриона сумела выудить у Майлза, что на самом деле у него душа больше лежит к сельскому варианту, как бы ни радовали его глаз фонтаны из пластобетона. А потом он замороженно смотрел, как Катриона прямо на глазах перекраивает картинку сельского сада, придавая спускам большую пологость, делая ручьи более полноводными и быстрыми, придавая руслу S образный изгиб. Ручей начинался

с водопада и заканчивался в маленьком гроте. Центральный круг, где пересекались дорожки, теперь покрывал традиционный красный кирпич с гербом Форкосиганов в виде стилизованного кленового листа на фоне трех представляющих горы высоких треугольников, выложенных из более светлого камня. Весь сад целиком расположился еще ниже уровня улицы, чтобы берега казались круче и лучше приглушали городской шум.

– Да, – произнес он наконец, довольный результатом. – Вот так. Приступайте. Можете заключать договоры со строителями.

– Вы уверены, что действительно хотите продолжать? – спросила Катриона. – Я ведь исчерпала на этом свои познания. До сего момента все мои проекты были чисто виртуальными.

– А! – Майлз предвидел такого рода колебания. – Теперь настало время свести вас напрямую с моим управляющим, Циписом. Он занимался всеми вопросами ремонта и строительства во всех владениях Форкосиганов последние тридцать лет. Ципис будет рад оказать вам содействие. – *Вообще-то я ему прозрачно намекнул, что голову оторву, если он не будет наслаждаться каждой минутой сотрудничества.* Не то чтобы Майлзу пришлось очень стараться: Ципис обожал все аспекты бизнес-менеджмента и мог разглагольствовать на эту тему часами. В свое время Майлз посмеялся – хоть и сквозь слезы, – когда сообразил, насколько часто в бытность его командиром наемников ему помогали сэкономить время и деньги не полученные в СБ навыки, а занудные уроки старины Циписа. – Если вы согласитесь у него учиться, то он станет есть у вас с руки.

Ципис, предусмотрительно предупрежденный заранее, сам ответил по комму в своей конторе в Хассадаре. Майлз познакомил его с Катрионой. Знакомство прошло успешно: Ципис, мужчина в возрасте и давным-давно женатый, искренне заинтересовался проектом. Он практически мгновенно вытащил Катриону из кокона застенчивости. Когда управляющий закончил первую, довольно-таки долгую беседу, Катриона перешла от стиля «не могла бы я, если можно» к распоряжению открытой чековой книжкой и рассмотрению вполне приемлемого плана работ, который, если повезет, уже через неделю воплотится в виде подготовленной к посадке почвы. О да! Тут дела пошли отлично. Если Ципис что и ценил, так это умение быстро схватывать, а Катриона как раз относилась к числу немногих людей, схватывающих все на лету. Таких людей Майлз в бытность свою командиром наемников ценил куда больше, чем лишний глоток кислорода в аварийном запасе. А Катриона даже не понимает, насколько она необычна!

– О Господи, да этот человек – просто кладезь познаний! – воскликнула она, приводя в порядок свои записи, когда Ципис отключился. – По-моему, это я должна вам платить.

– Ах да, – спохватился Майлз. – Оплата! – Он достал из кармана кредитную карту. – Ципис открыл вам счет для оплаты текущих расходов. А это – ваш гонорар за принятый проект.

Катриона проверила карточку на комме.

– Лорд Форкосиган! Это слишком много!

– Все нет. Ципис по моей просьбе проверил расценки на такого рода работы в трех разных профессиональных фирмах. – По чистой случайности эти фирмы оказались лучшими, но разве он согласился бы на меньшее для особняка Форкосиганов? – Это средняя цена. Ципис может показать вам раскладку.

– Но я не профессионал!

– Ничего. Скоро будете!

И тут – о чудо из чудес! – он удостоился искренней улыбки растущей уверенности в себе.

– Все, что я сделала, – это просто скомпоновала несколько красивых стандартных элементов дизайна, – смущенно проговорила Катриона.

– Значит, десять процентов за элементы дизайна. А остальные девяносто – за знание, как их расположить.

Ха, с *этим* она спорить не стала! Нельзя быть таким хорошим специалистом и не знать об этом где-то в глубине души, сколько бы вас публично ни унижали.

Майлз сообразил, что сейчас – самый подходящий момент для завершения визита. Он не хотел ее утомлять. Не рановато ли еще... Нет, он все же попытается.

– Кстати, я тут собрался устроить небольшой ужин для моих старинных друзей, семьи Куделка. Карин Куделка – она своего рода протеже моей матери – только что вернулась после годичной учебы на Колонии Бета. Осталось только определиться с датой. Мне бы хотелось, чтобы вы тоже пришли и познакомились с ними.

– Но я не хотела бы мешать...

– Четыре дочери, – мягко обошел Майлз возражение. – Карин – самая младшая. И их мать, Дру. И конечно, коммодор Куделка. Я знаю их всю жизнь. Будет еще жених Делии Дув Галени.

– Семья, где пять женщин? – В голосе Катрионы прозвучала завистливая нотка.

– Мне кажется, они вам очень понравятся. И вы им – тоже.

– Я мало с кем из женщин знакома в Форбарр-Султане... Они все такие занятые... – Катриона опустила взгляд на свою черную юбку. – Мне действительно не стоит пока ходить по гостям.

– *Семейный* ужин, – подчеркнул Майлз, умело уклоняясь от препятствия. – И конечно же, я намерен пригласить обоих профессоров.

А почему нет? В конце концов, стульев у него девяносто шесть.

– Возможно... это будет приемлемо.

– Вот и отлично! Я извещу вас о времени. Да, и не забудьте сказать Пиму, когда придут ваши рабочие, чтобы он велел охране у ворот внести их в список.

– Конечно.

На этой тщательно сбалансированной ноте – достаточно теплой, но не слишком интимной, – Майлз откланялся и ушел.

Значит, теперь противник осаждает ее ворота. *Без паники, малыши!* На этом самом семейном ужине ему, возможно, удастся уговорить Катриону составить ему компанию на каком-нибудь официальном приеме в честь свадьбы Грегора. А если их уже не раз увидят в паре на публике, кто знает... *Увы, не я!*

Вздыхнув, Майлз понесся под дождем к поджидавшему его лимузину.

Катриона побрела на кухню узнать, не нужна ли тете помощь с уборкой. Она виновато опасалась, что опоздала, и действительно обнаружила госпожу профессор сидящей за столом с чашкой чая, склонившейся, судя по всему, над курсовыми работами.

Сердито нахмурившись, тетя что-то быстро написала, затем подняла глаза и улыбнулась:

– Закончили, дорогая?

– Скорее только начали. Лорд Форкосиган выбрал сельский вариант. Он и правда хочет, чтобы я продолжала.

– Ни секунды в этом не сомневалась. Он очень решительный человек.

– Извините за то, что вам помешали нынче утром, – махнула Катриона в сторону гостиной.

– Не понимаю, почему ты извиняешься. Ты их не приглашала.

– Действительно, не приглашала. – Катриона с улыбкой показала свою новенькую кредитную карту. – Но лорд Форкосиган уже заплатил мне за проект! Так что теперь я могу заплатить вам за наше с Никки проживание.

– Господи, да ничего ты нам не должна! Нам равным счетом ничего не стоит предоставить тебе все эти пустующие комнаты наверху.

Катриона поколебалась.

– Но вы же не станете утверждать, что еда, которой вы нас кормите, тоже ничего не стоит?

– Если хочешь купить что-нибудь вкусненькое, валяй. Но лично я предпочла бы, чтобы ты оставила эти деньги себе на учебу.

– Я сделаю и то, и другое, – решительно кивнула Катриона.

При аккуратных тратах эти деньги избавят ее на несколько ближайших месяцев от необходимости кланчить деньги у отца. Папа вовсе не жадный, просто очень не хочется, чтобы вместе с деньгами он снабжал ее пустыми советами. Отец довольно четко сказал на похоронах Тьена, как недоволен тем, что Катриона не вернулась домой, как положено добропорядочной вдове фора, или не поселилась у свекрови, хотя старшая госпожа Форсуассон этого ей и не предлагала.

И как, интересно, по его мнению, Катриона с Никки разместятся в его скромной квартире или найдут подходящие учебные заведения в том крошечном городке на Южном континенте, где отец обосновался после выхода на пенсию? Иногда Саша Форвейн казался человеком, потерпевшим в жизни неудачу. Он всегда придерживался консервативных взглядов и поступков. В их семье прогрессивной была мама, да и то лишь в очень ограниченной сфере, которую предоставляла роль жены провинциального бюрократа. Не стали ли эти пораженческие настроения в конечном итоге заразными? Катриона иногда задавалась мыслью, не был ли брак ее родителей по-своему столь же неудачен, как и ее?

За окном мелькнула седая голова. Послышался скрип, задняя дверь отворилась, впуская дядю Фортица. По пятам за ним следовал Никки. Профессор осторожно просунул голову внутрь и театральным шепотом поинтересовался:

– Они ушли?

– Все чисто, – доложила его жена, и объемистый лорд Аудитор всплыл на кухню.

Он плюхнул на стол здоровенную сумку, в которой лежали пирожные. Количество сладостей в несколько раз превосходило то, что уже было съедено.

– По-твоему, теперь нам хватит? – сухо поинтересовалась госпожа профессор.

– Никаких искусственных ограничений, – провозгласил ее супруг. – Помню, как наши девочки проходили через эту стадию. Мы были все время по уши в молодых людях, и к концу дня в доме не оставалось ни крошки. Никогда не мог понять этой твоей щедрой стратегии. Видишь ли, – объяснил он Катрионе, – я хотел ограничить численность, предлагая им тухлые овощи и нагружая всякой работой. И мы бы знали, что те, кто вернулся бы сюда после *такого*, имеют серьезные намерения. А, Никки? Но по какой-то таинственной причине женщины мне не позволили.

– Можете кормить их любыми гнилыми овощами и загружать самой черной работой, какую только придумаете, – обрадовалась Катриона. *Иначе нам придется запереться изнутри и делать вид, что никого нет дома.*

Она мрачно плюхнулась рядом с тетей и взяла пирожное.

– Вам с Никки в конечном итоге удалось получить свою долю?

– Мы зашли в кофейню, попили кофе с молоком и съели пирожки, – успокоил ее профессор.

Никки, довольно облизнувшись, кивнул.

– Дедушка сказал, что все эти дяди хотят на тебе жениться, – сообщил он с явным недоверием. – Это правда?

Ну спасибо, дядюшка! – ядовито подумала Катриона. Интересно, и как теперь ей все это объяснить девятилетней мальчишке? Хотя Никки в отличие от нее, похоже, вовсе не находит эту идею столь ужасной.

– Это было бы неправильно, – пробормотала она. – Даже скандально. – И чуть заметно улыбнулась, припомнив высказывание Бая Форратьера.

Никки шутки не понял.

– Ты же знаешь, о чем я! Ты выберешь кого-нибудь из них?

– Нет, зайка, – заверила она.

– Хорошо. – Помолчав, Никки добавил: – Но если вдруг выберешь, то майор лучше, чем лейтенант.

– Э э-э... А почему?

Катриона с интересом наблюдала, как Никки пытается изречь «Формонкриф – снисходительный зануда-фор», но, к ее облегчению, ему не хватило словарного запаса.

– Майоры больше получают, – выдал он наконец.

– Очень практичный подход, – прокомментировал дядя Фортиц, упаковал добрую половину принесенных сладостей и утащил, чтобы припрятать у себя в лаборатории в подвале. Никки поплелся за ним.

Катриона облокотилась на стол, подперла подбородок ладошками и вздохнула.

– Может, стратегия дяди не так уж плоха. Угроза поработать избавит нас от Формонкрифа и, безусловно, оттолкнет Форратьера. Хотя не уверена, что с майором Замори это работает. А вот гнилые овощи годятся для всех.

Тетя Фортиц выпрямилась и вопросительно улыбнулась:

– Так что ты от меня хочешь, Катриона? Чтобы я говорила твоим потенциальным ухажерам, что тебя нет дома?

– А вы можете? Учитывая, что мне предстоит работа по саду, это будет соответствовать истине, – задумчиво проговорила Катриона.

– Бедные мальчики. Мне их почти жаль.

Катриона улыбнулась и тут же снова нахмурилась. Она чувствовала, как мужское внимание словно хищная лапа тянет ее назад, во тьму. От этого просто мурашки бежали по телу.

Теперь каждая ночь, проведенная без Тьена, казалась убежищем. Можно было раскинуть руки и ноги, чувствуя себя свободной от компромиссов, растерянности, подавленности, разговоров, уговоров и всего прочего. Свободной от Тьена. За многие годы жизни с мужем Катриона почти перестала чувствовать нити, связывающие их, сделалась равнодушной к обещаниям и страхам, отчаянию, тайнам и вранью. Когда оковы клятв наконец окончательно разрушились с его смертью, у нее появилось ощущение, будто душа снова проснулась, болезненно трепеща. *Я и не знала, в какой тюрьме нахожусь, пока не оказалась на свободе.*

От одной только мысли о добровольном возвращении в супружескую клетку ей хотелось с воплями бежать прочь.

Катриона покачала головой:

– Мне не нужен очередной захребетник.

Тетя вскинула брови.

– Тебе не нужен очередной Тьен, это вполне очевидно. Но не все мужчины такие, как Тьен.

Катриона сжала кулаки.

– Но я такая, какая есть. И не знаю, смогу ли быть *близка* с кем-то и снова не повести себя так, как прежде. Не отдать себя всю до конца, а потом жаловаться, что иссякла. Самая ужасная мысль, которая приходит ко мне, когда я оглядываюсь назад, что не во всем виноват Тьен. Это я позволила ему становиться все хуже и хуже. Если бы ему повезло жениться на женщине, способной ему противостоять, которая...

– От твоей логики у меня голова начинает болеть, – мягко заметила тетя.

– Все это теперь не важно, – пожалала плечами Катриона.

После продолжительного молчания тетя с любопытством поинтересовалась:

– А что ты думаешь о Майлзе Форкосигане?

– С ним все в порядке. От него меня не корежит.

– Я просто думала... Тогда, на Комарре... Мне показалось, что он тобой заинтересовался.

– О, это была всего лишь шутка, – упрямо заявила Катриона. Может, их шутка зашла несколько далеко, но они тогда оба устали и, возможно, увлеклись, испытав облегчение после дней и часов ужасного напряжения... Сверкающая улыбка Майлза и сияющие глаза на усталом лице как наяву встали у нее перед глазами. Это наверняка была шутка. Потому что если нет... то она с воплями убежала бы. А она тогда слишком устала, чтобы бежать. – Но очень приятно обнаружить кого-то, кто действительно интересуется садами.

– М м-м, – протянула тетя, возвращаясь к проверке курсовых.

Послеполуденное солнце окрасило серый особняк Форкосиганов в цвет янтарного меда. Нанятая Марком машина свернула к дому. Стоявшего у ворот охранника СБ Марк в прошлом году не видел. Охранник вел себя почтительно, но действовал тщательнейшим образом, вплоть до того, что проверил отпечаток ладони Марка и сканировал сетчатку, и лишь затем пропустил их в ворота, пробормотав что-то нечленораздельное, смахивающее на извиняющееся «милорд». Пока они ехали к входной двери, Марк смотрел на дом.

Снова особняк Форкосиганов. Он дома? Теперь убогая студенческая квартирка на Колонии Бета казалась больше домом, чем эта каменная громада. Но хотя Марк был голоден, возбужден, напряжен, устал и измотан от п-в-прыжков, он уже не испытывал ужаса, как в прошлый раз. Всего лишь особняк Форкосиганов. С этим он справится. А как только окажется внутри, сразу позвонит Карин! Едва машина остановилась, Марк мгновенно открыл кабину, выпрыгнул на дорожку и повернулся, чтобы помочь выгрузиться Энрике.

Не успели ноги коснуться земли, как распахнулась дверь и оруженосец Пим отдал Марку четкий, хоть и несколько укоризненный салют.

– Милорд Марк! Вам следовало позвонить нам из космопорта, милорд! Мы бы встретили вас по всем правилам.

– Все в порядке, Пим. В любом случае сомневаюсь, что наш багаж уместился бы в лимузин. Не беспокойся, вам тут еще полно работы.

Грузовик, следовавший за ними от самого космопорта, миновал наконец ворота и, прошуршав по дорожке, остановился у входа.

– Святые угодники, – пробормотал Энрике, когда Марк помогал ему вытаскивать из машины груз. – Ты и в самом деле лорд Форкосиган! А я до сих пор тебе не верил!

– Я действительно *лорд Марк*, – поправил его Марк. – Усвой это твердо. Здесь это важно. Наследником графства я не являюсь и, надеюсь, никогда не стану. Вот он – лорд Форкосиган, – кивнул Марк на появившегося в распахнутых настежь дверях невысокого мужчину.

Вопреки дошедшим до Колонии Бета слухам о его здоровье, Майлз выглядел совсем неплохо. Кто-то позаботился об улучшении его гардероба, серый костюм сидит на нем отлично. Майлз уже не такой болезненно тощий, каким Марк видел его почти год назад. Братец с ухмылкой приближался к Марку, протягивая руку. Они исхитрились обменяться крепким братским рукопожатием. Марк жаждал объятий, но не от Майлза.

– Марк, черт тебя побери! Ты застал нас врасплох! Предполагалось, что ты свяжешься с нами еще с орбиты. Пим бы приехал за вами в космопорт.

– Мне так посоветовали.

Майлз отошел на шаг и оглядел Марка с ног до головы. Марк покраснел. Лекарства, выданные Лили Дюрон, позволили в кратчайшие сроки сбросить куда больше жира, чем позволяла природа, и Марк был обречен придерживаться строгих ограничений в пище и питье, чтобы справиться с побочными эффектами. Лили сказала, что медикаменты не вызывают призывания, и Марк ей верил. Ему не терпелось поскорей избавиться от этой дряни. Сейчас он, как и планировал, весил ненамного больше, чем тогда, когда в первый раз ступил на Барраяр. Убийца вышел на свободу из плотской тюрьмы и теперь снова мог защищать их, ежели воз-

никнет необходимость... Но вот чего Марк не предвидел, так это насколько станет рыхлым и как посереет кожа. Он таял, будто свеча на солнце.

И действительно, следующее, что произнес брат, было:

– Ты хорошо себя чувствуешь? Паршиво выглядишь.

– Постпрыжковый синдром. Пройдет, – напряженно улыбнулся Марк. Он не знал, что его сильнее измучило: лекарства, Барраяр или отсутствие Карин, зато прекрасно понимал, что ему поможет. – Ты ничего не слышал о Карин? У нее все в порядке?

– Да, за последнюю неделю у нее все в норме. А что это за странная коробка с полками?

Больше всего на свете Марку хотелось видеть Карин, но все надо делать последовательно. Он повернулся к Энрике, смотревшего с немим изумлением на самого Марка и его родителя-близнеца.

– Я привез гостя, Майлз. Позволь представить тебе доктора Энрике Боргоса. Энрике, это мой брат Майлз, лорд Форкосиган.

– Добро пожаловать в резиденцию Форкосиганов, доктор Боргос, – произнес Майлз, вежливо пожимая Энрике руку. – Судя по имени, вы эскобарец?

– Э э-э... да, э-э-э... лорд Форкосиган.

Как ни странно, Энрике удалось не допустить ошибки. Последние десять дней Марк только тем и занимался, что натаскивал его в области барраярского этикета.

– И в какой области вы доктор? – Майлз снова озабоченно посмотрел на Марка. Надо полагать, выстраивает теории одна ужаснее другой относительно состояния здоровья своего клон-брата.

– Не медицины, – поторопился заверить Марк. – Доктор Боргос – биохимик и гено-энтмолог.

– Слова?.. Нет, это этимолог. Жучки, верно? – Глаза Майлза опять устремились на здоровенный ящик у его ног. – Марк, зачем на этой штуке дырки для поступления воздуха?

– Мы с лордом Марком будем вместе работать, – серьезно сообщил долговязый ученый.

– Полагаю, у нас найдется для него комната? – добавил Марк.

– Господи, ну конечно! Будьте как дома. Особняк в вашем распоряжении. Я перебрался прошлой зимой в апартаменты на втором этаже восточного крыла, так что все северное крыло свободно. Кроме одной комнаты на четвертом, где живет оруженосец Роик. Днем он обычно спит, так что, полагаю, вам стоит предоставить ему некоторое пространство. Мать с отцом, как всегда, приволокут всю свою рать, когда сами приедут к Празднику Середины Лета. Тогда, если возникнет необходимость, мы произведем переселение.

– Энрике надеется устроить небольшую временную лабораторию, если не возражаешь, – сказал Марк.

– Ничего взрывоопасного, надеюсь? Или токсичного?

– Нет-нет, лорд Форкосиган, – заверил его Энрике. – Это совсем не то!

– Тогда – никаких возражений. – Майлз глянул вниз и добавил чуть тише: – Марк... А почему на отдушинах *сетка*?

– Я все объясню, – светски успокоил его Марк, – как только мы распакуемся и я заплачу водителям. – За то время, что они разговаривали, возле Пима возник оруженосец Янковский. – Большой синий чемодан – мой, Пим. Все остальное – доктора Боргоса.

С помощью водителей грузовик быстренько разгрузили, сложив содержимое в холле. Небольшой переполах приключился, когда Янковский, таща ящик, в котором, как знал Марк, находились поспешно упакованные лабораторные сосуды, наступил на черно-белого котенка, незаметного на черно-белом фоне пола. Оскорбленный звереныш испустил оглушительный мяв, вскочил и пулей пролетел между ног Энрике, едва не опрокинув эскобарца, в свою очередь едва не уронившего дорогуший молекулярный анализатор. Спас аппарат подоспевший Пим.

Их чуть было не застучали во время ночного налета на закрытую лабораторию, где они забрали все записи и незаменимые компоненты, когда Энрике настоял на том, чтобы вернуться за этим чертовым анализатором. И если бы Энрике его грохнул сейчас, Марк непременно счел бы это своего рода возмездием, исходящим от космических сил. «Я куплю тебе целую новую лабораторию, когда мы доберемся до Барраяра», – пытался он убедить эскобарца. Но Энрике, похоже, полагал, что на Барраяре до сих пор Период Изоляции и максимум, что он сможет здесь отыскать, это перегонный куб, дистиллятор и долото для трепанации.

Поиски подходящего места заняли некоторое время, поскольку идеальным местом, которое Энрике немедленно попытался застолбить под свою лабораторию, оказалась огромная современная ярко освещенная кухня с прекрасным энергообеспечением. Услышав переданную Пимом просьбу, Майлз мгновенно примчался спасать кухню для своей кухарки, замечательной женщины, которую он явно считал незаменимой не только для безупречного ведения хозяйства, но и для своей новой политической карьеры. После данного Марком разъяснения, что фраза «весь дом в вашем распоряжении» – всего лишь дань вежливости и ее ни в коем случае не надо воспринимать буквально, Энрике с горем пополам удовлетворился второй прачечной, расположенной в полуподвале левого крыла, далеко не такой большой, но со стоком для воды и кучей разных приспособлений. Марк пообещал вскоре купить все необходимое оборудование и оставил ученого разбирать свои сокровища. Энрике не проявил ни малейшего интереса к выбору спальни. Марк решил, что в конечном итоге он просто-напросто притащит лежанку в свою новую лабораторию и поселится там, как наседка, охраняющая цыплят.

Марк же забросил чемодан в комнату, которую занимал в прошлом году, и вернулся в прачечную, чтобы подготовиться к решительному шагу – пропихнуть идею старшему братцу. На Эскобаре проект казался просто великолепным, но тогда Марк еще плохо знал Энрике. Этот человек – гений, но видит Бог, ему нужен сторож. Теперь-то вполне понятно, отчего вышел весь этот бардак с банкротством и судебными исками.

– Говорить буду я, понял? – решительно заявил доктору Марк. – Майлз здесь – лицо значительное, Имперский Аудитор и близкий друг самого императора. Его поддержка нам сильно поможет. – И, что гораздо важнее, его активные возражения могут оказаться фатальными для всего проекта. – Я знаю, как с ним разговаривать. Просто соглашайся со всем, что я скажу, и не пытайся ничего добавить или приукрасить.

Энрике серьезно кивнул и последовал за Марком по лабиринту коридоров, как щенок-переросток. Майлза они нашли в библиотеке. Пим как раз расставлял напитки – чай, кофе, вина Форкосиганов, две разновидности пива из округа Форкосиганов – и разгружал поднос с закусками, весьма походивший на яркий витраж. Сердечно кивнув Марку, оруженосец удалился.

– Как удачно, – заметил Марк, придвинув стул к низкому столику. – Закуски! А у меня как раз есть кое-что новенькое на пробу. По-моему, на этой штуке можно неплохо заработать.

Марк развернул красивую красную фольгу, в которой оказался мягкий белый кубик. Майлз заинтересованно поднял бровь и наклонился поближе.

– Какая-то разновидность сыра?

– Не совсем, хотя продукт животного происхождения. Некоторым образом. Это базисный вариант, без вкусовых добавок. Образцы со вкусовыми добавками и красителями я покажу позже, когда будет время их сделать. Эта штука чертовски питательна – отлично сбалансированный состав углеводов, протеинов и жиров плюс все основные витамины в нужной пропорции. Можно спокойно жить на одной этой штуке и воде.

– Я питался только этим полных три месяца! – гордо провозгласил Энрике, но, поймав хмурый взгляд Марка, поспешил заткнуться.

Марк взял с подноса серебряный нож, разрезал кубик на четыре части и сунул кусок себе в рот.

– Попробуй! – предложил он, удержавшись от театрального «мям-мям» и прочих соблазнительных звуковых эффектов. Энрике тоже потянулся за кусочком, за ним – более осторожно – Майлз. Поднеся кусочек к губам, он на мгновение заколебался и обнаружил, что остальные двое не сводят с него глаз. Подняв брови, Майлз сунул кусочек в рот и принялся жевать. Повисла тишина. Майлз проглотил.

Энрике, не в силах терпеть, спросил:

– Ну и как оно вам?

Майлз пожал плечами:

– Нормально... Пресновато, но вы сами сказали, что оно без вкусовых добавок. На вкус куда лучше, чем множество армейских пайков, что мне доводилось есть.

– О, армейские пайки! – воскликнул Энрике. – А вот об этом возможном применении я и не подумал...

– К этой стадии мы перейдем позже, – охладил его энтузиазм Марк.

– Так почему же, собственно, эта штука так выгодна? – любопытствовал Майлз.

– Потому что благодаря чудесам современной биоинженерии ее производство практически ничего не стоит. Достаточно приобрести партию жучков-маслячков, и дело в шляпе!

Повисла короткая, но многозначительная пауза.

– Что приобрести?

Марк извлек из кармана маленькую коробочку и осторожно приоткрыл крышку. Энрике выжидающе заерзал.

– Вот это, – Марк протянул коробочку брату, – жучок-маслячок.

Майлз заглянул в коробочку и отшатнулся.

– Фу! Ничего отвратительнее в жизни не видел!

В коробочке скребся всеми шестью лапками рабочий жучок-маслячок размером с большой палец. Жучок отчаянно работал антеннами и пытался удрать. Марк нежно сбросил крошечные коготки с края коробки. Жучок растопырил жесткие надкрылья противного коричневого цвета и удрал в безопасный уголок, где и свернулся, пряча свое похожее на мешочек белое мягкое пузико.

Майлз снова наклонился и уставился на жучка с брезгливой зачарованностью.

– Смахивает на помесь таракана с термитом и... и... гнойником.

– Вынуждены признать, что внешний вид – его слабое место.

Энрике явно оскорбился на последнее замечание, но воздержался от возражений.

– Основная его ценность – в производительности, – продолжил Марк. Пожалуй, они поступили разумно, не став демонстрировать Майлзу всю колонию жучков-маслячков сразу. Или, упаси Бог, их королеву. Королеву можно показать и потом, как только удастся уговорить потенциального покровителя преодолеть физиологическое отвращение. – Эти жучки жрут практически любую низшую органику. Сено, солому, водоросли, силос и так далее. Затем внутри, у них в желудке, органика при помощи тщательно подобранного набора бактерий превращается в... маслице. Которое жучок-маслячок отры... возвращает через рот и складывает в ячейки в своем улье, совершенно готовенькое к употреблению. Сырое маслице...

Тут Энрике без всякой необходимости указал пальцем на оставшийся кусочек.

– ...совершенно съедобно даже на этом этапе, – громче продолжил Марк, – хотя в дальнейшем его можно перерабатывать или вносить вкусовые добавки. Мы планируем производство более рафинированного продукта путем добавления бактерий, которые будут придавать сырому маслицу нужный вкус прямо в желудках жучков, так что даже не будет необходимости в дальнейшей переработке.

– Жучья блевотина, – произнес Майлз, быстро продравшись сквозь словесную шелуху. – Ты скормил мне жучью блевотину!

Он поднес руку к губам и торопливо налил себе вина. Поглядев на жучка-маслячка, на остатки сырого маслица, Майлз одним глотком осушил полбокала. – Ты спятил, – убежденно проговорил он. Затем допил вино, довольно долго подержав его во рту, прежде чем проглотить.

– Это как мед, – храбро возразил Марк, – только другой.

Брови Майлза сошлись на переносице, будто он обдумывал этот аргумент.

– Очень другой. Погоди-ка! В той коробке, что вы приволокли, сидят эти жучки-тош-нилки?

– Жучки-маслячки, – ледяным тоном поправил Энрике. – Их легко транспортировать...

– Сколько... жучков-маслячков?

– Мы вывезли с Эскобара двадцать королев на разных стадиях развития, каждую из которых обслуживают двести жуков-работников, – объяснил Энрике. – Они хорошо перенесли дорогу. Я так горжусь девочками! За время пути их количество удвоилось. Труженики мои! Ха-ха!

Майлз быстро произвел подсчет.

– Вы приволокли *восемь тысяч* этих мерзких тварей в *мой дом*?!

– Понимаю твое беспокойство, – быстро вмешался Марк, – но могу тебя заверить, это не принесет никаких хлопот.

– Сомневаюсь, что понимаешь. Кстати, что именно не принесет никаких хлопот?

– Жучки-маслячки, говоря биологическим языком, хорошо управляемы. Рабочие жуки стерильны. Размножаться способны лишь королевы, но они приносят потомство только при получении специальных гормонов. Зрелые королевы даже передвигаться не могут. А любой рабочий жучок, если ему удастся удрать, будет просто ползать по окрестностям, пока не сдохнет, вот и все.

При мыслях о таком печальном варианте Энрике скорбно скривился.

– Бедняжка! – пробормотал он.

– И чем раньше, тем лучше! – холодно отрезал Майлз. – Фу!

Энрике с упреком посмотрел на Марка и тихо начал:

– Ты обещал, что он нам поможет! А он оказался таким же, как все! Ограниченным, зашоренным, бестолковым...

Марк жестом велел ему замолчать.

– Успокойся. Мы еще не добрались до главного. – Он повернулся к Майлзу: – Дело вот в чем. Мы считаем, что Энрике в состоянии сконструировать жучков-маслячков, способных питаться *местной барраярской флорой* и преобразовывать ее в съедобный для человека продукт.

Майлз открыл рот – и снова закрыл. Взгляд его сделался пронзительным.

– Продолжай...

– Представь себе следующую картину. Каждый фермер, каждый поселенец в любом захолустье сможет держать улей жучков-маслячков, которые будут ползать по окрестностям, пожирая чуждую нам растительность, на которую вы, ребята, тратите столько усилий, выкорчевывая ее и выжигая в процессе терраформирования. А фермеры получают не только бесплатную пищу, но и бесплатные удобрения: помет жучков-маслячков просто потрясающе хорош для растений. Они начинают расти, как сумасшедшие!

– О! – Майлз откинулся на стуле с застывшим взглядом. – Я знаю кое-кого, очень заинтересованного в удобрениях...

Марк продолжал:

– Я хочу основать здесь, на Барраяре, компанию, чтобы продавать уже имеющихся жучков-маслячков и создавать новые подвиды. Я подумал, что такой гениальный ученый, как Энрике, и финансовый гений, как я (*и давайте не будем их смешивать*)... ну, мы способны достичь практически чего угодно.

Майлз задумчиво нахмурился:

– А чем вас не устроил Эскобар, позволь поинтересоваться? Зачем тебе понадобилось тащить этого гения и его творение сюда?

Если бы я не вмешался, Энрике схлопотал бы десять лет тюрьмы, но не будем об этом.

– Тогда у него не было меня, чтобы заняться деловой стороной. А Барраяр – оптимальное место для этого, тебе не кажется?

– Если дело пойдет.

– Вначале жучки могут вырабатывать маслице из земной органики. Мы начнем его продавать как можно быстрее, а полученные деньги пустим на финансирование дальнейших научных изысканий. Я не могу составить точный график, пока Энрике не изучит как следует биохимию Барраяра. Возможно, на создание соответствующих жучков потребуется год-два. – Марк коротко усмехнулся.

– Марк... – Майлз, нахмурился, смотрел на стоящую на столе закрытую коробочку, из которой доносилось тихое поскребывание. – То, что ты говоришь, звучит логично, но я сильно сомневаюсь, что логика поможет сбыту. Никто не захочет есть пищу, происходящую от чего-то, что выглядит вот так. Черт, да никто не станет есть даже то, к чему оно *прикоснется!*

– Но люди едят же мед, – возразил Марк. – А его производят насекомые.

– Пчелы... Ну, так они ж милашки. Пушистенькие, в стильных полосатых мундирах. И вооружены жалом – этакой маленькой шпагой, которая вызывает уважение.

– А, понятно... – пробормотал Марк. – Летучая версия класса форов.

Братья обменялись ехидными улыбками.

– Значит, вы считаете, – недоуменно проговорил Энрике, – что, если я вооружу моих жучков-маслячков жалом, барраярцам они понравятся больше?

– Нет! – хором возопили Майлз с Марком.

Энрике обиженно умолк.

– Итак, – откашлялся Марк. – План вот такой. Я обеспечу Энрике место для работы, как только выберу время. Не знаю, где будет лучше – здесь, в Форбарр-Султане, или в Хассадаре. Если дело пойдет, возможно, ты захочешь, чтобы работы велись в округе Форкосиганов.

– Верно, – кивнул Майлз. – Поговори с Циписом.

– Я и собирался. Теперь ты начинаешь понимать, почему я считаю их денежными жучками? Может, захочешь инвестировать дело? Не на начальном этапе, конечно.

– Пока нет. Но все равно спасибо, – нейтральным тоном ответил Майлз.

– Мы... э-э-э... Знаешь, мы очень признательны за предоставление временного помещения.

– Нет проблем. Или, во всяком случае, – глаза Майлза нехорошо блеснули, – лучше бы их не было.

Деловая часть закончилась, и Майлз, вспомнив о долге гостеприимства, предложил поесть и выпить. Энрике предпочел пиво и воспользовался им как поводом прочитать лекцию о роли дрожжей в производстве пищи, начиная с Луи Пастера. Лекция изобиловала комментариями о сходстве между дрожжевыми бактериями и симбиотами жучков-маслячков. Майлз пил вино и больше помалкивал. Марк ел закуску, разложенную на большом подносе, и прикидывал, когда у него закончатся препараты для потери веса. А может, их просто-напросто сегодня же спустить в канализацию?

Через некоторое время Пим, судя по всему выполняющий в ограниченном контингенте Майлзовой прислуги обязанности дворецкого, пришел забрать поднос и бокалы. Энрике заметил наконец коричневую форму с серебряным орнаментом и тут же поинтересовался о значении этой символики. Вопрос ненадолго вывел Майлза из задумчивости, и он просветил Энрике по некоторым аспектам истории семейства Форкосиганов (вежливо пропустив упоминание о провалившемся барраярском нашествии на Эскобар, имевшем место лет тридцать назад).

Майлз рассказал историю особняка и герба Форкосиганов. Похоже, эскобарца поразило до глубины души, что в основе символических гор и кленового листа на гербе лежит печать, которой графы запечатывали мешки с деньгами, собранными в виде налога с округа. Это дало Марку основание надеяться, что в Энрике все же проснется тактичность. Надеяться-то ведь не возбраняется никому?

Когда, по прикидкам Марка, прошло достаточно времени, чтобы ритуал братского общения был завершен, он вежливо извинился и отправился распаковывать вещи. Чтобы Энрике не заблудился, Марк провел его в лабораторию.

– Что ж, – сердечно сообщил ученому Марк, – все прошло лучше, чем я думал.

– О да! – рассеянно ответил Энрике. В его глазах появилось то самое отсутствующее выражение, которое означало, что голова занята выстраиванием длиннющих молекулярных цепочек. Хороший признак. Похоже, эскобарец переживет свой довольно болезненный переезд. – Кстати, у меня возникла идея, как сделать, чтобы мои малютки понравились твоему брату.

– Здорово! – Мысли Марка витали уже далеко. Он оставил эскобарца в лаборатории и помчался, перепрыгивая через две ступеньки, к себе в комнату. Наконец-то он сможет позвонить Карин, Карин, КАРИН!

Глава 4

Айвен только-только вручил сотню написанных от руки официальных приглашений на императорскую свадьбу сотрудникам оперативного отдела для дальнейшей рассылки, когда столкнулся на выходе из Генштаба с Алексом Формонкрифом, проходящим через контроль.

– Айвен! – окликнул Алекс. – Ты-то мне и нужен! Подожди!

Айвен остановился у автоматических дверей, мысленно придумывая на случай, если понадобится удрать, поручение от Той, Кому Следует Безоговорочно Подчиняться До Окончания Свадебных Торжеств. Алекс не самый страшный зануда фор в Форбарр-Султане (на этот титул не без оснований претендовали несколько представителей старшего поколения), но, безусловно, достойный последователь. С другой стороны, Айвену до смерти хотелось узнать, принесли ли какие-нибудь плоды те семена, что он заронил пару недель назад.

Алекс разобрался на контрольном пункте и, чуть запыхавшись, подошел к Айвену.

– Я только что отдежурил, а ты? Могу я поставить тебе выпивку? У меня есть кое-какие новости, и ты заслуживаешь того, чтобы узнать их первым. – Формонкриф покачнулся на каблуках.

Раз Алекс угощает, то почему нет?

– Конечно!

Айвен направился с Алексом через улицу в трактир, который офицеры оперативного управления считали своей коллективной собственностью. Это местечко, бывшее какой-то конторой, превратилось в питейное заведение буквально за десять – пятнадцать минут после того, как ОУ обосновалось в новом здании после подавления дворцового переворота Фордариана. Декор здесь был расчетливо похабным, что позволяло трактиру оставаться чисто мужским бастионом.

Они уселись за столик в глубине. Стоявший у стойки бара мужчина в модном костюме проводил их взглядом. Айвен узнал Бая Форратьера. Как правило, городские шуты редко удаивали своим появлением этот бар, но Байерли славился своей способностью появляться везде – у него были чертовски хорошие связи. Бай насмешливо помахал рукой Формонкрифу, который радушно предложил ему присоединиться. Айвен выгнул бровь. Байерли обычно избегал общения с теми, кто, как он изволил выражаться, приходил невооруженным на битву разумов. Айвен никак не мог понять, зачем он обхаживает Формонкрифа. Противоположности притягиваются?

– Садись-садись! – пригласил Формонкриф Бая. – Я угощаю.

– В таком случае, конечно, – кивнул Бай и грациозно уселся. Он сердечно кивнул Айвену. Айвен кивнул в ответ, но куда более натянуто, ведь сейчас с ним не было Майлза в качестве словесного щита. В присутствии Майлза Байерли никогда не задевал Айвена. Причем Айвен так и не знал, связано ли это с подспудным вмешательством его кузена, или же Байерли предпочитает более достойные мишени. А может, вмешательство Майлза заключалось именно в том, что сам Майлз и был более достойной мишенью? Или же кузен считает Айвена своей личной подушечкой для булавок и не желает ни с кем делиться? Что это, семейная солидарность или всего только собственнические наклонности Майлза?

Они отправили на сервер заказ, и Алекс вставил в прорезь кредитку.

– Да, кстати, Байерли, – сказал он Форратьеру, – прими мои искренние соболезнования в связи с кончиной твоего кузена Пьера. Я все время забываю тебе это сказать, потому что ты не носишь траурных одежд Дома Форратьеров. А стоило бы. У тебя есть на это право, вы достаточно близкие родственники. Они наконец определили причину смерти?

– О да! Его поразил сердечный приступ.

– Мгновенно?

– Насколько можно судить. Поскольку Пьер – правящий граф, вскрытие было произведено очень тщательно. Ну, не будь этот малый такой нелюдим, кто-нибудь непременно наткнулся бы на него до того, как умер мозг.

– Такой молодой, едва за пятьдесят. Прискорбно, что он не оставил детей.

– Куда как прискорбнее, что другие мои дядюшки Форратьеры детей оставили, – вздохнул Бай. – У меня бы появилась новая работа.

– А я и не знал, что ты хочешь заполучить округ Форратьеров, Бай, – удивился Айвен. – Граф Байерли? Политическая карьера?

– Господи! Не испытываю ни малейшего желания присоединиться к этим маразматикам, заседающим в замке Форхартунг, а округ наводит на меня смертельную скуку. Тоскливое местечко. Не будь мой плодовитый кузен Ришар таким законченным сукиным сыном – не в обиду покойной тетушке будь сказано, – то я пожелал бы ему наслаждаться успешным осуществлением его чаяний. Если, конечно, он сможет добиться желаемого. К несчастью, он действительно рад случившемуся, что автоматически лишает меня возможности порадоваться вместе с ним.

– А что не так с Ришаром? – изумился Алекс. – Я видел его пару раз, и мне он показался вполне солидным мужчиной. В политическом смысле.

– Не важно, Алекс.

Формонкриф недоуменно покачал головой:

– Бай, неужели ты начисто лишен достойных родственных чувств?

Бай лишь отмахнулся.

– У меня нет достойных родственников. И мое основное чувство к ним – отвращение. Ну, за исключением разве что одного или двух.

Тут до Айвена дошли слова Байерли, и он слегка нахмурился:

– *Если* он сможет добиться желаемого?! А что может Ришару помешать? – Насколько было известно Айвену, Ришар Форратьер – старший сын старшего дяди, совершеннолетний и в здравом уме. И факт, что кто-то является сукиным сыном, никогда не был поводом для исключения из Совета Графов, иначе бы там почти никого не осталось. Никаких прав не имели лишь бастарды. – Ведь не обнаружили же, что он тоже скрытый цетагандиец, как бедняга Рене Форбреттен?

– Нет, к сожалению. – Байерли искоса глянул на Айвена. Странно как-то глянул, расчетливо. – Но леди Донна – по-моему, Айвен, ты с ней знаком – представила Совету Графов официальный протест на следующий же день после смерти Пьера, таким образом временно заблокировав утверждение Ришара в правах.

– Я что-то об этом слышал, но не обратил внимания.

Айвен не видел младшей сестры Пьера во плоти – и роскошной плоти! – с тех пор, как она рассталась со своим третьим супругом и удалилась в округ Форратьеров в качестве официальной хозяйки дома своего брата и неофициальной представительницы округа. Говорили, что она куда больше понимает в управлении округом, чем Пьер, и этому Айвен вполне мог поверить. Сейчас леди Донне должно быть около сорока. Интересно, не начала ли она полнеть? Ей бы это пошло. Кожа цвета слоновой кости, густые кудрявые темные волосы до бедер, янтарно-карие глаза...

– О, а я-то понять не мог, почему Ришара никак не утверждают! – воскликнул Алекс.

Бай пожал плечами:

– Посмотрим, что сделает леди Донна, когда вернется с Колонии Бета.

– Моя мать сочла странным, что леди Донна уехала до похорон, – заметил Айвен. – Она не слышала ни о каких ссорах между Донной и Пьером.

– На самом деле для представителей моей семейки они ладили довольно неплохо. Но дело не терпело отлагательства.

Личные воспоминания Айвена о встречах с Донной были весьма яркими. Он тогда был зеленым молодым офицером, она – на десять лет старше и еще не вышла в очередной раз замуж. Айвен вдруг сообразил, что так и не рассказал Донне, как ее уроки помогли ему несколько лет назад выкрутиться из весьма неловкой ситуации во время дипломатического визита на Цетаганду. Надо будет ей непременно позвонить, когда она вернется с Колонии Бета. Да, годы бегут, она наверняка расстраивается и нуждается в поддержке...

– Так в чем суть ее протеста? – поинтересовался Формонкриф. – И при чем тут Колония Бета?

– Ну, увидим, во что все это выльется, когда вернется Донна. Это будет сюрприз. Желаю ей всяческих успехов. – Губы Байерли скривились в язвительной улыбке.

Принесли выпивку.

– Прекрасно! – Форратьер поднял бокал. – Господа, выпьем за семейную жизнь! Я заслал сваху!

Айвен замер, не донеся бокал до рта.

– Прошу прощения?

– Я встретил женщину, – самодовольно заявил Алекс. – Вообще-то надо было сказать, *ту самую* женщину. За что очень тебе признателен, Айвен. Я бы никогда не узнал о ее существовании без твоей маленькой подсказки. Бай как-то раз ее видел. Она во всех отношениях достойна стать госпожой Формонкриф, согласен, Бай? У нее отличные связи – племянница лорда Аудитора Фортица. Откуда ты о ней узнал, Айвен?

– Я... я познакомился с ней у моего кузена Майлза. Она проектирует для него сад.

Как Алексу удалось зайти так далеко и так быстро?

– Не знал, что лорд Форкосиган интересуется садами. Чем только люди не интересуются! Ладно, как бы то ни было, я ухитрился вытянуть из нее имя ее отца и адрес в процессе беседы о генеалогических древах. Южный континент. Пришлось покупать свахе билет туда и обратно, но она – одна из лучших в Форбарр-Султане, хотя их не так много осталось. Пользуйся лучшим, как говорится.

– Госпожа Форсуассон приняла твое предложение? – поразился Айвен. *На такой поворот я никак не рассчитывал...*

– Ну, я полагаю, что примет. Когда получит предложение. Сейчас почти никто не пользуется старой официальной системой. Надеюсь, она воспримет это как романтический сюрприз. И будет сражена наповал. – Самодовольство Алекса внезапно сменилось беспокойством, которое он тут же залил большим глотком пива.

Бай Форратьер проглотил вино и те слова, которые уже собрался произнести.

– Думаешь, она согласится? – осторожно поинтересовался Айвен.

– С чего бы ей отказываться – в ее-то положении? Таким образом она снова станет хозяйкой дома, к чему она, безусловно, привыкла. И как же еще она может обрести свой дом? Она истинная фор-леди и, вне всякого сомнения, оценит любезность. Так что у меня перед майором Замори преимущество.

Она еще не дала согласия, значит, надежда пока есть. Это не торжество, а просто нервное бормотание, ищущее успокоения в алкоголе. Звучит идеаль... Айвен сделал большой глоток. *Погоди-ка...*

– Замори? Я ничего не рассказывал Замори о вдове...

Айвен специально выбрал Формонкрифа как вполне подходящую кандидатуру на роль Майлзова соперника, который при этом не являет собой реальной угрозы. С точки зрения социального статуса простой фор не может конкурировать с наследником графства и Имперским Аудитором. В физическом плане... хм! Похоже, он не все до конца продумал. Формонкриф – довольно красивый малый. И как только госпожа Форсуассон выйдет из сферы харизматического влияния Майлза, сравнение может оказаться... довольно болезненным. Но ведь

Формонкриф – тупица! Госпожа Форсуассон наверняка не может предпочесть его... *А сколько у тебя знакомых женатых тупиц? Кто-то же их выбрал – не такая уж это и помеха.* Но вот Замори... Замори – мужик серьезный и далеко не дурак.

– Боюсь, это я проболтался, – пожал плечами Формонкриф. – Не важно. Он не фор, а я фор. И это дает мне в глазах ее семьи преимущество, которого Замори никогда не достичь. В конце концов, она уже была замужем за фором. И должна знать, что одинокая женщина не в состоянии правильно воспитать сына. Это, конечно, обойдется в копеечку, но, как только узелок затянется, при должной решительности я смогу убедить ее отослать мальчика в настоящую форскую школу. Там из него сделают мужчину и вышибут все эти глупости, пока они не превратились в привычку.

Они допили пиво, и Айвен заказал еще на всех. Формонкриф поднялся и направился в туалет.

Айвен, закусив костяшки пальцев, уставился на Байерли.

– Проблемы, Айвен? – небрежно поинтересовался Бай.

– Мой кузен Майлз ухаживает за госпожой Форсуассон. И приказал мне держаться от нее подальше под угрозой страшной мести.

Байерли вскинул брови.

– Тогда тебя непременно развлечет зрелище, как Майлз уничтожит Формонкрифа. Или возможен другой поворот событий?

– Да он меня наизнанку через задницу вывернет, если узнает, что это я натравил Формонкрифа на вдовушку! Тут еще и Замори, о Господи!

Байерли улыбнулся уголком губ.

– Ну-ну! Я там был. Формонкриф надоел ей до смерти.

– Да, но... Возможно, у нее затруднительное положение. Что, если она ухватится за первого же, кто подвернется... Погоди-ка! Ты?! Ты-то как там оказался?

– Алекс сболтнул. Привычка у него такая.

– Вот уж не знал, что ты ищешь жену!

– Не ищу. Не паникуй. И не намереваюсь насыпать на бедную женщину сваху – вот уж действительно анахронизм! Хотя должен признать, что я ее не утомял. Даже, кажется, слегка заинтриговал. Неплохо для первой встречи. Если я когда-нибудь вознамерюсь за кем-нибудь приударить, непременно возьму с собой Формонкрифа – его присутствие еще лучше оттеняет мои достоинства. – Байерли оглянулся, чтобы удостовериться, что объект их сплетен еще не вернулся, слегка подался вперед и понизил голос. – Знаешь, – тихо проговорил он, – мне кажется, кузина Донна будет очень рада, если ты поддержишь ее в готовящемся деле. Ты можешь быть ей очень полезен. Ты близок с лордом Аудитором – маленьким, но на редкость убедительным в его новой роли. Я оценил. А также с леди Элис и самим Грегором. Они – значительные люди.

– Они-то значительные, а вот я – нет. – За каким чертом Байерли понадобилось льстить *ему*? Должно быть, Баю что-то нужно. До зарезу.

– Ты не хотел бы встретиться с леди Донной, когда она вернется?

– О! – Айвен моргнул. – Это – с радостью! Только... – Он задумался. – Только я не очень понимаю, чего она хочет добиться. Даже если она блокирует Ришара, графство может отойти только кому-нибудь из его сыновей или младших братьев. Если только вы не планируете массовой резни на следующем семейном сборе – что даже для тебя, на мой взгляд, слишком, – то я не понимаю, тебе-то какая от всего этого польза?

Бай коротко улыбнулся.

– Я же сказал, что не хочу графства. Встреться с Донной. Она все тебе объяснит.

– Ну ладно... В любом случае удачи ей.

– Отлично! – Бай уселся поудобней.

Формонкриф вернулся к пиву и обсуждению матримониальных планов. Айвен безуспешно попытался сменить тему. Байерли удалился как раз перед тем, как должен был наступить его черед покупать всем пиво. Наконец Айвену под предлогом служебных обязанностей тоже удалось удрать.

Как же избежать встреч с Майлзом? Попросить о переводе в какое-нибудь отдаленное посольство все равно нельзя, пока тянется эта чертова катавасия со свадьбой. Дезертировать, конечно, можно. Удрать и вступить в кшатрианский иностранный легион. Нет, учитывая обширные связи Майлза, во всей галактике не найдется такой черной дыры, где можно скрыться от гнева разлюбленного кузена. И его изобретательности. Придется положиться на удачу и непроходимую глупость Формонкрифа. А что касается Замори... Похитить? Убить? А может, познакомить с другими женщинами? Точно! Только не с леди Донной. Леди Донну Айвен решил приберечь для себя.

Леди Донна... Уж она-то не легкая добыча. Любой мужчина, осмеливавшийся распушить перед ней хвост, рисковал оказаться изрезанным на куски. Элегантная, утонченная, уверенная в себе... Женщина, которая отлично знает, чего хочет и как этого добиться. Женщина одного с Айвеном круга, свободно знает правила игры. Чуть старовата, конечно, но продолжительность жизни сейчас выросла настолько, что возраст не имеет значения. Поглядите на бетанцев. Бабушке Майлза вот-вот стукнет девяносто, а у нее, по слухам, завелся восьмидесятилетний ухажер. И почему он раньше не подумал о Донне?

Донна. Донна. Донна. Этой встречи он ни за какие коврижки не упустит!

– Я оставил ее дожидаться перед библиотекой, милорд, – донесся до ушей Карин знакомый рокот Пима. – Не желаете, чтобы я принес вам что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, – раздался более высокий голос лорда Марка из глубины коридора. – Больше ничего не надо, благодарю.

Шаги Марка эхом разносились по коридору. Три быстрых шага, короткая пробежка, затем более размеренная поступь по арочному проходу к комнате. *Пробежка? Марк?* Как только он появился из-за угла, Карин вскочила. О Господи, ему явно не пошла на пользу столь быстрая потеря веса. Привычная тугая упитанность исчезла, и теперь он выглядел каким-то оплывшим, не изменилась лишь улыбка и сияющие глаза...

– А! Стой, где стоишь! – приказал он, схватил скамеечку для ног, подволок к Карин, взобрался на него и обвил ее руками. Она тоже его обняла, и им стало не до разговоров. Они горячо целовались.

Марк на мгновение прервался, чтобы спросить:

– Как ты сюда добралась?

Затем еще пару минут не давал ей ответить.

– Пришла, – выдохнула наконец Карин.

– Пришла?! Да это добрых полтора километра!

Положив руки ему на плечи, Карин слегка отстранилась, глядя ему в лицо. Слишком бледный, осуждающе подумала она. Почти мучнистый. Хуже того, сходство с Майлзом снова проявилось вместе со скулами. Наблюдение, которое – Карин знала – приведет его в ужас. И она промолчала.

– Ну и что? В хорошую погоду мой папа каждый божий день ходил сюда пешком, невзирая на трость и все остальное, когда служил помощником лорда регента.

– Если бы ты позвонила, я послал бы за тобой Пима с машиной! Черт, да я бы сам за тобой приехал. Майлз сказал, что я могу пользоваться его флайером, когда захочу.

– На флайере? Шесть кварталов? – возмутилась Карин между очередными поцелуями. – В такое чудесное весеннее утро?!

– Ну, у них тут нет бегущих дорожек... м-м-м... как хорошо! – Он потерся носом о ее ухо, вдыхая аромат вьющихся волос, и осыпал поцелуями шею от уха до ключицы. Поцелуи жгли ей кожу. – Соскучился, соскучился, соскучился...

– Я тоже соскучилась, соскучилась, соскучилась! – Хотя они могли бы вернуться вместе, если бы он не возжелал заскочить на Эскобар.

– По крайней мере благодаря этой пешей прогулке ты такая горячая... ты можешь подняться в мою комнату и снять с себя всю эту теплую одежду... может Пыхтун немного поиграть, м-м?

– *Здесь?! В особняке Форкосиганов?! Со всеми этими болтающимися вокруг оруженосцами?*

– В настоящий момент я тут живу. – Теперь уже Марк отстранился и посмотрел на нее. – И оруженосцев здесь всего три, один из которых днем спит. – Между его бровями пролегла озабоченная морщинка. – А у тебя?..

– Еще хуже. Полный дом предков. И сестриц. *Болтливых сестриц.*

– Снять комнату? – выдвинул предложение Марк после некоторого размышления.

Карин покачала головой, пытаясь найти слова, чтобы выразить чувства, которых сама толком не понимала.

– Мы могли бы позаимствовать флайер Майлза...

Это предложение вызвало у нее невольный смех.

– Вот уж где точно слишком мало места! Даже если мы оба будем принимать твои мерзкие лекарства.

Да, неизвестно о чем он думал, когда покупал эту штуку. Лучше уж большой аэрокар с широкими откидывающимися сиденьями. Как в этом его бронированном лимузине, оставшемся с времен Регентства...

– Эй! Мы могли бы забраться на заднее сиденье, затемнить окна до зеркальности...

Карин беспомощно покачала головой.

– Ну хоть *где-нибудь* на Барраяре?

– В том-то и проблема, – вздохнула она. – Это Барраяр.

– На орбите? – с надеждой ткнул он в небо.

Карин горько рассмеялась:

– Не знаю, не знаю...

– Карин, что случилось? – Теперь он уже не на шутку встревожился. – Я что-то не так сделал? Не то сказал? Что я... Ты все еще сердишься из-за лекарств? Прости. Прости! Я перестану их принимать. Я... Я снова наберу вес. Все, что ты скажешь!

– Дело не в этом. – Карин еще чуть-чуть отодвинулась, не выпуская из рук ладони Марка. Она склонила голову набок. – Хотя я решительно не понимаю, почему из-за того, что ты похудел, ты кажешься на голову ниже. Какой-то непонятный оптический обман. Каким образом масса может повлиять на рост? Но нет, дело не в тебе. А во мне.

Марк сжал ей руки.

– Я не понимаю, – искренне растерялся он.

– Я размышляла над этим все десять дней, пока дожидалась твоего прилета. О тебе, о нас, обо мне. И с каждым днем чувствовала себя все более странно. На Колонии Бета все казалось таким правильным, таким логичным. Все в открытую, официально, разрешено. Здесь же... Я не смогла заставить себя рассказать о нас родителям. Я пыталась собраться с духом. Но не смогла даже сестрам рассказать. Может, если бы мы вернулись вместе, я бы не струсилась, но... я струсилась.

– Где... Ты что, вспомнила барраярские народные предания, где любовник девушки оказывается головой в чане для вымачивания шкур, когда ее родственники застукивают его с ней?

– Чане для вымачивания шкур? Нет!

– Я об этом думал... Полагаю, твои сестрицы запросто могут такое учинить, если примутся за дело всей командой. Открутить мне голову, я хочу сказать. И мать твоя сможет. Она вас всех обучила.

– Как бы мне хотелось, чтобы тетя Корделия была здесь! – Стоп, похоже, не очень удачное замечание в данном контексте. Чан для шкур, Бог ты мой! Марк настолько параноидален... Спокойно. – Я совсем о тебе не думала!

– О! – Голос его стал бесцветным.

– Да нет же, я не то хотела сказать! Я думала о тебе днем и ночью! О нас. Но я так неуютно себя чувствую после возвращения. У меня такое чувство, что меня снова запихали на мое прежнее место в замкнутое пространство барраярской культуры! Я это чувствую, но никак не могу этому помешать! И это ужасно!

– Защитная окраска? – По его тону было ясно, что он вполне понимает желание закамуфлироваться. Пальцы Марка пробежали по ее ключице и обхватили шею. Сейчас было бы так приятно ощутить, как он гладит шею... он так старался научиться дотрагиваться до кого-то и разрешить дотрагиваться до себя, научился преодолевать панику, спазмы и одышку... Дыхание Марка участилось.

– Что-то в этом роде. Но я ненавижу ложь и тайны.

– А ты не могла бы... просто рассказать своей семье?

– Я пыталась. И не смогла. А ты сможешь?

Марк озадачился.

– А ты этого хочешь? Тогда уж точно моя башка окажется в чане.

– Нет-нет! Чисто теоретически?

– Я могу рассказать *моей* матери.

– *Твоей* я тоже могу. Она бетанка. Она из другого мира, того самого, где нам с тобой было так хорошо. Это *моей* матери я не могу сказать. А раньше всегда могла ей все рассказать. – Карин заметила, что немного дрожит. Марк, продолжавший держать ее за руки, тоже ощутил ее дрожь. Она поняла это по промелькнувшей в его глазах боли, когда Марк поднял взгляд. – Не понимаю, как что-то может быть таким правильным в одном месте и казаться таким неправильным в другом! – сказала Карин. – Это не должно быть неправильным тут. И правильным там. Так не должно быть!

– Это полная бессмыслица! Там ли, тут – какая разница?

– Если никакой разницы, то чего ради ты так старался похудеть, прежде чем ступить на Барраяр?

Марк открыл рот и снова закрыл.

– Ну что же. Это всего на пару месяцев. Пару месяцев я вполне могу вынести.

– Все гораздо хуже. Ой, Марк! Я не могу вернуться на Колонию Бета!

– Что? Почему? Мы планировали... Ты планировала... Это твои родители что-то заподозрили насчет нас? Они запретили тебе...

– Да нет! Во всяком случае, я так не думаю. Дело в деньгах. Точнее, в их отсутствии. Без стипендии графини я не смогла бы поехать и в прошлом году. Мама с па говорят, что они на мели, а я представления не имею, как заработать нужную сумму за несколько месяцев. – Карин решительно закусила губу. – Но я непременно что-нибудь придумаю.

– Но если ты не сможешь... Но я еще не закончил дела на Колонии Бета, – жалобно проговорил он. – Мне еще предстоит год учебы и год лечения!

Или больше.

– Но ты ведь потом намерен вернуться на Барраяр, верно?

– Да, наверное. Но целый год врозь... – Он обнял ее крепче, будто злобные родители вот-вот вырвут ее у него из рук. – И это будет... очень трудно без тебя, – приглушенно пробормотал он.

Через некоторое время, глубоко вздохнув, Марк оторвался от нее. И поцеловал ей руки.

– Не стоит паниковать, – ласково проговорил Марк, адресуясь ее пальцам. – У нас есть несколько месяцев, чтобы что-нибудь придумать. А за это время много чего может произойти. – Он поднял голову, попытавшись изобразить спокойную улыбку. – Все равно я рад, что ты тут. Пошли посмотришь моих жучков-маслячков.

– Кого?

– Почему все так странно реагируют на это название? Мне казалось, оно довольно простое. Жучки-маслячки. Не полети я на Эскобар, так никогда и не узнал бы об их существовании. Выходит, в любом случае не без пользы слетал. Меня на них навела Лили Дюрон, точнее, не на них, а на Энрике, который как раз вляпался в крупные неприятности. Он великий биохимик, но никакой деловой жилки. Я внес за него залог и вытащил из тюрьмы, а потом помог забрать экспериментальные образцы у идиотов-кредиторов, их конфисковавших. Ты бы посмеялась, глядя, как мы осуществляем налет на его лабораторию. Пошли посмотришь.

Он поволок ее за руку по коридорам огромного дома.

– Налет? На Эскобаре? – с сомнением в голосе переспросила Карин.

– Ну, возможно, налет – это громко сказано. Все прошло исключительно мирно и без эксцессов. Скорее кража со взломом. Мне на самом деле пришлось припомнить кое-какие прежние навыки, хочешь верь, хочешь нет.

– По-моему, это не очень... законно.

– Может, и нет, зато этично. Жучки принадлежат Энрике, в конце концов, это он их создал. И любит, как домашних зверушек. Он плакал, как дитя, когда сдохла одна из его любимых королев. Трогательное зрелище. И если бы именно в тот момент мне не хотелось его придушить, я бы ему очень посочувствовал.

Карин как раз начала задумываться, не имеют ли эти чертовы препараты для похудения какой-то побочный психологический эффект, о котором Марк не соизволил ей сообщить, когда они добрались до подвальной прачечной особняка Форкосиганов. Она не бывала в этой части дома с детства, когда играла тут в прятки со своими сестрами. Из окон под потолком лился слабый свет. Длинный темноволосый курчавый тип на вид лет двадцати задумчиво бродил среди кучи полураспакованных ящиков.

– Марк, – вместо приветствия изрек он, – мне нужно больше полков. И лавок. И света. И тепла. Девочки мерзнут. Ты обещал.

– Прежде чем кинешься покупать новые, пошарьте по кладовкам, – дала практический совет Карин.

– О, отличная мысль! Карин, это доктор Энрике Боргос с Эскобара. Энрике, это моя... мой друг Карин Куделка. Мой лучший друг. – При этом Марк собственнически сжимал ее руку. Но Энрике лишь рассеянно кивнул девушке.

Марк повернулся к широкому накрытому подносу, лежащему на ящике.

– Не смотри пока, – кинул он ей через плечо.

Карин припомнилось кое-что из совместного сосуществования с дорогими сестрицами: открой рот, закрой глаза, и тебя ждет большой сюрприз... Она предусмотрительно проигнорировала его указания и придвинулась поближе – посмотреть, чем он там занимается.

Марк снял с подноса крышку, и взгляду Карин предстала кишашая масса коричнево-белых существ, тихонько поскрипывающих и наползающих друг на друга. Карин широко раскрыла глаза: насекомовидные, большие, перебирают лапками и шевелят усами...

Марк погрузил руку в колышущуюся массу, и Карин не выдержала:

– Фу!

– Все нормально. Они не кусаются и не жалят, – ухмыльнулся он. – Вот видишь? Карин, познакомься с жучком-маслячком. Жучок, это Карин.

Марк протянул на ладони жука размером с ее большой палец.

Он что, правда хочет, чтобы я дотронулась до этой твари?! Что ж, в конце концов, одолела же она курс бетанского сексуального обучения. Какого черта! Разрываясь между любопытством и отвращением, Карин протянула руку, и Марк положил жука ей на ладонь.

Крошечные лапки щекотали кожу, Карин нервически засмеялась. В жизни не видела такого уродства! Хотя... Кажется, на прошлогоднем курсе ксенозоологии ей доводилось препарировать тварей и попротивней. Мало что сохраняет привлекательность в распотрошенном виде. Да и пахло от жучков не так уж скверно – просто зеленью, как от живой изгороди.

Марк принялся объяснять, как жучки перерабатывают органику в своих воистину омерзительных с виду брюшках. Рассказ дополнялся педантичными поправками, вносимыми в повествование новым эскобарским другом. Насколько могла судить Карин, с точки зрения биологии все звучало вполне логично.

Энрике сорвал лепесток с одной из десятка роз, лежавших кучей в какой-то коробке, и положил лепесток ей на ладонь рядом с жуком. Жук проворно схватил лепесток передними лапками и принялся его поглощать. Энрике ласково улыбнулся тварюшке.

– И – да, Марк, – добавил он, – девочкам нужно еще еды. Как можно скорей. Это я получил утром, – махнул он на коробку с розами, – но до вечера нам не хватит.

Марк, с беспокойством наблюдавший за Карин, только сейчас заметил коробку с розами. Взгляд его скользнул на эмблему – торговый знак лучшего цветовода столицы.

– Где ты взял цветы? – удивленно спросил он. – Погоди-ка, ты купил *эти розы на корм жукам?!*

– Я спросил у твоего брата, где можно раздобыть какие-нибудь растения земного происхождения, которые могли бы понравиться девочкам. Он сказал: позвони туда-то и закажи. Кстати, кто такой Айвен?.. Да, только это чертовски дорого. Боюсь, нам придется пересмотреть бюджет.

Марк кисло улыбнулся и, прежде чем ответить, мысленно сосчитал до десяти.

– Понятно. Боюсь, возникло небольшое недоразумение. Айвен – наш двоюродный брат. Тебе, вне всякого сомнения, рано или поздно не избежать встречи с ним. Есть куда более дешевые растения земного происхождения. Полагаю, ты и сам можешь найти их на улице... нет, пожалуй, не стоит посылать тебя одного. – Он уставился на Энрике примерно так, как Карин смотрела на жука, лежавшего в ее ладони. Жучок тем временем уже почти разделался с розовым лепестком.

– Кроме того, мне как можно быстрее нужен лаборант, – добавил Энрике. – Ежели, конечно, мне предстоит заняться новыми исследованиями. И доступ ко всему, что известно здешним аборигенам о барраярской биохимии. Не хочу тратить время на изобретение велосипеда.

– По-моему, у брата есть кое-какие связи в университете Форбарр-Султана. И в Имперском научно-исследовательском институте. Уверен, он сможет обеспечить тебе доступ к чему угодно, если это не засекречено. – Марк пожевал губу и нахмурился, на мгновение напомнив глубоко задумавшегося Майлза. – Карин... Ты, кажется, говорила, что ищешь работу?

– Да...

– А ты бы ничего не имела против работы лаборанта? Ты ведь в прошлом году прослушала на Бете пару курсов по биологии...

– Бетанская подготовка? – встрепенулся Энрике. – В этой дыре есть люди с бетанской подготовкой?

– Всего лишь пара общих курсов, – поспешно пояснила Карин. – И на Барраяре полно народу, получивших самое разное галактическое образование.

Этот мальчик что, полагает, будто тут все еще Период Изоляции?

– Неплохое начало, – благосклонно провозгласил Энрике. – Но я вот что собирался спросить, Марк. Разве у нас в данный момент достаточно средств, чтобы нанимать кого-то?

– М м-м... – протянул Марк.

– Ты – и без денег? – несказанно изумилась Карин. – Чем ты там занимался, на Эскобаре?

– Вовсе я не без денег. Просто сейчас средства главным образом вложены в оборот, а я потратил несколько больше наличных, чем собирался. Так что у нас просто временный напряг. К концу квартала я эту проблему решу. Но должен признаться, я очень рад, что смог на первом этапе без затрат обеспечить работу по проекту Энрике.

– Мы можем снова выпустить акции, – предложил Энрике. – Именно так я раньше и делал, – пояснил он Карин.

– Вряд ли, – скривился Марк. – По-моему, я уже говорил с тобой насчет предприятий закрытого типа.

– Вообще-то многие таким образом собирают венчурный капитал, – заметила Карин.

– Но при этом они не продают пятьсот восемьдесят процентов акций компании, – тихонько сообщил ей Марк.

– Ой!

– Я собирался им все выплатить! – возмущенно запротестовал Энрике. – Я был так близок к успеху, что никак не мог в тот момент остановиться!

– Хм... Извини, Энрике, мы на секунду...

Марк решительно взял Карин за руку, вывел в коридор и плотно прикрыл за собой дверь.

– Ему не нужен лаборант. Ему нянька нужна! Господи, Карин, ты даже не представляешь, насколько облегчишь мне жизнь, если сможешь держать этого парня в узде. Тебе-то я могу совершенно спокойно доверить кредитные карты, ты будешь вести бухгалтерию и выдавать ему карманные деньги. А также – держать подальше от темных переулков, не позволять рвать цветы в императорском саду, не давать спорить с охранниками из СБ и удерживать от прочих самоубийственных выходок, что взбредут ему на ум. Штука в том... хм... – Он замялся. – Ты не согласилась бы стать акционером?.. Вместо зарплаты, ну хотя бы до конца квартала? Конечно, так ты не больно-то получишь на карманные расходы, но ты ведь говорила, что хочешь накопить на...

Карин скептически посмотрела на жучка-маслячка, уже прикончившего остатки розового лепестка и теперь исследующего ее ладонь.

– Ты и правда можешь дать мне акции? Только акции – чего? К тому же... если дело у тебя по каким-то причинам не пойдет, у меня не останется никаких запасных вариантов.

– Пойдет непременно! – горячо заверил Марк. – Я заставлю эту идею работать. Мне принадлежит пятьдесят процентов акций компании. Я приказал Ципису официально зарегистрировать нас в округе как научно-исследовательскую внедренческую компанию за пределами Хассадара.

Он предлагает ей поставить все их будущее на карту, полагаясь всего лишь на странное увлечение биопредпринимательством, а она при этом даже не уверена, что он в своем уме!

– А что думает по этому поводу твоя... э-э... Черная Команда?

– Их это никоим образом не касается.

Что ж, это утешает. Похоже, это плод творчества основной личности, лорда Марка, а не заморочки подсознания, преследующего собственные цели.

– Ты действительно считаешь, что Энрике настолько гениален? Марк, там, в лаборатории, я сперва подумала, что это жуки так воняют, но невыносимый запах идет от него! Когда он мылся в последний раз?

– Наверное, попросту забыл принять душ. Можешь спокойно ему напоминать. Он не обидится. Считаю это частью своих обязанностей – заставляй его мыться, есть, возьми на себя заботу о его кредитке, лабораторном оборудовании, заставляй его смотреть по сторонам при переходе улицы. Да и потом, эта работа – отличный предлог бывать в особняке Форкосиганов.

Ну, если подойти с этой позиции... К тому же Марк смотрит на нее молящим щенячьим взглядом... Марк, хоть и совершенно по-своему, не хуже Майлза научился манипулировать людьми и заставлять делать то, о чем в конечном итоге жертвы манипуляций могут сильно пожалеть. Заразное умение, фамильная черта Форкосиганов.

– Ну... – Едва слышное «ик» заставило ее опустить глаза. – Ох нет! Марк! Твой жук болен! – Несколько миллилитров густой белой жидкости капнули ей в ладонь.

– Что такое? – встревоженно наклонился Марк. – С чего ты взяла?

– Его тошнит. Фу! Может, это реакция на п-в-прыжок? Некоторых людей потом мутит по нескольку дней!

Карин завертела головой, выискивая, куда положить жучка, пока он не лопнул.

– А! Да нет, все в порядке. Все идет по плану. Он только что выдал порцию масличка. Хорошая девочка, – пропел он жучку. По крайней мере Карин надеялась, что жучку.

Карин решительно взяла Марка за руку и сунула ему в ладонь несколько осунувшегося жучка, после чего вытерла свою руку о его рубашку.

– Жук – твой. Ты его и держи.

– Наши жуки?.. – нерешительно предложил он, без возражений принимая насекомое. – Ну пожалуйста...

По правде говоря, жучья отрыжка вовсе не воняла. Наоборот, она источала благоухание роз и запах мороженого. Однако Карин без труда воздержалась от инстинктивного желания слизнуть густую массу с ладони. Устоять же перед Марком оказалось куда сложнее...

– Ой, ну ладно! – *И как ему всякий раз удастся втравливать меня в такие штуки?* – Договорились.

Глава 5

Оруженосец Пим провел Катриону в центральный холл особняка Форкосиганов. Она запоздало подумала, не лучше ли было воспользоваться черным ходом, но во время экскурсии по дому лорд Форкосиган забыл показать ей сию достопримечательность. Впрочем, судя по обычной доброжелательной улыбке Пима, она ведет себя правильно.

– Госпожа Форсуассон! Добро пожаловать! Чем могу быть полезен?

– У меня несколько вопросов к лорду Форкосигану. Ничего срочного, но я подумала, если он сейчас дома и не занят... – Катриона неловко замолчала.

– По-моему, сударыня, он еще наверху. Если вы соблаговолите немного подождать в библиотеке, я извещу его немедленно.

– Я найду дорогу, не беспокойтесь, – поспешно сказала Катриона и вдруг спохватилась: – Ой, подождите! Если он еще спит, пожалуйста, не...

Но Пим уже поднимался по лестнице.

Покачав головой, Катриона побрела в библиотеку. Да, нельзя не признать: оруженосцы Форкосигана – на редкость энергичны, доброжелательны и очень привязаны к своему господину. И удивительно сердечны в отношении визитеров.

Интересно, размышляла Катриона, нет ли в форкосигановской библиотеке одного из тех чудесных рукописных травников Периода Изоляции, и – если есть – нельзя ли будет его одолжить. Она подошла к дверям – и резко остановилась. Библиотека была занята: темноволосый плотненький коротышка склонился над коммом, выглядевшим среди всей этой старины несколько неуместно. На дисплее светился разноцветный график. Заслышав шаги, молодой человек поднял голову.

Катриона широко распахнула глаза. «При моем росте, – жаловался лорд Форкосиган, – эффект чертовски сногшибательный».

Чрезмерная полнота поражала ничуть не меньше, чем удивительное сходство с (как там это называется в отношении клонов?) породителем, наполовину скрытое за... Интересно, почему в голову мгновенно пришло определение за «барьер из плоти». Но больше всего поражали его глаза – такие же пронзительно серые, как у Майлза... у лорда Форкосигана, только абсолютно непроницаемые и настороженные. Одет он был в черные брюки и черную рубашку. Из-под расстегнутой темно-зеленой куртки в деревенском стиле выпирал живот.

– Ой! Вы, должно быть, лорд Марк. Прошу прощения! – быстро проговорила Катриона.

Молодой человек откинулся на стуле, коснувшись пальцем губ – характерный жест лорда Форкосигана, – потеревил двойной подбородок – явно его собственная привычка.

– Напротив, я очень рад.

Катриона растерянно вспыхнула.

– Я не хотела... Не хотела мешать...

Лорд Марк вскинул брови.

– У вас есть передо мной преимущество, миледи. – Тембр голоса – в точности как у брата, разве что, возможно, чуть ниже. И акцент какой-то странный – не совсем баррарский и не совсем инопланетный.

– Нет-нет, не миледи, просто госпожа. Катриона Форсуассон. Простите меня. Я... м-м-м... консультант вашего брата по дизайну ландшафтов. И пришла узнать, что делать с кленом, о котором мы с ним говорили. Пустить на компост? Сжечь? – Она указала на камин из белого мрамора. – Или продать утилизаторам?

– Клен, говорите... Он ведь земного происхождения, так?

– Ну да.

– Я заберу каждую стружку, которая не понадобится брату.

- Куда... куда вам это принести?
- В гараж, я полагаю. Там будет сподручней.

Катриона представила здоровенную кучу дров в безукоризненно вылизанном гараже Пима.

- Дерево довольно большое.
- Вот и хорошо.
- Вы увлекаетесь садоводством... лорд Марк?
- Все нет.

Бессвязную беседу прервал топот сапог. Появившийся в дверях Пим сообщил:

– Милорд спустится через пару минут, госпожа Форсуассон. Он просил вас непременно дожидаться его и не уходить. – И добавил более доверительным тоном: – Вчера вечером у него был припадок, и сегодня он несколько заторможенный.

– О Господи! У него ведь потом всегда чудовищная мигрень! Мне не следовало его беспокоить, пока он не примет обезболивающее и не выпьет черного кофе. – Катриона направилась к дверям.

– Нет-нет! Присядьте, сударыня. Пожалуйста, присядьте. Милорд очень на меня рассердится, если я не выполню его указания. – Пим, встревоженно улыбаясь, подвел ее к стулу. Катриона нехотя уселась. – Вот так. Вот и хорошо. Не двигайтесь.

Пим некоторое время смотрел на нее, будто опасался, что она сбежит, затем снова испарился. Лорд Марк проводил его взглядом.

Вряд ли лорд Форкосиган относится к старым форум, швыряющим сапогом в голову не угодивших им слуг, но Пим казался действительно встревоженным – так что кто знает? Оглядевшись, Катриона обнаружила, что лорд Марк, постукивая пальцами по столу, не сводит с нее глаз.

– Припадки?... – приглашающим тоном произнес он.

Катриона уставилась на него, не совсем понимая, о чем он спрашивает.

- Видите ли, после этих припадков чудовищно болит голова.
- Я так понял, что он практически вылечился. На самом деле это не совсем так?
- Вылечился? Вряд ли, судя по тому, что мне довелось видеть. Это контролируемые припадки, как он говорит.

Лорд Марк сощурился:

– Значит... И где же вы наблюдали этот спектакль?

– Припадок? В моей гостиной вообще-то. В старой квартире на Комарре. – Перехватив взгляд собеседника, Катриона пояснила: – Я познакомилась с лордом Форкосиганом во время его последнего аудиторского расследования.

– О! – Марк оглядел ее с головы до пят, только сейчас заметив вдовый наряд. – И что же?..

– У него в мозг вживлен микрочип, изготовленный медиками. Этот чип провоцирует припадки тогда, когда удобно лорду Форкосигану, чтобы избежать спонтанности. – Интересно, нынешний припадок был вызван сознательно, или Майлз снова слишком затянул и перенес более сильный спонтанный вариант? Он тогда говорил, что урок не прошел даром, но...

– По какой-то причине он не счел нужным сообщить мне эти подробности, – пробормотал лорд Марк. На его лице промелькнула странная невеселая улыбка. – А он вообще-то рассказывал вам, каким образом эти припадки заработал?

Катриона прибегла к промежуточному варианту между правдой и недомолвками.

– Последствия криооживления, по его словам. Я как-то видела шрамы от иглогранаты у него на груди. Лорду Форкосигану повезло, что он вообще до сих пор жив.

– Хм. А он не упоминал, что познакомился с иглогранатой, когда спасал мою несчастную задницу? – Лорд Марк вызывающе вскинул голову.

– Нет... – Катриона смутилась. – По-моему, он не имеет права особенно распространяться по поводу его... его прошлой карьеры.

Лорд Марк кисло улыбнулся и побарабанил пальцами по комму.

– Видите ли, у моего брата есть скверная привычка выдавать свою версию событий, которая устроила бы аудиторию.

Катриона вполне могла понять, почему лорд Форкосиган терпеть не мог проявлять хоть какую-то слабость. Но лорд Марк, кажется, на что-то разозлился. Почему? Она поспешила найти нейтральную тему.

– Значит, вы называете его братом, а не породителем?

– В зависимости от настроения.

И тут появился объект обсуждения, положив конец их беседе. Лорд Форкосиган облачился в отлично пошитый серый костюм и начищенные до блеска полуботинки. Волосы – еще влажные – зачесаны. В воздухе витает легкий аромат одеколona. Пепельно-серое лицо и припухшие веки плохо гармонируют с деланной энергичностью. Короче – реанимированный труп, который нарядили для раута.

Лорд Форкосиган одарил Катриону жутковатой улыбкой, с подозрением глянул на клон-брата и напряженно уселся между ними в кресло.

– Хм, – изрек он.

Выглядел он сейчас ужасающе точь-в-точь, как в то достопамятное утро на Комарре, – разве что без кровоподтеков и ссадин.

– Лорд Форкосиган, вы не должны были вставать!

Он чуть пошевелил пальцами, что могло означать и согласие, и отрицание, но тут прибыл бдительный Пим с подносом, на котором дымился кофейник, стояли чашки и прикрытая салфеткой корзина, источавшая изумительный аромат свежее выпеченного хлеба. Катриона зачарованно смотрела, как Пим наливает кофе в чашку и осторожно вкладывает ее в руку своего господина. Лорд Форкосиган отхлебнул глоток, блаженно вдохнул кофейный запах, отпил еще, поднял глаза и моргнул.

– Доброе утро, госпожа Форсуассон. – Голос звучал как из бочки.

– Доброе утро... ой! – Пим проворно сунул ей чашку.

Лорд Марк выключил комм, добавил в кофе сахара и сливок и с явным интересом уставился на брата-породителя.

– Спасибо, – поблагодарила Катриона Пима. Она понадеялась, что лорд Форкосиган уже принял болеутоляющее. Судя по тому, с какой скоростью на его лицо возвращались краски, так оно и есть.

– А вы ранняя пташка, – заметил Форкосиган.

Катриона чуть было не сообщила ему, сколько сейчас времени, но спохватилась, решив, что это не слишком тактично.

– Мне не терпелось начать работу над первым настоящим садом. Рабочие уже приступили к снятию терраформированного слоя почвы. Еще одна бригада скоро прибудет, чтобы пересадить дуб. И мне пришло в голову поинтересоваться у вас, что делать с кленом – оставить на дрова или пустить на компост?

– Дрова. Безусловно. Мы временами топим камин, когда демонстративно изображаем приверженцев традиций – на бетанских гостей моей матушки это производит неизгладимое впечатление. И на Зимнепраздник всегда жгут костры. Где-то за кустами стоит поленница. Пим вам покажет.

Пим охотно кивнул.

– Я делаю заявку на опилки, щепки и листья, – сообщил лорд Марк. – Для Энрике.

Лорд Форкосиган отмахнулся, пожав плечами.

– Это касается только тебя и восьми тысяч твоих маленьких приятелей.

Судя по всему, слова брата несколько не удивили лорда Марка. Он благодарно кивнул. Катриона предалась размышлениям, насколько невежливо будет прямо сейчас встать и уйти. Ведь она невольно вытащила своего работодателя из постели. Нет, пожалуй, все же сначала надо хотя бы допить кофе.

– Если все пойдет нормально, котлован начнут рыть уже завтра.

– А, отлично! Ципис показал вам, как собрать все необходимые разрешения на подключение к энергосети и водоснабжению?

– Да, все в порядке. И я узнала об инфраструктуре Форбарр-Султана куда больше, чем хотела.

– Да... Эта инфраструктура намного старше и причудливее, чем вы думаете. Вам стоит как-нибудь послушать рассказы Дру Куделки о войне, о том, как они сбежали по канализации, заполучив предварительно голову Фордариана. Попробую разговорить ее на ужине.

Лорд Марк облокотился на комм и, тихонько покусывая палец, потер себе шею.

– Похоже, как раз через неделю удастся собрать всех, – добавил лорд Форкосиган. – Вас устроит?

– Да, наверное.

– Отлично. – Он повертел головой, и Пим поспешно налил ему еще кофе. – Извините, что не пришел посмотреть начало работ. Я действительно собирался, но Грегор пару дней назад отправил меня за пределы города с поручением, вылившимся в довольно странную прогулку, и я вернулся лишь поздно ночью.

– Кстати, а из-за чего был весь сыр-бор? – поинтересовался лорд Марк. – Или это Имперская Тайна?

– Увы, нет. Хуже того, об этом всюду сплетничают в городе. Может, это отвлечет внимание от дела Форбреттена. Хотя не уверен, что случившееся можно назвать секс-скандалом. – Лорд Форкосиган слегка поморщился. – Грегор мне сказал: «Ты наполовину бетанец, Майлз, и именно тот Аудитор, что сейчас нужен». Я ответил: «Премного благодарен, сир».

Он замолчал, откусил кусочек пряного хлеба, прожевал и запил глотком кофе. Затем продолжил:

– Графа Формюира осенила гениальная мысль, как решить проблему недостатка популяции в его округе. Во всяком случае, он вообразил ее гениальной. Ты в курсе последних демографических дрызг между округами, Марк?

Лорд Марк махнул рукой и потянулся за хлебцем.

– Я не больно-то следил за баррарской политикой за последний год.

– Это тянется куда дальше. В бытность нашего отца регентом одной из первых его реформ стало введение более простых правил для подданных, желающих переехать в другой округ и принести присягу новому графу. Поскольку каждый из шестидесяти графов всячески пытался увеличить количество собственных подданных за счет чужих, па каким-то образом протащил закон на Совете. Разумеется, при этом каждый граф норовил любым способом помешать своим подданным менять сюзерена. Далее, у каждого графа – будь то прогрессист, консерватор или член своей личной партии, как этот придурочный Форфользе на Южном побережье, – есть свои законы по управлению графством, сбору налогов, поддержанию экономики и так далее. Мать называет округи шестьюдесятью социально-политическими культурными солянками. Я бы добавил – и экономическими.

– Это я изучал, – изрек лорд Марк. – С точки зрения вложения капитала.

Форкосиган кивнул.

– С практической точки зрения новый закон дал право людям выражать свое отношение к власти на местах ногами. Когда закон был принят, наши родители за ужином пили шампанское, а мама ухмылялась еще несколько дней кряду. Мне тогда было лет шесть, потому что мы тогда уже жили здесь, насколько я помню. В результате, как вы понимаете, возникло

соревнование, которое продолжается и по сей день. Граф Формудрец улучшает жизнь своих подданных, его округ процветает, его доходы, соответственно, тоже. Его сосед граф Форбалбес ничего не делает в плане улучшения жизни населения, и оно утекает, как из решета, а доходы Форбалбеса падают. И собратья-графы вовсе не проникаются к нему сочувствием, потому что его потери – это выигрыш.

– Ага! – воскликнул Марк. – А округ Форкосиганов выигрывает или проигрывает?

– Полагаю, мы – перевалочный пункт. Мы спокон веку теряли население в пользу Форбарр-Султана. И чертова прорва верноподданных последовала в прошлом году за вице-королем на Зергияр. С другой стороны, окружной университет, новые колледжи и медицинские комплексы в Хассадаре притягивают народ. Ну, как бы то ни было, граф Формюир – вечный аутсайдер в этой демографической игре. И он внедрил то, что чистосердечно считает очень прогрессивным личным – оч-чень личным, должен заметить – решением.

Чашка Катрионы опустела, но у нее уже давно пропало всякое желание уйти. Казалось, она может слушать лорда Форкосигана часами, когда он вот такой, как сейчас.

– Формюир, – продолжил Форкосиган, – закупил тридцать маточных репликаторов и нескольких медтехников для обслуживания оных и приступил к... э-э-э... производству подданных. Эдакий персональный центр воспроизводства с единственным донором спермы. Угадайте кем.

– Формюиром? – предположил Марк.

– И никем иным. Тот же принцип, что в гареме, только по-другому. Ах да, и в настоящий момент он клепает только девочек. Первой партии, если не ошибаюсь, уже около двух лет. На удивление симпатичные, кстати.

Катриона вытаращила глаза, представив целый выводок девчушек. Напоминает детский сад – или, в зависимости от количества децибел, акустическую гранату. *Мне всегда хотелось дочек. Не одну дочь, а много, чтобы у них были сестры, которых у меня никогда не было. А теперь уже поздно.* Ни одной дочки у нее и десятки – у Формюира. Свинья какая! Это нечестно! Катриона с изумлением обнаружила, что должна бы испытывать возмущение, а она лишь завидует. Что жена Формюира... Погодите-ка! Она нахмурилась:

– А где он взял яйцеклетки? У графини?

– А вот тут возникает следующая правовая заминка во всей этой истории, – жизнерадостно сообщил Форкосиган. – Графиня, у которой четверо своих – и его – детей-подростков, не желает иметь с этим делом ничего общего. Вообще-то она перестала с ним разговаривать и уехала. Один из оруженосцев Формюира по секрету поведал Пиму, что, когда граф в последний раз попытался навязать ей... хм... супружеский визит и пригрозил высадить дверь, графиня вылила ему на голову из окна ведро воды – а дело было в разгар зимы – и пригрозила лично согреть его плазмотроном. А потом запустила в мужа ведром с воплем, что раз уж он так любит эти свои пластмассовые жбаны, то может воспользоваться и этим ведром. Я верно изложил, Пим?

– Не совсем дословно, но почти так, милорд.

– А она попала в него? – заинтересовался Марк.

– Да. Оба раза. Как я понимаю, у нее меткий глаз.

– Полагаю, в таком случае угроза прибегнуть к плазмотрону произвела должное впечатление.

– С точки зрения профессионала, – пояснил Пим, – когда стоишь рядом с мишенью, не отличающийся меткостью агрессор куда опаснее. Как бы то ни было, оруженосец графа убедил его покинуть поле боя.

– Но мы отвлеклись, – ухмыльнулся Форкосиган. – О, спасибо, Пим. – Внимательный оруженосец невозмутимо налил своему лорду еще кофе, затем снова наполнил чашки Катрионы и лорда Марка. – В окружной столице Формюира вот уже несколько лет работает коммер-

ческий центр воспроизводства с маточными репликаторами, где растят детишек для состоятельных людей, – продолжил Форкосиган. – Когда какая-нибудь пара приходит туда, медики, как правило, берут у жены несколько яйцеклеток. Это самая сложная и дорогая процедура. Запасные яйцеклетки некоторое время хранятся в замороженном виде, и если их не востребуют, в дальнейшем уничтожаются. Или должны уничтожаться. Граф Формюир подошел к вопросу с практической точки зрения. Он приказал своим медикам собирать все лишние жизнеспособные яйцеклетки. Этим решением он особенно гордился, когда рассказывал мне всю эту историю.

А вот это действительно ужасало. Никки Катриона родила сама, но с тем же успехом могло быть и иначе. Если бы у Тьена хватило здравого смысла или она сама из элементарной предосторожности воспротивилась бы, вместо того чтобы позволить соблазнить себя романтическими бреднями на тему естественных родов, они с Тьеном вполне могли прибегнуть к маточному репликатору. И ей не составляло труда представить себе собственную реакцию, узнай она сейчас, что давно желанная дочка – отныне собственность какого-то эксцентрика вроде Формюира...

– А кто-нибудь из женщин знает об этом? – спросила Катриона. – Из тех, чьи яйцеклетки были... украдены, если можно так выразиться?

– Ну, вначале никто не знал. А потом поползли слухи, и в результате император решил отправить своего новоиспеченного Аудитора разобраться на месте. – Лорд Форкосиган, не поднимаясь с кресла, отвесил Катрионе поклон. – А что касается того, можно ли назвать это кражей, то Формюир заявляет, что не нарушил ни одного барраярского закона. Довольно самоуверенное заявление. В течение нескольких ближайших дней мне предстоит консультироваться с юристами Грегора и выяснить, действительно ли это так. На Колонии Бета его бы за такие фокусы подвесили вверх ногами, и медтехников с ним заодно, но на Колонии Бета Формюир и не смог бы зайти так далеко.

– И сколько же у него на данный момент девочек? – раскачиваясь на стуле, уточнил лорд Марк.

– Восемьдесят восемь уже родившихся, тридцать дозревают в маточных репликаторах. Плюс первые четверо детей. Итого сто двадцать два ребенка у этого идиота, и ни одного у... Короче, я приказал ему Голосом императора не зачинать больше детей, пока Грегор не разберется с этой хитроумной схемой. Формюир было запротестовал, но я указал ему, что, поскольку все имеющиеся у него репликаторы все равно заняты и останутся таковыми на ближайшие семь месяцев, никакого реального ущерба он на самом деле не понесет. Тогда Формюир заткнулся и отправился советоваться со *своими* юристами. А я полетел в Форбарр-Султан, устно доложил Грегору о результатах, отправился домой и завалился спать.

Как заметила Катриона, упомянуть о своем припадке лорд Форкосиган не удосужился. Так чего добивался Пим, оповестив ее об этом?

– Должен быть соответствующий закон, – произнес лорд Марк.

– Должен, – откликнулся его брат, – но закона нет. Это Барраяр. Предлагать для разрешения возникшей проблемы бетанскую правовую модель, на мой взгляд, все равно что предлагать рецепт революции, поскольку большая часть их статей на Барраяре неприменима. Кроме бетанских, по этому вопросу есть еще с десятков галактических кодексов. Вчера вечером я оставил Грегора бормочущим о создании комитета по изучению всех этих кодексов и законов, чтобы затем рекомендовать на рассмотрение свой вариант Объединенному Совету. И он хочет сунуть в этот комитет меня за все мои преступления. Ненавижу комитеты! Куда больше предпочитаю старую добрую командную цепочку.

– Лишь в том случае, если ты в самом ее верху, – сухо заметил лорд Марк.

Лорд Форкосиган сардонически усмехнулся:

– Ну, вообще-то да.

– Но сможете ли вы прижать Формюира с помощью нового закона? – спросила Катриона. – Ведь его ситуация точно подпадает под правило «закон обратной силы не имеет».

– В том-то и проблема! – улыбнулся Форкосиган. – Нам нужно прищучить Формюира до того, как удастся протолкнуть через Совет Графов и министров новый закон, и сделать это на основании какого-нибудь закона, уже существующего, чтобы охладить возможных подражателей. Обвинить его в изнасиловании невозможно. Я проглядел все юридические определения, ни под одно он не подходит.

– А над девочками не издеваются? Хорошо ли о них заботятся? – обеспокоенно поинтересовался лорд Марк.

Лорд Форкосиган пронзительно посмотрел на брата.

– Я не такой большой специалист по яслям, как ты, но, на мой взгляд, с ними все в порядке. Здоровые... шумные... Очень веселые, жизнерадостные. Формюир сообщил мне, что на каждых шестерых детей приходится две няньки, работающие посменно. Он также поведал о своих дальнейших планах, в которых предусматривает, чтобы впоследствии старшие дети присматривали за младшими. Это наводит на тревожные мысли о том, насколько далеко Формюир собирается продвинуть свое генетическое предприятие. Да и в рабовладении мы его обвинить не можем, потому что все дети на самом деле его дочери. А обвинение в краже яйцеклеток при нынешнем законодательстве вообще практически не проходит. – И добавил неожиданно сердито: – Барраярцы!

Клон-брат странно посмотрел на него.

– По барраярским законам, – медленно заговорила Катриона, – когда семьи в касте форов распадаются из-за смерти одного из супругов или по каким-либо другим причинам, девочки теоретически должны оставаться с матерью или ее родственниками, а мальчики – с отцами. Разве девочки не принадлежат их матерям?

– Это я тоже уточнял. Не говоря о том, что Формюир никогда не был женат ни на одной из них, я сильно сомневаюсь, что матери захотят забрать дочерей, и уж наверняка большинство из них очень огорчится.

Относительно первого Катриона была вовсе не уверена, но со вторым была согласна полностью.

– Да и если мы принудим матерей их забрать, то какое тут наказание Формюиру? Его округ по-прежнему останется богаче на сто восемнадцать девочек, а ему к тому же даже не придется их кормить. – Форкосиган отложил недоеденный кусок хлеба и нахмурился. Лорд Марк выбрал второй – нет, третий – кусок и принялся жевать. Повисло мрачное молчание.

Катриона задумчиво нахмурилась.

– Судя по вашим словам, Формюир очень обеспокоен финансовыми и экономическими проблемами. – Далеко не сразу после рождения Никки она задумалась, не потому ли Тьен настаивал на старом способе, что он значительно дешевле. Аргумент «нам не придется ждать, пока мы сможем себе это позволить» был для Катрионы очень весомым. Мотивации Формюира явно не только генетические, но и экономические: в конечном итоге прибыль для его округа, а следовательно, и для него самого. В дальнейшем этот техно-гарем обеспечит графу навар в лице ста восемнадцати налогоплательщиц, да еще вкуче с мужьями, которых, как наверняка планировал Формюир, дочери притащат в его владения. – Девочки на самом деле – признанные бастарды графа. Уверена, я где-то читала... Кажется, в Период Изоляции императорские и графские незаконнорожденные дочери должны были получать от своих высокородных отцов богатое приданое? И для этого требовалось императорское дозволение. Приданое было почти равнозначно официальному признанию. Могу поспорить, тетя Фортиц знает все исторические эпизоды, включая случаи, когда приданое приходилось отбирать силой. Разве императорское дозволение не равнозначно императорскому приказу? Не может император Грегор приказать Формюиру дать девочкам приданое... очень богатое?

– Ух ты! – Глаза лорда Форкосигана восторженно блеснули. – Ого! – На его губах зазмеилась ехидная улыбочка. – Ну просто очень богатое. Ну надо же! – Он поглядел на Катриону. – По-моему, госпожа Форсуассон, вы только что подсказали возможный выход. И я, безусловно, как можно быстрее подкину эту мысль Грегору.

Сердце Катрионы забилося при виде его восторга. Как бы то ни было, в ответ на ее улыбку он улыбнулся еще шире. Оставалось только надеяться, что ей удалось хоть немного облегчить Форкосигану вызванную припадком мигрень. В соседней комнате забили часы. Катриона бросила взгляд на свои. Господи, неужели уже так много времени?!

– Ой, мои рабочие придут с минуты на минуту! Лорд Форкосиган, я вынуждена откланяться!

Она поспешно поднялась и вежливо попрощалась с лордом Марком. Пим с лордом Форкосиганом сопроводили ее до двери. Форкосиган по-прежнему был очень напряжен. Интересно, какую боль он пытается скрыть? Он пригласил ее заходить в любой момент, если возникнут хоть малейшие вопросы или ей что-то понадобится, отправил Пима показать, куда складывать дрова, – и остался в дверях, глядя им вслед, пока они не скрылись за углом огромного дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.